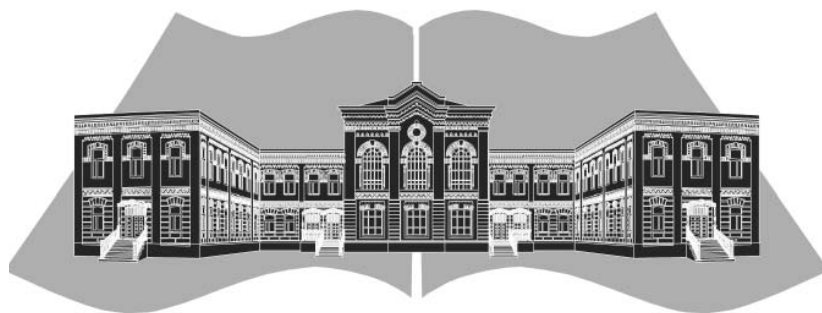

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

Научный журнал

№1 (2012)

г. Орехово-Зуево

2012

*Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт*

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА

Серия: История, философия, политология, право

**Научный журнал
№ 1 (2012)**

Главный редактор:

Доктор философских наук, профессор, академик РАН **А.М. Юнусов**

Зам. главного редактора:

Кандидат юридических наук, доцент **М.В. Измайлов**

Ответственный редактор:

Кандидат филологических наук, доцент **К.В. Булавкин**

Ответственный секретарь: И.Е. Баранова

Члены редакционной коллегии:

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Ю.И. Авдеев

Доктор философских наук, профессор, академик РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации Э.А. Баграмов

Зав. редакцией, младший редактор журнала «Социологические исследования» РАН Э.К. Бийжанова

Доктор философских наук, профессор Д.В. Джохадзе

Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации М.П. Киреев

Доктор исторических наук, профессор, академик РАН В.Ф. Марухин

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Т.Г. Насриддинов

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник А.В. Роговая

Кандидат исторических наук, доцент А.В. Рябцев

Кандидат философских наук, доцент А.Н. Самарин

Доктор философских наук, профессор, академик РАН В.А. Чудинов

Доктор философских наук, профессор, академик РАН Г.А. Югай

© ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2012
© Оформление. Редакционно-
издательский отдел
ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2012

Формат 60x84/8. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.

E-mail: vestnikmgogi@gmail.com

В сети интернет "Вестник МГОГИ" представлен на сайте:
www.mgogi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ

Аксенова Л.Н.

УЧИТЕЛЬСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ ШКОЛ
АЛТАЙСКОЙ МИССИИ5

Введенский А.Д.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ПО ЗЕМСКИМ И ГОРОДСКИМ
ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЯ В 1892-1894 ГОДАХ9

Комарова М.Ю.

СЕЛЬСКИЙ СТАРОСТА В СИСТЕМЕ
КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 13

Рябцев А.В.

ВОЗДУШНЫЕ АСЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА.
РЕАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ИЛИ МИФ «ВЕЛИКИХ
ПОБЕД»? 17

Ткаченко А.С.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО
ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ
В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.24

Янчикова Т.И.

ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ
В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.....30

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Джохадзе Д.В.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ 34

Кондратьев Д.В.

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ..... 44

Петрушенко А.Д.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ В США..... 50

Югай Г.А.

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ –
ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ
ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?) 54

Юнусов А.М.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 67

РАЗДЕЛ 3.

ПРАВО

Киреев М.П., Попов А.П.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА»
И «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ» 72

Лопатёнков А.А.

УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ 77

Полянина А.К.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ В ПЕРИОД
ЭМБРИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА 80

Рязанов Н.Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САМОЦЕННОСТИ
ТАЙНЫ СВЯЗИ 84

РАЗДЕЛ 4.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Булавкин К.В.

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ КАК МОДЕЛЬ
КОСМОСА В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН 87

Трошина А.Е.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИТЧ ХРИСТОВЫХ
В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ..... 96

Чудинов В.А.

ПИСЬМЕННОСТЬ И НОВЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ 99

Шпунтова Т.Т.

ИЗ ИСТОРИИ БУКВАРИСТИКИ 105

CONTENTS

SECTION 1.

HISTORY

Aksenova L.N.

THE TEACHING COURSES OF ALTAY MISSION.....5

Vvedenskiy A.D.

ACTIVITY OF THE MOSCOW GOVERNMENT ABOUT ZEMSKIY AND URBAN MATTERS IN 1892-1894 YEARS.....9

Komarova M.J.

A RURAL SENIOR-MAN IN A SYSTEM OF PEASANT SELF-GOVERNMENT IN MOSCOW GOVERNMENT AT THE BEGINNING OF XX CENTURY13

Ryabcev A.V.

AIR ACES OF THE EASTERN BATTLEFRONT. REAL MASTERY OR JUST A MYTH OF «GREAT VICTORIES»?.....17

Tkachenko A.S.

THE ORTHODOX CHURCH IN VLADIMIR PROVINCE IN THE END OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES24

Yanchikova T.I.

THE POLICY OF DISPOSSESSION OF THE KULAKS IN A MOSCOW REGION IN THE PERIOD OF COLLECTIVIZATION.....30

SECTION 2.

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Dzhohadzhe D.V.

ABOUT THE THEORETICAL BACKGROUNDS OF SOCIALISTIC IDEAS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA34

Kondratiev D.V.

THE HERITAGE OF ANTIQUITY AS A BACKGROUND OF MODERNIZATION OF TRADITIONAL WEST EUROPE SOCIETY44

Petrushenko A.D.

NEW DIRECTIONS OF THE STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE USA.....50

Jugai G.A.

NOT XENOPHOBIA BUT ALTRUISM IS A BASIS OF LIFE (IS A DEMOCRACY WITHOUT ALTRUISM IS POSSIBLE IN RUSSIA?)54

Junusov A.M.

SOCIAL SAFETY IN A SOCIOLOGICAL DISCOURSE.....67

SECTION 3.

LAW

Kireev M.P., Popov A.P.

COMPARISON OF THE NOTIONS OF «THE AIMS OF A CRIMINAL PROCESS» AND «THE AIMS OF CRIMINAL PUNISHMENT»72

Lopatenkov A.A.

DEVIATION FROM MILITARY SERVICE.....77

Polyanina A.K.

THE RIGHT TO LIVE IN A PERIOD OF EMBRYONIC DEVELOPMENT OF A HUMAN.....80

Ryazanov

SOME QUESTIONS OF SELF-VALUE OF SECRET LINK84

SECTION 4.

CULTURE SCIENCE

Bulavkin K.V.

ZBRUCHSKIY IDOL AS A MODEL OF SPACE IN PAGAN IDEOLOGY OF EAST SLAVS87

Troshina A.E.

THE STUDYING OF CHRIST`S PARABLES IN A SCHOOL PRACTICE96

Chudinov B.A.

WRITTEN LANGUAGE AND NEW HISTORICAL SEARCHES99

Shpuntova T.T.

FROM THE HISTORY OF ABC BOOKS105

УДК 37(091)(571.15)

УЧИТЕЛЬСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ ШКОЛ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ

Аксенова Л.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье освещается работа учительских курсов, организованных Алтайской духовной миссией в 80–90-е годы XIX века в г. Бийске и г. Томске, показана просветительская роль православной церкви на Алтае в дореволюционной России.

Ключевые слова: духовная миссия, курсы учителей, Алтай, церковно-приходская школа.

Алтайская духовная миссия, учрежденная в 1829 году, не только выполняла главную задачу – христианизация народов Южной Сибири, но и способствовала развитию сети школ. В школах миссии с самого начала их существования детей обучали на родном языке. Миссионеры создали алфавит, азбуки и буквари для обучения детей алтайцев и шорцев. Подготовка кадров учителей из коренного населения осуществлялась в Бийском катехизаторском училище и второклассной женской школе при Чемальской женской общине. С ростом русского населения в регионе в начале XX в., в школах, подчиненных миссии, становится все больше учителей, имевших образование, полученное в семинариях, второклассных школах, гимназиях и др.

В школах миссии большое значение придавали качеству образования. Понимая, что результаты обучения во многом зависят от уровня подготовки учителей, миссия с 80-х гг. XIX в. организует курсы и съезды учителей с целью повышения их образовательного уровня.

Во второй половине августа и первой половине сентября в 80-е гг. XIX в. миссией были организованы практические занятия по методике начального обучения с оканчивающими курс воспитанниками катехизаторского училища и специально вызываемыми для этой цели учителями миссионерских церковно-приходских школ. Руководство занятиями на «учительских съездах» возлагалось на учителя дидактики катехи-

заторского училища. В сентябре 1888, 1889 гг. в г. Бийске состоялись съезды учителей и учительниц миссионерских школ. Целью данного собрания учителей было «наглядное обучение методу преподавания». Учителя несколько дней посещали уроки в мужских городских, а учительницы – в женских школах. Уроки пения были даны учителями катехизаторского училища. В 1907 г. на учительские курсы в Улалу приезжало более 60 учителей и учительниц [Отчет: 15].

В отчете Томского епархиального училищного совета (далее: ТЕУС) за 1892–1893 учебный год среди предлагаемых мер по улучшению учительского состава на первом месте было отмечено устройство краткосрочных педагогических курсов. В Томской епархии уже имелся некоторый опыт проведения подобных мероприятий. Алтайская духовная миссия проводила их регулярно при Бийском катехизаторском училище для учителей миссионерских школ. В 1893 г. с 15 августа был проведен съезд учителей миссионерских школ. Общее руководство курсами осуществлял начальник миссии. Он же проводил теоретические занятия. Практические занятия по Закону Божьему проводил помощник начальника миссии о. архимандрит Иннокентий, по русскому языку – священник Иоанн Невский, по арифметике – окончивший курс в учительском институте В. Домоховский, обучение крюковому пению и управлению хором – регент А. Анохин [Отчет: 25].

По распоряжению Томского епархиального училищного совета в г. Бийске со 2 по 31 июля 1901 г. были проведены краткосрочные педагогические курсы для учителей и учительниц школ грамоты. На проведение курсов было отпущено 2432 руб. 50 коп. Руководителем и инспектором курсов был назначен Бийский уездный наблюдатель церковных школ священник А. Никольский. Курсы проводились в Сахаровской церковно-приходской школе. Жили учителя в общежитии того же училища. На этих курсах обучались 15 учителей миссионерских школ, вызванных по распоряжению начальника миссии. Расходы на содержание учителей во время курсов, проезд до г. Бийска и обратно, миссия оплатила из своих средств. Из-за невысокого уровня подготовленности учителей в уже сложившуюся программу курсов предшествующих лет, разработанную ТЕУС (Томск, Барнаул – 1899, 1900 гг.), были внесены изменения. На курсах больше внимания уделяли практическим урокам по русской грамматике и правописанию, чтению из русской истории и географии. На вечерних курсовых занятиях большая часть времени отводилось чтению разных методических руководств. В отчете о проведении данных курсов подчеркивается, что первое место было отведено преподаванию Закона Божьего, затем церковному пению, а уже потом русскому языку и арифметике. Образцовый урок по Закону Божьему дал Иоанн Невский. На этом уроке он использовал картины и показал методику работы с ними. По этой дисциплине дал урок и учитель Элекмонарской школы Лизунов [Томские ведомости: 15-18].

Большое внимание было уделено обучению грамоте. По мнению руководителя курсов, занятия по русскому правописанию и грамматике были очень полезны учителям, т.к. позволили им пополнить свои собственные небогатые познания по данным дисциплинам. Значительное внимание на курсах уделялось урокам и методике их проведения в первом отделении. Например, из 14 уроков арифметики, представленных слушателям курсов, 6 были выданы для первого отделения церковно-приходской школы. Особое внимание и интерес у слушателей вызывали вопросы использования наглядности на уроках арифметики.

Немалый интерес был проявлен на курсах, в силу специфики типа школ, к урокам пения. Все слушатели были разделены на две группы. На одну группу для занятий по пению был выделен 21 час. В то время как, на уроки с использованием метода объяснительного чтения было выделено 3 часа.

Курсы были спланированы так, чтобы у учителей было время для самостоятельных занятий. Они писали пробные конспекты по всем предметам курсов. Конспекты просматривались и исправлялись руководителями предметов. Учителя также читали книги, присланные в г. Бийск епархиальной курсовой библиотекой из г. Томска. Кроме того, они получили на курсах знания по дальнейшему усовершенствованию методики проведения уроков путем самостоятельных занятий.

Уменьшение средств, выделяемых миссии Православным обществом, в 1905–1908 гг. не способствовало проведению курсов. Приходилось откладывать не только курсы, но и съезды учителей, т.к. оплата проезда увеличилась в два раза, зарплата учителей была мала, а миссия оплатить прогонные из-за ограниченных средств не могла.

Курсы для учителей состоялись в 1908 г., во многом благодаря активному участию протоиерея И. Восторгова. Во время посещения г. Бийска он проявил интерес к миссионерским школам и выяснил, что уже давно не было учительских курсов для учителей этих школ. Было решено устроить совместные курсы для учителей епархиальных церковно-приходских и миссионерских школ. Местом проведения таких курсов было выбрано с. Улала, как центральное село миссии, имеющее достаточные помещения для проведения курсов. Учительские курсы были проведены с 24 августа по 20 сентября 1908 г. в с. Улале. Заведующим курсами был назначен Бийский уездный наблюдатель церковных школ священник А. Никольский. Руководителями курсов были преподаватель катехизаторского училища Н. Разумовский, наблюдатель миссионерских школ священник Константин Соколов, священник Тихвинского женского монастыря А. Викторов и алтайский миссионер Андрей Пояркин. Программа курсов была заранее разработана Томским епархиальным училищным советом.

На курсах обучалось 60 учителей и около 10 вольнослушателей. В первую очередь были вызваны учителя, которые ни разу не были на курсах со времени окончания школы. Среди курсантов было немного учителей, приехавших с далеких окраин миссии, вынесших многие трудности в работе. Молодые учителя слушали рассказы о службе учителей из отдаленных районов, материальных лишениях, жизни, так «не похожей на юношеские мечтания» [ТЭВ: 558]. Курсы положительно повлияли на профессиональный уровень учителей, расширили их методы и приемы преподавания, но радикально изменить в лучшую сторону дело преподавания в начальных школах миссии они не могли.

Одной из главных проблем обучения в миссионерских школах являлось их недостаточное материальное обеспечение. В 1911 г. был проведен смотр учительского персонала. Частые посещения наблюдателем школ, результаты экзаменов учащихся дали возможность составить довольно объективное представление о деятельности учителей. Часть учителей, «работавшая без святого огня любви к школьному делу», была уволена. На их место были приняты новые кадры. Но даже после этого в миссии понимали, что учительский персонал не безупречен. Хорошим считали учителя не только знающего и умеющего, но и владеющего алтайским языком, а таких учителей катехизаторское училище выпускало немного.

Увеличение суммы средств, отпускаемых на школы миссии, после включения их в школьные списки Томской епархии дало возможность миссии выделить средства учителям для обучения на курсах. В г. Томске летом (с 10 июня по 10 августа) 1910 г. были проведены краткосрочные педагогические курсы с целью подготовки неспособных учителей к сдаче экзамена на звание учителя церковно-приходской школы. В 1911 г. на учительские курсы в г. Томске было вызвано 10 учителей из школ миссии. 5 из них сдали экзамены и получили свидетельства на звание учителя церковно-приходской школы. Подчеркивалось, что учителю-инородцу для сдачи экзамена на звание учителя приходилось затрачивать больше усилий и трудов, чтобы достигнуть уровня знаний русского языка и других предметов наравне с русскими учителями.

В 1916 г. на основании ходатайства архиепископа Томского Училищный совет Св. Синода постановил отпустить в распоряжение Бийского уездного отделения ТЕУС средства на расходы по устройству педагогических курсов с 15 июня по 15 июля при Чемальской второклассной школе для учителей церковно-приходских школ Алтайской духовной миссии. На их проведение было выделено 2000 руб. из кредита по § 10, ст. 3 сметы Св. Синода 1916 г. [ТЕВ: 216].

Курсы проводились с целью обновить и пополнить педагогические сведения учителей, показать и посмотреть образцовые уроки, дать возможность «обменяться мыслями и наблюдениями из опыта».

Инспектором курсов и руководителем по русскому языку был назначен уездный наблюдатель 2-го района церковных школ священник Сергей Стахив. Руководителями по предметам были: по Закону Божьему помощник заведующего Бийским катехизаторским училищем про-

тоиерей Иван Борецкий, по арифметике учительница Чемальской второклассной школы А.Д. Смирнова, по пению учительница той же школы М.В. Покровская. В помощь ей был приглашен живший на отдыхе недалеко от Чемала, учитель пения в Томском учительском институте А.В. Анохин. Учительницы были размещены в помещении женской общины. Организацию их проживания взяла на себя игуменья Людмила. Учителя были размещены в пансионе частного лица. Руководство ими осуществлял местный священник И. Бобраков.

Небольшая сумма вызвала затруднения в составлении списков лиц, командированных на курсы. В Горном Алтае всегда были высокие цены на продукты, к тому же в Чемале курсы проводились в разгар курортного сезона, что тоже повлияло на цены. Необходимо было учитывать и рост цен на прогонную плату, т.к. прошедшей зимой из-за бескормицы был большой падеж скота. Решено было вызвать 20 учителей и 20 учительниц школ миссии с полным обеспечением и оплатой проезда туда и обратно. Прочим желающим предоставлялась возможность быть вольнослушателями на курсах за свой счет. Кроме командированных, в работе курсов приняли участие выпускники и учащиеся IV дополнительного класса второклассной Чемальской школы. Вольнослушателями записались учителя из других мест (Московской губернии, гг. Томска, Омска, Красноярска, Енисейска, Кузнецка, Барнаула, Бийска и др.), которые отдыхали в Чемале. Среди них было учителей гимназий – 4, министерских школ – 10, земских – 2, церковно-приходских – 5 и частных лиц – 5. Вместе с ними в работе курсов приняло участие 86 человек.

Открытие курсов состоялось 15 июня. Среди слушателей было проведено анкетирование. 16 июня начались занятия в образцовой школе при Чемальской второклассной школе. Учителя-курсанты проводили уроки с 31 учащимся всех трех отделений Чемальской школы. Расписание уроков было составлено для занятий со всеми тремя отделениями и не всегда по одному и тому же предмету, а также с учетом пожеланий слушателей. Расписание уроков было таким, каким оно могло быть в начале года в любой школе. Окончившие катехизаторское или другое учебное заведение давали образцовые уроки по предметам в каком-либо одном отделении начальной школы. Выпускникам учебных заведений чаще всего приходилось работать в школах, в которых занятия необходимо было проводить сразу с тремя отделениями и большим количеством

учащихся. Учителя испытывали затруднения, терялись и не всегда находили приемлемое решение, потеряв при этом дорогое учебное время. Естественно, что результаты обучения тоже снижались.

В период проведения курсов слушатели придерживались составленного специально для них распорядок дня: в 8.30 час. – молитва, с 8-50 – три урока по предметам, четвертый урок – пение. В 18 часов начинались вечерние занятия. Эти занятия посвящали анализу уроков, данных днем, читали объяснительные записки к программам учебных предметов, проводили беседы по педагогике и один час отводился на пение. Ежедневные занятия по пению были вызваны тем, что А.В. Анохину необходимо было уехать до завершения курсов.

Для участников курсов устраивались прогулки к месту впадения р. Чемал в р. Катунь. Силами слушателей курсов для всех детей с. Чемала было устроено литературное утро, проведен литературно-музыкальный вечер.

Слушатели курсов вместе с детьми приюта и насельницами общины посетили лекцию Г.И. Гуркина на тему: «Алтай и алтайцы», которая сопровождалась «демонстрированием световых картин более семидесяти экземпляров» [ТЕВ: 155]. Закончились курсы встречей с при-

бывшим в с. Чемал митрополитом Московским и Коломенским Макарием.

Учительские курсы и съезды, проводимые для учителей миссионерских церковно-приходских и школ грамоты, способствовали приобщению их к новым методам в обучении детей данного типа школ, использованию наглядности и др. На курсах рассматривались как теоретические вопросы, так и практическое их применение в школах миссии. В отличие от курсов и съездов учителей других регионов России в силу специфики миссионерских школ большее значение придавалось методике преподавания Закона Божьего, пению. На курсах не поднимались и не обсуждались вопросы жилищно-бытовых условий учителей, заработной платы. Курсы позволяли учителям миссионерских школ (с начала XX в. такими считали учебные заведения, обучающие детей коренных народов юга Сибири на родном языке) общаться не только с учителями других школ миссии, Сибири, но и европейских губерний России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 г. – Томск, 1889. – С.15.
2. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1893 г. – Томск, 1894. – С.25.
3. Томские епархиальные ведомости (далее: ТЕВ.). – 1902. - № 5. – С. 15-18.
4. ТЕВ. – 1909. - № 10. – С.558.
5. ТЕВ. – 1917. - № 10. – С. 216.
6. ТЕВ. 1917. № 18. – С. 155.

Summary

THE TEACHING COURSES OF ALTAY MISSION

L.N. Aksenova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The activity of teaching courses, organized by Altay spiritual mission in eightieth-ninetieth years of the nineteenth century in Byisk and Tomsk is given in the article; enlightening role of the Orthodox Church in Altay in pre-revolutionary period in Russia is also examined there.

Key words: spiritual mission, teaching courses, Altay, parish school.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПО ЗЕМСКИМ И ГОРОДСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЯ В 1892-1894 ГОДАХ

Введенский А.Д.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В работе рассматривается деятельность губернского присутствия по земским и городским делам в первой половине 90-х годов XIX века в Московской губернии.

Ключевые слова: губернное присутствие, земское самоуправление, законодательство, земские выборы.

Губернское по земским делам присутствие создавалось с целью упорядочения работы по административному контролю над органами земского самоуправления. Его организация была обусловлена необходимостью надзора за правильностью и законностью их постановлений, а также стремлением к ускорению решения многих дел до этого часто подолгу лежавших в департаментах Правительствующего Сената, буквально заваленному делами по опротестованию решений земств. Учреждение этого особого органа, представляющего собой, по сути, межведомственную комиссию, произошло в результате земской реформы 1890 года. Согласно 8 статье нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях, «для обсуждения в подлежащих случаях правильности и законности постановлений и распоряжений земских учреждений и для решения других дел, образуется в каждой губернии губернское по земским делам присутствие» [4].

Позже, с выходом нового городского положения 1892 года, губернское по земским делам присутствие было объединено с губернским по городским делам присутствием, существующим уже с 1876 года. Это было сделано для упрощения работы, поскольку специфика деятельности этих органов была почти одинаковой. Таким образом, после соединения двух присутствий в одно, у новой организации появилась возможность контролировать и разбирать важнейшие вопросы, касающиеся интересов всей губернии.

На присутствие в основном возлагаются функции административного суда, решения которого чаще всего не были окончательными. Решения губернатора о приостановке земских постановлений, жалобы частных лиц губернатору на действия земства, признание земских выборов не-

действительными и назначение новых – так определялся круг ведения данного учреждения [1]. Любое постановление присутствия могло быть обжаловано как земскими учреждениями, так и частными лицами в Сенате в установленные законом сроки [3].

В данной статье поставлена задача – исследовать деятельность присутствия на примере Московской губернии в первые годы его работы (1892–1894).

За этот период деятельности присутствия сменился глава губернии. В 1893 году Д.С. Сипягина на посту московского губернатора и соответственно председателя присутствия заменил А.Г. Булыгин, чиновник с большим опытом местного управления, поскольку с 1896 по 1897 годы он был тамбовским вице-губернатором, а в последующие 6 лет являлся калужским губернатором [6]. До назначения нового губернатора несколько месяцев председательствовал в присутствии вице губернатор Л.А. Боратынский. Менялись и другие члены присутствия. На заседаниях постоянно присутствовали от шести до десяти человек.

Долгое время в отечественной историографии царило мнение, что решение присутствия зависело целиком и полностью от губернатора и все члены оногo беспрекословно ему подчинялись, а позицию присутствия на сто процентов отождествляли с волей главы губернии [2]. Это не соответствует действительности. И хотя в подавляющем большинстве случаев мнение присутствия и губернатора совпадали, но существует масса примеров обратного.

Например, в 1893 году на заседании присутствия рассматривалось дело по протесту губернатора на постановление Клинского уездного

земского собрания относительно покупки ржи у супруги члена земской управы Лебедева.

Суть этого дела такова: крестьяне Петровской волости Клинского уезда обратились в уездную управу с ходатайством о выдаче им в ссуду ржи из губернского продовольственного капитала. Член управы Лебедев признал необходимым выдать требуемое количество зерна в ссуду. После чего семена были куплены у землевладелицы Лебедевой, супруги члена управы, да еще и по завышенной цене.

Ревизионная комиссия Клинского уездного земского собрания составила по этому случаю доклад, где отметила, что, хотя статья 106 земского положения 1890 года, воспрещающая председателю и членам земских управ участвовать в подрядах и поставках по предметам земского хозяйства, к настоящему делу прямо не относится, так как семена были куплены не у члена управы, а у его жены, тем не менее, такие покупки нежелательны в будущем.

Один из гласных Клинского земского собрания Оленин поднял вопрос по поводу доклада комиссии на очередном земском собрании и предложил признать действия управы по закупке ржи у Лебедевой неправильными. Однако собрание посчитало, что поскольку действия управы прямо не противоречат статье 106, то ее члены закон не нарушили. Тем не менее, такие действия не должны быть допускаемы в будущем. Оленичев же остался при особом мнении.

Губернатор Булыгин, ознакомившись с журналом заседания собрания, решил, что оно должно было принять более четкое и определенное решение о совершенном и безусловном запрещении таких случаев, и передал постановление Клинского земского собрания, как нарушающее земское положение в присутствии. Присутствие же, в свою очередь, ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, пришло к выводу, что не усматривает в означенном постановлении земского собрания, каких-либо нарушений закона требующих его отмены и что рекомендаций на будущее не допускать больше подобных закупок более чем достаточно. Соответственно присутствие оставило постановление собрания в силе большинством голосов – семь против одного – председателя собрания, губернатора [10].

Что интересно, в данном случае даже вице-губернатор не поддержал своего начальника. Губернатор остался при особом мнении. Конечно, в данном случае, кто был действительно прав – вопрос спорный и желание губернатора не потворствовать подобным махинациям выглядит

вполне справедливым и обоснованным. Для нас здесь важен сам факт того, что мнение присутствия и мнение губернатора разошлись.

Может сложиться впечатление, что губернское по земским и городским делам присутствие отменяло едва ли не большую часть постановлений земских собраний, стараясь не допустить усиления влияния земств на общество. Но это далеко не так. Усиление административного контроля деятельности земства, по сути дела не происходило, но, однако, усилился контроль законности земских постановлений, и сама процедура стала более упорядоченной. Ни один из членов присутствия, за исключением секретаря, не имевшего права голоса, не мог уделять работе в нем много времени. Надзор за земскими учреждениями ни для кого из них не был основным элементом службы.

Следует отметить, что ни одно решение губернских и уездных земских органов за эти годы не было отменено по причинам нецелесообразности. Если присутствия и отменяли их постановления земских собраний, то исключительно по причине нарушения закона или круга ведомства земских учреждений.

Вот, к примеру, два любопытных дела за 1892 год, где постановления земских собраний были отменены. Первое за нарушение круга ведомства, а второе из-за противоречия закону. Оба они были рассмотрены на одном заседании и касались решений Волоколамского уездного земского собрания. В деле под номером один речь идет о том, что на заседании собрания председатель уездной земской управы заявил, что управа обязана поблагодарить всех лиц административных и общественных учреждений уезда за оказываемое ей содействие во всех отраслях ее деятельности. А также попросил собрание выразить особую благодарность трем земским начальникам уезда, за особо активную помощь. Собрание согласилось и приняло это предложение выразить официальную благодарность. Губернатор, найдя это постановление собрания состоявшимся с нарушением круга ведомства земских учреждений, передал в присутствие. Присутствие полностью согласилось с губернатором, так как на основании разъяснений Правительствующего Сената от 14 февраля 1873 года «общественным учреждениям не предоставлено права изъявлять официально благодарность и признательность должно должностным лицам, состоящим на правительственной службе». Постановление Волоколамского земского собрания было отменено.

В деле под номером два рассматривается протест губернатора на постановление того же

собрания об избрании в гласные губернского земского собрания Безобразова. Суть дела такова: один из гласных, избранных в 1891 году в губернское земское собрание от Волоколамского уезда выбыл до истечения своего трехлетнего срока. Волоколамское уездное земское собрание в свою очередную сессию приняло решение заменить выбывшего другим и провело дополнительные выборы, на которых избрало в гласные Безобразова. Губернатор, найдя данное постановление нарушающим закон, передал его на рассмотрение присутствия. Присутствие пришло к выводу, что это постановление действительно прямо противоречит статье 58 земского Положения, в которой четко сказано, что гласные, выбывающие в течение трехлетнего срока из состава земских собраний, заменяются до истечения выборного срока, по принадлежности кандидатами, избранными по статье 43 Положения при первоначальных выборах.

Согласно статье 43, кандидатами зачислялись гласные, получившие путем баллотировки более половины избирательных голосов, но не прошедшие из-за слишком высокой конкуренции [4]. Кроме того в Положении не имеется никаких указаний на возможность производства в течение трехлетнего срока дополнительных выборов для замещения выбывающих гласных. Естественно, что присутствие отменило и это постановление Волоколамского земского собрания [7].

Дела, которые мы рассмотрели, показывают, что зачастую земцы становились жертвой элементарного собственного незнания закона, а вовсе не произвола со стороны губернских властей.

В присутствие также поступали дела, требующие уголовного преследования и наказания различных лиц за совершенные ими должностные преступления. Например, в этом же 1892 году попало дело о растрате бывшим коломенским головой купцом Петровым выданных ему по службе общественных денег. Это дело рассматривалось на двух заседаниях присутствия в июне и в декабре. На первом заседании присутствие журнальным постановлением возбудило через судебного следователя предварительное следствие о действиях Петрова. По окончании следствия прокурор Московской судебной палаты передал в присутствие заключение прокурорского надзора и следственное производство. Из добытых сведений было очевидно, что Петров, получив в 1887 году из коломенской городской управы 200 рублей на покупку материалов для переплетной мастерской Коломенского ремесленного училища, употребил по принадлежности только 85 рублей.

Остальные же 115 рублей растратил и так и не возвратил в городскую кассу. Эти факты рассматривались уже на декабрьском заседании присутствия, где в действиях купца Петрова был найден состав преступления, и было единогласно решено на основании приведенных доказательств передать Петрова суду Московской судебной палаты [8].

Были случаи, что присутствию приходилось заниматься урегулированием взаимоотношений между органами городского и земского самоуправления. 21 мая 1893 года в присутствие поступил протест губернатора на постановление городской думы Павловского Посада об отказе устройства нового арестантского помещения при полиции. В марте в городскую управу поступило сообщение Богородского уездного исправника, в котором говорилось, что существующее Павловском Посаде помещение для арестованных находится в таком ветхом состоянии, что арестанты могут даже выломать потолки. В этом сообщении исправник просит управу выделить деньги на строительство нового помещения. Через несколько дней управа доложила об этом на заседании городской думы. Дума же заявила о том, что и уездная земская управа должна взять на себя часть расходов по устройству арестантского помещения, и постановила, что городское общественное управление слагает с себя обязанность устройства данного помещения в случае отказа уездного земства также предоставить на это часть средств. Земская управа в свою очередь заявила, что по закону не обязана содержать полицейские арестантские помещения в городах. В дело вмешался губернатор Сипягин и передал его в присутствие. Так как в «Уставе о содержании под стражей» 1890 года устройство таких помещений в городах действительно относилось только на счет городских доходов, то присутствие пришло к заключению, что городская дума Павловского Посада не имела права ставить таких условий и отменила это абсурдное постановление. В этом случае присутствие поддержало позицию земства, поскольку она полностью соответствовала букве закона [9].

В 1894 году проходили очередные выборы гласных в московские губернские и уездные земские учреждения на следующее трехлетие. Естественно это было очень важное событие в работе присутствия. В этот период на одном из заседаний его членами обсуждалось дело по возращению губернатора на списки избирателей по Богородскому уезду. В составленной Богородской уездной земской управой списках лиц и учреждений, имеющих право участия в предстоящих вы-

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПО ЗЕМСКИМ И ГОРОДСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЯ В 1892-1894 ГОДАХ

борах по уезду в первое избирательное собрание как владельца соответствующего цензу недвижимого имущества (земли) включили сословное общество «Костромское дворянство». Губернатор, найдя занесение его в список неправильным, передал дело на рассмотрение присутствия. Присутствие, ознакомившись со списком учреждений и обществ, имеющих право участия в земских выборах по 16 статье Положения о земских учреждениях 1890 года (благотворительные, ученые и учебные учреждения, торговые и промышленные общества, товарищества и компании) [4] совершенно справедливо не сочло возможным отнести к числу перечисленных сословные общества. Занесение «Костромского дворянства» в список избирателей было признано неправильным и присутствие потребовало от Богородской управы исключить данное общество из списка [11].

Данное дело показывает, что присутствие в своей работе вовсе не руководствовалось, вопреки мнению некоторых историков, сословным принципом, а старалось действовать в рамках

действующего законодательства. Интересно, что губернатор в данном случае сам и указал на ошибку управы, не закрыв на нее глаза, хоть дело и касалось дворянского сословия.

За эти три года присутствием на своих ежемесячных заседаниях было рассмотрено 216 дел совершенно разной специфики и значимости. От дел по земским выборам, крупным денежным займам для уездного и губернского самоуправления, протестов губернатора на различные постановления земских собраний и городских дум московской губернии и до мелких жалоб мещан и крестьян на действия органов самоуправления. И все эти дела изучались членами присутствия тщательно и досконально.

Проанализировав деятельность присутствия в течение этого времени можно сделать однозначный вывод, что она была плодотворной, насыщенной и достаточно объективной. В своих решениях присутствие опиралось на существующее тогда законодательство и не ставило целью ущемление прав органов местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов В. В. Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX – начало XX вв. – М., 2002.
2. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. – СПб., 1913.
3. Петровичева Е.М. Развитие земского законодательства в России и социальная практика земских учреждений в конце XIX - начале XX вв. // Социальные практики правоприменения и правоисполнения в мировой истории. М.: Институт всеобщей истории Российской Академии наук, 2009. – С.107-119.
4. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Июль 1890, Полное собрание законов Российской империи., – СПб., 1893. Собр. 3. Т. – 10. Отд. 1. – С. 493-510.
5. Чичерин Б.Н. Воспоминания: земство и Московская дума. – М., 1934.
6. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., – 1918.
7. ЦИАМ.Ф.65.Оп.45.Д. 3, л. 80-82.
8. ЦИАМ.Ф.65.Оп.45.Д. 3, л.112-113.
9. ЦИАМ.Ф.65.Оп.45.Д. 31, л.78-79.
10. ЦИАМ.Ф.65.Оп.45.Д. 31, л.273-276.
11. ЦИАМ.Ф.65.Оп.45.Д.35, л. 187.

Summary

ACTIVITY OF THE MOSCOW GOVERNMENT ABOUT ZEMSKIY AND URBAN MATTERS IN 1892-1894 YEARS

A.D. Vvedenskiy

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The activity of government presence about zemskiy and urban matters in the first middle of the ninetieth years in Moscow government is examined in the article.

Key words: government presence, zemskiy self-government, legislation, zemskiy elections.

СЕЛЬСКИЙ СТАРОСТА В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Комарова М.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается роль сельского старосты в системе крестьянского самоуправления в царской России рубежа XIX–XX веков на примере Московской губернии.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление, поземельная община, сельский староста.

Крестьянская поземельная община (сельское общество) после отмены крепостного права была единицей хозяйственного самоуправления крестьян в Московской губернии. Принятое 19 февраля 1861 года «Общее положение о крестьянах вышедшей из крепостной зависимости» определило официально признанную структуру и полномочия сельского общественного управления. Эта не была искусственно разработанная правительством и «спущенная сверху» система. Общее положение только узаконило уже существующие традиции крестьянского самоуправления до отмены крепостного права [1, с. 126].

Остановим особое внимание на должности сельского старосты. Фигура главы сельского общества была скомпрометирована еще в до-революционной историографии: «Способных на активное начальствование поэтому сходит избирает, и избирает любого...некоторые старосты считают свою службу чуть не за наказания» [2, с. 34]. В советский период крестьянское самоуправление в российской империи вообще называли чуть ли не фикцией. Попытаемся показать реальную роль сельского старосты в самоуправлении крестьянской общины.

Сельский староста Московской губернии избирался большинством голосов сельского схода. В его обязанности входило: созывать и распускать сельский сход, поддерживать на нем порядок; выносить на обсуждение схода вопросы о нуждах сельского общества; приводить в исполнение приговоры сельского схода, распоряжения волостного управления, учреждений, заведовавших управлением и поземельным устройством крестьян, местной полиции и правительства; следить за сохранностью межевых знаков на землях крестьян и исправностью путей сообщения на территории сельского общества; обеспечивать своевременный взнос денежных сборов и других повинностей; исполнять функции сборщика пода-

тей там, где его не было; следить за соблюдением условий и договоров, заключенных крестьянами, за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, учрежденных сельским обществом за свой собственный счет, за сохранностью и правильным использованием запасного общественного хлеба; распоряжаться мирскими средствами. В Московской губернии на сельского старосту возлагались также функции полицейского характера [1, с. 138].

Срок службы сельского старосты в Московской губернии составлял три года. В случае, если он устраивал общество, у него были хорошие отношения с волостным и уездным начальством, срок службы мог быть продлен. При этом, если крестьянина выбирали главой общества первый раз, он не мог отказаться. Староста, который занимал должность не первый срок, был лучше ознакомлен с хозяйством, проблемами общества, у него были налажены связи с волостными властями, земским начальником, «во всяком деле он способен дать хороший совет, благодаря долгому опыту. Таких старост и начальство очень ценит, просит о награждении их похвальными листами, медалями, почетными кафтанами. Получить старосту такого – награда, и самому обществу лестно, так как общество его сделало старостой» [3, с. 31].

Ряд исследователей отмечают, как крестьяне пытались избежать занятия этой должности: «Пора уже бросить крестьянству постыдное дело сажать людей в старосты, чтобы досадить им, или заставить их откупаться от службы водкою или деньгами, а что такие дела случаются и теперь, тому доказательством служит то, что жалобы на такие явно незаконные действия доходят даже до Правительствующего Сената» [3, с. 32]. На основе этого делают вывод, что сельский староста был крайне не почетной фигурой в общине. Однако надо помнить, сколько обязанностей

возлагалось на главу общества, и у крестьянина просто не оставалось времени на собственное хозяйство. В большинстве обществах Московской губернии сельский староста занимался еще сбором податей, заведовал общественным магазином, поэтому иметь хорошего старосту для общины – дело первой важности.

В обществах Московской губернии выборы старосты проходили зимой, так как «в течение января и февраля производится учет старосты за истекший год» [4, л. 9]. При этом для лучшего управления и не допущения бесхозяйственности, выборы нового старосты и волостного старшины не могли производиться в один год: «...необходимо чтобы все эти лица или часть их не оказались совершенно неопытными в исполнении возложенных на них обязанностей, а допустить это можно только при условии разновременных их выборов. Таким образом, при выборе в известном году одного Волостного старшины он будет иметь в своей волости старост, прослуживших уже не менее двух лет, и занимать эту должность в течение года при опытном старосте...» [4, л. 9]

Старосты Московской губернии не получали фиксированной зарплаты. В каждой общине крестьяне сами назначали и обеспечивали жалование своему главе. Поэтому размер сумм, получаемых старостой за службу, мог значительно варьироваться в зависимости от экономического состояния общины.

Самое низкое жалование было у старост обществ в Верейском и Клинском уездах, в Коломенском и Богородском уездах жалования сельских должностных лиц были одними из самых больших в Московской губернии.

Неоднородность штата сельских старост в работах исследователей подчеркивалась неоднократно. Часто можно встретить утверждение, что на эту должность избирали людей безынициативных, слабых характером и даже пьяниц. Делалось это якобы оттого, что крестьяне над собой не признавали никакой власти, и специально избирали человека, при котором они «могли бы жить спокойно». Случаи избрания некомпетентного старосты действительно были: «...сельский староста... отправился пешком в волостное правление для сдачи общественных денег, но волостное правление не явился и куда скрылся неизвестно. По объявлению родственников, староста пьет запоем» [5, л. 52], – но это было скорее исключение.

Основываясь на данных, полученных в ходе исследования, можно говорить, что крестьяне обычно стремились избрать старостой сельского общества хозяйственного и толкового челове-

ка. Некоторые общины предпочитали избрать на должность сельского старосты зажиточных крестьян, считая их более хозяйственными и способными возместить денежные затраты, если такие будут. Вот как описывают своего главу крестьяне Знаменского сельского общества Звенигородского уезда: «Сельский наш староста один из достойнейших односельчан – поведения и образа жизни безукоризненного, хорошо грамотный, человек знающий свое дело, крайне полезный для общества, ведет общественное дело совершенно честно, ни в чем никогда, ни только не был по службе и жизни замаран, но никогда не подвергался даже замечанию» [5, л. 67].

Нужно помнить, что сельский староста был посредником между крестьянской общиной и властью, именно он официально представлял позицию своих односельчан в волостном правлении. И, конечно, крестьяне хотели видеть на этой должности человека, который бы мог отстоять их интересы, защитить от произвола: «Сельский староста деревни Бурцевой, где расположена лагерем запасная конная батарея, возбуждает крестьян к неудовольствию на отвод квартир в их домах для войска, и что староста при разговоре с командиром батареи выражался «что такое делается – мужиков обременяют стойкой солдат, а к помещикам и господам не ставят»» [5, л. 97]. Крестьяне, в свою очередь, во всем поддерживали такого старосту, и в случае конфликта сельского главы с волостным старшиной, земским начальником, выступали не его стороне, идя даже, в некоторых случаях на неподчинение волостным властям: «...Крестьяне Бреховского сельского общества от учета своего старосты отказались, и воспрепятствовали выдать должностной знак, печать, книги кандидату... Крестьяне объяснили, что они против старосты никаких претензий не имеют, находя его для себя в отношении службы полезным...» [5, л. 15].

Стоит остановиться также и на взаимоотношениях сельского старосты и вышестоящих властей. С момента отмены крепостного права и законодательного оформления крестьянского самоуправления, правительство через серию последующих преобразований пыталось ужесточить контроль над крестьянской общиной. В 1889 году была проведена реформа, резко увеличившая степень вмешательства правительства в крестьянские дела. Была создана должность земского участкового начальника (на уезд приходилось в среднем около четырех участков), в обязанности которого был включен мелочный контроль всей деятельности сельских обществ и волостей.

Однако, староста небезропотно воспринимал решения земского начальника. В канцелярии Московского губернатора и губернского присутствия хранятся множество письменных жалоб от сельских должностных лиц и простых крестьян, которые доводили до вышестоящего руководства о злоупотреблениях земского начальника, о неправомочности его деятельности. Это свидетельствует, кроме прочего, о высокой гражданской активности населения, которое борется за свои права и интересы, чего так не хватает нынешним жителям России.

Были случаи, когда крестьяне писали жалобы и на своих старост. Чаще всего их обвиняли в растрате общественных денег, нанесении оскорбления и допущении самоуправства. Но обстоятельное рассмотрение многих дел, содержащих обвинения в адрес старост, показывает, что нередко они являлись клеветой.

В то же время, сельский староста был значительной фигурой в деревне, так как являлся представителем власти, наиболее близким к народу. Несмотря на то, что глава общины должен был выполнять все спускаемые сверху распоряжения, он не являлся чиновником, а был первым в среде общинников, самым настоящим главой сельского мира. В глазах крестьян староста, иногда, выглядел единственным защитником от «правительственного произвола». Наглядным примером может служить события, описываемые земским начальником Волоколамского уезда в рапорте Московскому губернатору. «...Мною были собраны в волостном правлении все старосты волости для проверки лицевого счета, из каковой выяснилось, что старостами не разнесен по книгам дополнительный волостной сбор, объясняя это тем, что от уплаты этого сбора на селение отказываются... Я обязал старост в недельный срок

эту ошибку исправить. Против этого распоряжения особенно сильно возражал староста деревни Красниково Гаврила Иванов, подстрекая и других к неповиновению. Через несколько дней явился ко мне Иванов и заявил, что требования моего не исполнит, за что и был подвергнут следственному аресту... до сведения моего дошло, что красниковское общество обязалось платить старосте за каждый день ареста» [5, л. 48].

В моменты социальных потрясений роль сельского старосты возрастала еще больше. В ходе революции 1905–1907 гг. увеличиваются случаи неподчинения сельских должностных лиц центральным властям, старосты проявляют себя как предводители сельских обществ, защитники их интересов. Для революционных сил староста, имеющий право собирать сход, становился основным каналом для воздействия на сельское население [6, с. 96].

В ходе аграрной реформы начала XX века, государство возлагало на сельского старосту особую роль – необходимость донести до односельчан основное содержание планируемых преобразований. Основные усилия организаторов реформы были направлены на утверждение в деревне права частной собственности на землю как условия роста сельскохозяйственной продукции. Положение главы сельского общества было осложнено внедрением нового правительственного курса, разрушающего традиционные представления крестьян о землепользовании. В такой ситуации сельскому старосте приходилось лавировать между «двух огней»: учитывать интересы односельчан и приводить в исполнение решения правительства.

В таких условиях фигура сельского старосты становится для власти ключевой, способной управлять поведением крестьян своей общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.7. Документы крестьянской реформы. – М.: Юридическая литература, 1989.
2. Новиков А. Записки Земского начальника. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899.
3. Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. – М.: Типография т-ва И. Д. Сытина. 1905.
4. Центральный исторический архив Москвы. Ф 62. Оп.1. Д. 6901.
5. Центральный исторический архив Москвы. Ф 62. Оп.1. Д. 7150.
6. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905-1930 гг. Мифы и реальность. – М.: Аиро ХХ, Дмитрий Буланин, 2004.

Summary

**A RURAL SENIOR-MAN IN A SYSTEM OF PEASANT SELF-GOVERNMENT
IN MOSCOW GOVERNMENT AT THE BEGINNING OF XX CENTURY**

M.J. Komarova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The role of rural senior-man in a system of peasant self-government in tsar's Russia in XIX–XX centuries by the example if Moscow government.

Key words: peasant self-government, a land community, a rural senior-man.

ВОЗДУШНЫЕ АСЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА. РЕАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ИЛИ МИФ «ВЕЛИКИХ ПОБЕД»?

Рябцев А.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В данной статье произведена попытка анализа летного мастерства воздушных асов на Восточном фронте во время Второй мировой войны. Рассмотрена проблема развития летного мастерства с 1941 по 1945 гг., а также становление философии «воздушной войны». Проанализирована система учета побед и ее качественное влияние на ход военных кампаний. Раскрыта зависимость результатов воздушных побед с учетом национального мировоззрения.

Ключевые слова: воздушная война, ас, Вторая мировая война, Восточный фронт, потери ВВС.

Уже забывается самая кровавая в истории война 1939-1945 гг., а среди военных историков ещё долго будут продолжаться споры о том, кто из воздушных асов был сильнейшим во время Второй Мировой войны. Эта проблема не только не теряет своей актуальности, но к удивлению историков авиации и специалистов военных профессий окрашивается всё новыми деталями и парадоксами, нераскрытыми тайнами и противоречиями.

Нескончаем поток публикаций, книг о жизни и боевой деятельности выдающихся асов последней Мировой войны. В недавно изданной книге по истории авиации противоборствующих сил на Восточном фронте в годы Второй Мировой войны. А. Смирнова «Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне» выражена общая точка зрения как отечественных, так и зарубежных историков авиации: «Таким образом, чтобы получить ответ на то, чьи истребители действовали на советско-германском фронте эффективнее, требуется установить: 1) количество самолётов противника, уничтоженных на советско-германском фронте истребителями каждой из сторон (или хотя бы количество сбитых, то есть как уничтоженных, так и лишь поврежденных, но принужденных к экстренной посадке); 2) величину боевых безвозвратных потерь советской и немецкой истребительной авиации на советско-германском фронте. В конечном счёте – что не всегда осознается многими современными авторами – разрешение данных вопросов упирается в проблему достоверности привлекаемых для этого источников»¹.

¹ Смирнов. А. «Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной Войне». М.: «АСТ», «АСТ МОСКВА», «Транзиткнига», 2006. с.127.

В годы второй мировой войны уровень развития военной авиационной техники в таких странах, как США, Англия, Германия, СССР, достиг настолько высокого уровня, что исход воздушного боя стал зависеть не от того, на каких самолетах летали летчики противоборствующих сторон, а исключительно от личных качеств пилотов, от их таланта и мастерства. С этой позиции наиболее «качественными» на первый взгляд кажутся немецкие летчики. Так к концу войны в составе Люфтваффе насчитывалось 34 пилота, сбивших более 150 самолетов противника, и около 60 – одержавших от 100 до 150 побед. Лучший немецкий летчик Эрих Хартман уничтожил 352 самолета. На фоне таких показателей успехи мастеров воздушного боя стран – противниц Германии выглядят довольно бледно. Например, американский ас номер один Р. Бонг одержал всего 40 побед, а наиболее удачливый английский пилот Д. Джонсон – 38.

Несколько лучше показали себя советские летчики. В составе советских ВВС в конце войны было 7 пилотов, уничтоживших более 50 самолетов противника каждый. Самым результативным советским асом был Иван Кожедуб, одержавший 62 победы. За ним по числу сбитых самолетов идут А. Покрышкин – 59 побед, Н. Гулаев – 57, Г. Речкалов – 56, К. Евстигнеев – 53, А. Ворожейкин – 52, Д. Глинка – 50.

Самыми фантастическими успехи немецких летчиков были на Восточном фронте. Здесь воевали лучшие летчики Люфтваффе: Эрих Хартман – 352 победы, Герхард Баркгорн – 301, Гюнтер Ралль – 275, Отто Киттель – 267, Вальтер Новотны – 258, Вильгельм Бац – 242. Шесть вышеперечисленных пилотов уничтожили 1695 самолетов противника. Для сравнения: один из

наиболее результативных истребительных корпусов советских ВВС под командованием Героя Советского Союза К. Савицкого уничтожил 1653 самолета. То есть получается, что 6 немецких асов по своей эффективности были выше, чем несколько советских истребительных полков. Еще более невероятными кажутся достижения Эриха Хартмана: воюя на восточном фронте, он уничтожил более 3 авиационных дивизий. Создается впечатление, что немецкие пилоты были на голову выше, чем советские летчики и союзники. Встает вопрос: так ли это, и если так, есть ли какое-либо реальное объяснение феномена немецких асов, или же его следует объяснить разного рода неосознаваемыми факторами, типа предрасположенности германской нации к господству в воздухе, как об этом говорил шеф Люфтваффе Герман Геринг? Сразу надо сказать, что серьезно воспринимать высказывание Геринга не стоит. Его словами можно было бы объяснить, скажем, высокий средний уровень немецких пилотов, который, кстати сказать, не был выше среднего уровня пилотов любой другой страны, но никак не достижения лучших германских асов. Ведь в любой другой стране должны были найтись хоть и в меньшем количестве, чем в Германии, талантливые летчики; и при прочих равных условиях их результаты должны были быть приблизительно равны результатам лучших немецких пилотов. Трудно поверить, что ни в Англии, ни в США, ни в Советском Союзе не нашлось ни одного столь же талантливого летчика, как Эрих Хартман или Вальтер Новотны. Однако ни одна из противоборствующих Германии стран не дала летчиков с таким количеством сбитых самолетов, как у немецких асов. Поэтому, по всей видимости, в основе феноменальных успехов птенцов Геринга лежат реальные причины и условия.

Казалось бы, всё становится ясно и просто, но это только поверхностный взгляд. Заметим, что проблема достоверности фактов оказывается рядом не только с областью исторических исследований, но и в большой степени она связана с областью приложений теории вероятности, математической статистики и особенно теории статистических решений. Теория вероятности изучает состояние неопределённости, которая является следствием недостаточной априорной информации. И все исследователи хотят они или не хотят признать факт недостаточной априорной информации, попадают в капкан отсутствия сведений, необходимых для подтверждения с математической точностью своих выводов. Внезапно появляются новые данные, новые факты и новые подходы к решению интереснейшей проблемы – кто был сильнейшим воздушным асом Второй Мировой войны.

Книга американцев Р. Толивера, Т. Констебля «Снимите Хартмана с неба» расширяет поле для споров. И всё же прежний традиционный подход, требующий простых решений, на которые опирается анализ архивов, военных документов о победах и потерях воевавших друг с другом воздушных сил с той и другой стороны, не даёт большой свободы для низвержения Хартмана с пьедестала сильнейшего. Сомнительно, что сейчас можно проследить каждый боевой вылет и каждый сбитый Хартманом самолёт по архивным данным с той и другой стороны. Естественно, если данные совпадают, тогда засчитать этот самолёт можно со стопроцентной уверенностью, однако тут немедленно обнаруживается тупик, потому что как только начнутся несовпадения, неясно какой стороне можно верить. Но выхода нет. Ставя под сомнение непререкаемую истину, укрепившуюся в течение десятилетий в сознании всех – лётчики-истребители лучше воевали те, кто больше сбил вражеских самолётов, следует смелее отречься от этой истины, принимая кардинальное решение об изменении такого подхода к поставленной проблеме.

Наиболее простое, самое правдоподобное на первый взгляд и часто встречающееся объяснение высокой результативности немецких асов – это низкая летная подготовка советских пилотов. При поверхностном рассмотрении кажется, что это действительно так.

В начальный период войны значительная часть советской авиации была уничтожена. Только 22 июня 1941 года потери советских ВВС составили 1200 самолетов, из них 800 было уничтожено на аэродромах, а 400 – в воздухе. Велики были потери и личного состава. В этой ситуации советские авиационные училища организовали ускоренные курсы подготовки пилотов. К 1942 году подобная система подготовки летных кадров начала работать на полную мощность и в боевые полки советских ВВС стало приходиться множество молодых пилотов. Так, средний налет выпускника авиаучилища составлял от 13 до 34 часов, из них только 3-4 часа на боевой технике.

Если принять версию о том, что советские ВВС задавили Люфтваффе большим количеством слабо подготовленных пилотов, то естественно было бы предположить, что в этом случае потери советской авиации должны существенно превышать потери немецкой. А этого-то как раз и не наблюдается. Потери обеих сторон в годы Второй мировой войны приблизительно равны. К слову сказать, и сами немецкие асы никогда не указывали на слабость летной подготовки советских летчиков, более того, они утверждали, что из всех пилотов, с которыми им приходилось встречаться в воздушных боях, русские – самые

сильные и не идут ни в какое сравнение ни с американцами, ни с англичанами, ни с французами, которых никак нельзя упрекнуть в слабой летной подготовке. «Русские – отличные истребители, но они не подготовлены вести бой слаженно, эскадрильями...» – эти слова принадлежат майору Гюнтеру Раллю, одержавшему 275 побед. Из его слов видно, что сами немецкие асы видели причину своих феноменальных успехов не в слабой летной, а в слабой тактической подготовке советских летчиков и, следовательно, в превосходстве своих тактических приемов. Слабость тактики в начальный период войны признавал и прославленный советский ас и стратег воздушного боя Александр Иванович Покрышкин. Он отмечал, что наставления по воздушному бою были в корне неверны, связывали летчиков по рукам и ногам и, как следствие, приводили к большим потерям. С этих позиций становится вполне очевидным: наибольшие успехи германских асов приходятся на 1943-1945 годы. В этот период летная нагрузка немецких летчиков резко возросла. Это произошло потому, что с 1943 года советская авиация по своей численности стала резко превосходить германскую. Активность советских ВВС в результате этого существенно увеличилась. Естественно, что пилотам более малочисленных Люфтваффе для противодействия советской авиации приходилось чаще подниматься в воздух. На протяжении уже многих лет Эрих Хартман считается суперасом, лучшим летчиком Второй мировой войны. Безусловно, майор Хартман был отличным пилотом и воздушным снайпером, но если рассматривать его боевые действия с точки зрения эффективности проведенных им воздушных боев, то возникают сомнения в том, что этот титул принадлежит ему по праву.

Существует стереотип, что господство в воздухе, которое имели советские ВВС в последние полтора года войны, было достигнуто лишь по причине значительного численного превосходства советской авиации и ценой огромных потерь. Ряд авторов (А. Смирнов, Ю. Рыбин, М. Зефирин, и др.) в своих книгах по истории военной авиации укрепляют в общественном сознании это мнение. Например, А. Смирнов в книге «Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне» пишет: «Свою задачу – борьбу с авиацией противника – истребители решают прежде всего путём уничтожения вражеских самолётов. ...Поэтому наиболее эффективной следует считать ту истребительную авиацию, которая в состоянии уничтожить как можно большее количество самолётов противника, потеряв при этом от воздействия последнего наименьшее количество своих». И делает вывод: «Таким образом, в люфтваффе

на один истребитель на Восточном фронте приходилось на порядок больше сбитых самолётов противника, нежели в советских ВВС. Уже одно это доказывает, что немецкая истребительная авиация действовала гораздо эффективнее, чем советская».¹ Ю. Рыбин, описывая противостояние в небе Крайнего Севера, приходит к такому же выводу: «соотношение истребителей было примерно 1:7, конечно, не в пользу «Люфтваффе»... Общие же боевые потери составили: 142 самолёта с нашей стороны и 63 у немцев; погибло летчиков соответственно 61 и 19... Выше приведенные цифры говорят сами за себя, кто лучше воевал...».² Миф о превосходстве немецких летчиков требует скрупулезного разбора, логики и обоснования. Ложность числовых критериев эффективности, лежащих в основе этого мифа доказывают, что одной из причин поражения Германии стала ошибочность стратегии развития и использования её истребительной авиации. Современные историки в своих трудах об истребительной авиации исследуют лишь то, что связано с количеством сбитых самолётов, – потери самолётов каждой из сторон (как итоговые, так и за различные временные промежутки, отдельно по крупным сражениям и т.д.), личные счета истребителей-асов, методики подтверждения воздушных побед в ВВС двух стран, масштабы приписок. Часто пилотов-истребителей оценивают и по более сложным критериям, например – по отношению числа сбитых самолётов к количеству проведенных воздушных боёв (своеобразный КПД лётчика-истребителя), или по отношению числа сбитых к количеству собственных поражений (для тех, кому приходилось спасаться на парашюте) и др. Но всё равно эти показатели являются функциями личного счёта сбитых.

А между тем, немецкие и советские истребители действовали по-разному, решали разные задачи, применяли разную тактику. У Ю. Рыбина по этому поводу сказано вполне определённо: «У Вермахта и РККА был разный подход к действиям истребительной авиации. Перед немецкими летчиками-истребителями стояла основная задача – уничтожение самолётов противника, а не прикрытие сухопутных войск и боевых кораблей... При таком подходе немецкие летчики чаще использовали тактику «свободной охоты»... В то же время для наших летчиков основной задачей было прикрытие военных объектов...».³ Любопытная получается ситуация.

¹ Смирнов. А. «Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне». М.: «АСТ», «АСТ МОСКВА», «Транзиткнига», 2006. с.145.

² Ю.Рыбин. «Уравнение с одним неизвестным». «Авиамастер», №5, 1999.

³ Ю.Рыбин. «Снова о Рудольфе Мюллере». «Мир авиации», №1, 1992.

ВОЗДУШНЫЕ АСЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА. РЕАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ИЛИ МИФ «ВЕЛИКИХ ПОБЕД»?

Все знают, что истребители двух стран воевали по-разному (разные задачи, тактика и т.д.), однако сравнивают их по одному общему критерию – числу сбитых самолётов.

«Основной задачей истребительной авиации Германии было уничтожение самолетов противника. Ее выполняли элитарные истребительные подразделения, такие, как эскадры Мельдесера и Рихтгофена, или специально обученные эскадрильи в обычных эскадрах. В эти подразделения отбирались лучшие летчики из рядовых частей, решавших второстепенные задачи – прикрытие наземных войск и сопровождение бомбардировщиков, – и перспективные выпускники авиационных школ.»¹ То есть, ас – это не показатель мастерства среди однородного коллектива людей, выполняющих одинаковые задачи, а как бы должность, попав на которую, пилот получал условия для быстрого и безопасного для себя наращивания личного счёта. Эти условия заключаются в свободе выбора места и времени боя, свободе выбора цели, свободе действий. Благодаря этому ас получал и личную безопасность – возможность не атаковать опасные для себя цели, не подвергать свою жизнь риску. «Основной тактикой немецких асов, как мы отмечаем выше, была **свободная воздушная охота**, заключающаяся в действии небольшими группами, чаще всего парами, при свободном поиске противника. Как правило, немецкие охотники появлялись со стороны солнца, чтобы затруднить свое обнаружение, совершали стремительную атаку и, сбив один-два самолета (или ни одного), быстро скрывались, не ввязываясь в длительный воздушный бой. Другими словами, **немецкие асы сами решали, какую цель им атаковать, а какую нет**, принимать бой с превосходящими силами противника, или не делать этого...».² Какой смысл асу нападать на дружный строй штурмовиков (да еще с истребительным сопровождением), ведь тут можно ненароком пулемётную очередь от бортстрелков схлопотать, или на заградительную трассу сопровождающих истребителей напороться, что для здоровья не очень полезно. Кстати, заметим следующее. Часто говорят, что, мол, немецкие асы были трусами, уклонялись от встреч с нашими прославленными мастерами воздушного боя, не выходили на поединок, на честный бой и так далее. Надо понимать, что асы люфтваффе и наши пилоты только формально называются одинаково – «лётчики-истребители», а по сути выполняют совершенно разную работу, имеют разную специализацию. У немецкого

аса-охотника – тяжелый неповоротливый истребитель, имеющий мощное вооружение и выдерживающий высокие скорости при пикировании. А у советских пилотов-истребителей – самолёт с хорошей горизонтальной маневренностью, хорошо подходящий чтобы крутиться вокруг своих ударных самолётов, отбивая вражеские атаки. Если в советской авиации все лётчики были такими же работягами войны как и пехотинцы (только лучше вооруженные и накормленные), с такой же обязанностью жизнь положить ради выполнения задачи (даже В.Швабедиссен писал: «в бою они полностью игнорировали чувство самосохранения. Русские прорывались через плотный заградительный огонь и вели огонь из всех стволов с самой близкой дистанции.»³), то в люфтваффе сформировалась самая настоящая элита.

Немаловажную роль в создании мифа о непобедимости летчиков воюющих сторон сыграла пропагандистская система воюющих сторон. С одной стороны, высокая результативность пилотов поддерживалась командованием ВВС Красной Армии. Были назначены денежные премии за сбитый самолет противника, за определенное число сбитых летчики-истребители представлялись к наградам. Но, с другой стороны, было проявлено непонятное равнодушие к формализации процесса учета сбитых и личных счетов пилотов. Но в целом командование высшего звена, похоже, не слишком интересовало доклады о сбитых самолетах противника. Достоверность этих докладов «наверху» оценивали достаточно скептически, периодически вниз метали молнии, когда статистика выглядела совсем уж неубедительной. Все это говорит о том, что статистика побед была нужна прежде всего самим летчикам. Напомним, что первоначально термин «ас» был введен французами в Первую мировую войну. Целью газетной шумихи вокруг имен лучших летчиков было привлечение молодых людей в военную авиацию. Часто весьма рутинной и опасной работе военного летчика придавали спортивный дух, пробуждали охотничий азарт.

Еще один интересный факт можно заметить, если произвести анализ достоверности заявленных пилотом побед постфактум, с использованием данных противника. Такой анализ, например, провел вышеупомянутый Ю. Рыбин в отношении нескольких летчиков-североморцев, в частности одного из известнейших советских асов, после войны главкома ВВС П.С. Кутахова. Выясняется, что у многих асов первые две, три, а то и шесть побед не подтверждаются. При этом в дальнейшем все идет гораздо бодрее, подтверждение на-

¹ Смирнов К. «Загадка успеха воздушных асов». Электронный ресурс «Уголок неба» www.airwar.ru

² Там же.

³ Ю.Рыбин. «Снова о Рудольфе Мюллере». «Мир авиации», №1, 1992.

ходят уже по несколько побед подряд. И здесь мы подходим к тому главному, что давали нарисованные на самолете отметки о сбитых. Они давали пилоту уверенность в своих силах.

В Полевом уставе Красной Армии задачи авиации описывались вполне однозначно: «Главнейшая задача авиации заключается в содействии успеху наземных войск в бою и операции». Не уничтожение авиации противника в воздухе и на аэродромах, но содействие наземным войскам. В сущности, деятельность истребительной авиации направлена на обеспечение деятельности ударных самолетов и прикрытие своих войск. Соответственно определенное число ударных самолетов требовало равного или даже чуть большего числа самолетов-истребителей.

Число заявленных сбитых не является сколь-нибудь объективным показателем при сравнении ВВС двух стран. Число нарисованных на хвосте «абшуссбалкенов» или «звездочек» на фюзеляже есть объективный показатель мастерства пилота внутри ВВС данной конкретной страны, не более того. Добиться трехзначных счетов асов можно, сознательно выбрав ведение воздушной войны при численном превосходстве противника и постоянных рокировках авиационных частей и соединений с пассивных участков фронта в пекло боев. Но подход этот оружие обоюдоострое и скорее всего приведет к проигрышу воздушной войны. Вкратце причину разницы в счетах пилотов можно объяснить следующим:

1) Эффектом масштаба, или, если угодно, «эффектом охотника». Если один охотник входит в лес с пятью фазанами, то у него будет шанс принести домой 2–3 птицы. Если, напротив, пять охотников идут в лес за одним фазаном, любое мастерство даст в результате всего одну тушку несчастной птицы. То же самое в войне в воздухе. Число сбитых прямо пропорционально числу целей в воздухе.

2) Интенсивным использованием ВВС немцами. Выполняя шесть вылетов в день при постоянном перемещении вдоль линии фронта для парирования кризисов или проведения наступательных операций, нетрудно сбить больше за длительный период, чем выполняя по одному вылету в день, оставаясь все время на одном и том же участке фронта.

В Вооруженных силах СССР, особенно в первые тяжелые годы Великой Отечественной войны для повышения боевых результатов активно использовался метод «кнута и пряника». В армии за успешное и своевременное выполнение приказов поощряют (награды, почётные звания, деньги, и т.д.), за невыполнение – наказывают (от выговора до расстрела). Это приводит к тому, что военный служащий стремится делать то, за что даётся

поощрение, и не делать то, за что наказывают. С «кнутом» всё просто. Обходились без точной числовой оценки результата и без учёта всех вышеперечисленных факторов. Просто был известен некий средний (для данного периода войны) уровень потерь штурмовиков (для задачи сопровождения), и если случались слишком большие потери, выше этого уровня – происходил серьёзный разбор полётов, возможно, и с наказаниями. Но серьёзно наказывалось лишь откровенное невыполнение поставленной задачи (если истребители бросили охраняемых, и т.п.), а не детали – чуть лучше или чуть хуже выполнена задача (все ж понимали, что ситуации бывают разные). По сути, «кнут» сводился к тому, что задачи **приказывалось** выполнять – при любых условиях, а не в зависимости от настроения и желания. А вот с «пряником» возникла проблема. Поощрять всех без разбору нельзя – при уравниловке «пряник» перестанет действовать и потеряет свой воспитательный эффект. Поощрение должно быть заслуженным и соответствовать эффективности выполнения поставленной задачи.

А по какому критерию её оценивать, эту эффективность? Истинного критерия эффективности не существует. Но нельзя же совсем отказаться от поощрения – нужен как «кнут», так и «пряник» (иначе не будет инициативы, рвения в бой). Лётчики должны были к чему-то стремиться, должно было удовлетворяться здоровое желание выделиться на фоне других.

А для дифференцированного распределения наград нужен численно выражаемый и легко вычисляемый критерий, желательно понятный и очевидный. И за неимением лучшего, критерием эффективности лётчиков-истребителей стало количество лично сбитых самолётов. Именно по этому критерию стали и денежные вознаграждения выплачивать, и награды выдавать, в том числе самую престижную – Золотую Звезду Героя Советского Союза. К тому же, число сбитых оказалось настолько «очевидным» и простым для понимания показателем, что не связанные с военной авиацией люди даже представить себе не могут в качестве критерия эффективности истребителя что-то другое. В общем, получалось так: в советской истребительной авиации выполнение основной задачи обеспечивалось «кнутом» (т.е. приказом, ответственностью за невыполнение), а «пряником» (наградами) – стремление получить ещё и хороший сопутствующий результат.

С целью пропаганды, на Восточном фронте немецким лётчикам разрешались приписки. Причем не на какие-нибудь 10-20%, а в несколько раз. А чтобы их Дубовые Листья с Мечами не называли на Западе Салатом с Ложкой и Вилкой, количество «сбитых» самолетов, необходимое для награды

ВОЗДУШНЫЕ АСЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА. РЕАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ИЛИ МИФ «ВЕЛИКИХ ПОБЕД»?

на Востоке, все время повышалось, как по отношению к сбиваемым самолетам на Западе, так и просто по мере оценки командованием величины приписок. Коэффициент приписок можно оценить. В середине войны в боях на Кубани наша авиация в воздушных боях, от огня наземного противника и по другим причинам потеряла 750 самолетов (из них 296 истребителей). А немецкие асы в это время заполнили акты на сбитые ими на Кубани 2280 наших самолетов. Поэтому мы не ошибемся, если цифры «блестящих» побед немецких летчиков на Восточном фронте будем делить на числа от трех до шести – ведь это и немецкое командование делало, когда их награждало. А на Западе с приписками дело обстояло не просто. Представьте, что упомянутый Рудорффер объявил бы, что он за 17 минут сбил 13 английских самолетов над Берлином, а Геббельс объявил бы об этом по радио. Его бы высмеяли как немцы, так и англичане в радиопередачах на Германию. На Западе прямо приписывать было нельзя. Там поступали по другому. Для того, чтобы понять истину (если это возможно) из пропагандистских материалов, нужно не только уметь сравнивать факты, но и уметь читать в тексте то, что не написано. То есть, о чем объективный автор не смог бы не написать.

Мы знаем, что на Западном фронте немецких летчиков награждали не за сбитые самолеты, а за набранные баллы. И объективный автор, давая биографические справки на асов Западного фронта, просто обязан был бы указать сколько те сбили самолетов и сколько набрали баллов. Рассматривая биографии летчиков-истребителей Западного фронта можно оценить количество сбитых самолетов в количестве «побед». Известно, что для награждения Рыцарским Крестом требовалось 40 «побед». А упомянутые мной выше летчики Западного фронта Х. Лент и Г. Ябс получили эти Кресты, сбив 16 и 19 самолетов. Это действительно самолеты, а не баллы, поскольку в биографиях даны их марки. Скажем Х.Лент со 2 сентября до награждения Рыцарским Крестом сбил 2 польских самолета (истребитель PZPP.11 и бомбардировщик «Лось»), затем 2 английских «Веллингтона», 2 норвежских истребителя «Gloster Gladiator», летающую лодку «Sunderland», двух «Гладиаторов», затем еще 2 «Веллингтона» и еще 5 самолетов о которых известно, что 2 были четырехмоторными бомбардировщиками «Стирлинг». То есть, 40 баллов или 40 «побед» реально означали 16-19 сбитых самолета. Отсюда, для того, чтобы узнать сколько же самолетов реально сбили немецкие асы на Западном фронте, нужно число их «побед» делить на 2-2,5.

Но Лент получил Бриллианты к Рыцарскому Кресту за 100 «побед», а лучший ас «всех времен

и народов», воевавший на Восточном фронте Э.Хартманн – за 300 заполненных анкет. Между этими цифрами коэффициент – 3. Поэтому, чтобы оценить реальное число самолетов, сбитых Э. Хартманном, его 352 анкеты следует разделить на 3 и на 2-2,5, то есть на 6-7,5. Поскольку, все же, наши бомбардировщики в подавляющем большинстве были не четырех-, а двухмоторными, то остановимся на коэффициенте 6. Получится, что реально Э. Хартманн сбил около 60 наших самолетов. Это хотя и много, но попробуем найти ей другое подтверждение.

Э. Хартманн (352 «победы»), Г. Баркхорн (301), Г. Ралль (275), Г. Граф (212), Х. Линферт (203) служили в одной авиаэскадре JG 52, в которой по штату было около 100 самолетов. В битве над Прутом эта эскадра нанесла потери нашим авиационным соединениям и тогда для ее усмирения была переброшена 9 гвардейская авиадивизия А.И.Покрышкина (тоже около 100 самолетов). После этих боев Х.Линнерт жаловался «что никогда раньше не сталкивался с таким сильным и требовательным противником». Был сбит второй ас этой эскадры Г.Баркхорн (301 победа).

Уже цитировалось, как эскадрилья И.Н. Кожедуба разобралась с эскадрилей немецких асов с соотношением потерь 6:1 в нашу пользу.

Так вот что характерно. Немцы знали о полках и соединениях наших асов, но никогда не посылали своих асов «разобраться» с нашими. Более того, широко известен немецкий сигнал «Внимание! В воздухе Покрышкин», предупреждавший своих летчиков о появлении в воздухе истребителя с цифрой «100» на борту и о необходимости побыстрее убраться из этого района. Да, наших новичков немецкие асы били охотно, но вступать в бой с нашими асами не спешили. А ведь у Покрышкина в списке «всего» 59 сбитых самолета, а не 352, как у Хартманна. Кстати, о поражениях. Покрышкина сбивали всего лишь 2 раза в самом начале войны. Кожедуба в первых боях подбили. И все. А Хартманна сбивали 4 раза, причем даже брали в плен, но он, хитрец, притворившись раненым, сбежал. Баркхорна – 9 раз, Г.Берра (221 победа) – 18 раз, Рудорффера из книги рекордов Гиннеса – 18 раз. (Я уже не помню где читал, но один из двух последних имел в люфтваффе кличку «парашютист»). Можно сказать, что немцев сбивали больше потому, что они провели больше боев. Не похоже. У Баркхорна одно сбитие приходится примерно на 123 боя, у Рудорффера – одно на 17 боев. А у Кожедуба ни одного за все его 120 боев. У Хартманна один прыжок с парашютом на 200 боев, но все равно – как его сравнить с отсутствием прыжков у Кожедуба?

Кроме этого, наши летчики были в основном

трудягами – защищали свои бомбардировщики и сбивали немецкие. А все лучшие асы Германии на Восточном фронте были в основном охотниками – нападали на наши самолеты тогда, когда была надежда на успех.

Вот эти обстоятельства – то, что немецкие асы не стремились к боям с нашими асами и то, что даже имея инициативу в бою с нашими рядовыми

летчиками, они были нещадно биты – являются косвенным подтверждением того, что их объявленные победы следует уменьшить в 6-7 раз, чтобы получить число реально сбитых ими самолетов. Как видим, в статистике немецких «побед» очень много пропагандистской «липы» и разумнее всего поставить на ней крест. Рыцарский. С Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодрихин Н.Г. «Советские асы. Очерки о советских летчиках». М.: ЗАО КФК «ТАМП», 1998.
2. Быков М.Ю. Асы Великой Отечественной... Самые результативные летчики 1941-1945 гг. М.: «Яуза», «Эксмо», 2007.
3. Драбкин А. «Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941-1942». М.: «Яуза», «Эксмо», 2007.
4. Мухин Ю.И. Асы и пропаганда. Дутые победы люфтваффе. М., Яуза, Эксмо, 2005.
5. Рыбин Ю. «Уравнение с одним неизвестным». «Авиамастер», №5, 1999.
6. Швабедиссен В. «Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг.». Мн.: «Харвест», 2001.
7. Хазанов Д. «Начало воздушной войны на советско-германском фронте». «Авиация и время» №3-5, 1996.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС:

1. Интернет-сайт <http://ilpilot.narod.ru>.
2. Интернет-сайт «Я помню» www.iremember.ru
3. Интернет-сайт «BBC России» www.airforce.ru

Summary

AIR ACES OF THE EASTERN BATTLEFRONT. REAL MASTERY OR JUST A MYTH OF «GREAT VICTORIES»?

A.V. Ryabcev

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article considers the analysis of air mastery of the fighter pilots of the two fighting sides at the Eastern battlefront during the Second World War. The problem of foundation of the air mastery in the history of air forces since 1941 till 1945 and the development of the philosophy of «air battles» are discussed. There was made the analysis of the system of air victory assessment and its qualitative influence on the war campaigns. The reasons of overstating of the war results according to the peculiarities of national world view are distinguished.

Key words: air battle, ace, the Second World War, the Eastern battlefront, the lost of air forces.

УДК 271.2(470.314)"18/19"

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ткаченко А.С.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается положение Русской православной церкви во Владимирской губернии на рубеже XIX–XX веков, анализируется состояние приходов, учебных и богоугодных заведений, находившихся на попечении церкви, оценивается роль православной церкви в сохранении основ народной нравственности в период социальных смут и потрясений.

Ключевые слова: религия, традиции, православная церковь, духовенство, нравственность, революция.

В конце 19 – начале 20 века Россия жила в атмосфере большой тревоги и предчувствия грядущих перемен. К этому периоду внешне несокрушимая Российская держава, теперь уже отринувшая идею симфонии государства и Православия, имела серьезные внутренние проблемы: распространившиеся в народе безверие, настроение разнузданного сепаратизма, набравшие силу революционные течения, классовые и конфессиональные противоречия. Одной из причин, приведших к революции и крушению российской державы, было ослабление Русской Православной Церкви в синодальный период ее существования и, как следствие, ослабление ее

влияния на сознание православного народа.

Эти проблемы с недавнего времени стали освещаться в исторической науке. В работе Ю.И. Белоноговой «Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века» [1] автор обосновал значение сельского прихода и приходского духовенства, отношения священнослужителей и прихожан, гражданского и духовного начальства, гражданские права духовенства, правовое и материальное положение приходского духовенства в начале XX века.

В работе о. Аркадия Гоглова «Православная Церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты», автором глубоко осмысленны и показаны причины произошедшей революционной трагедии, ее исторические и социальные истоки. Основная мысль автора состоит в том, что трагедии XX века в России связана с потерей русским народом своих исконных традиций православной веры. Автор рассмотрел причины упадка авторитета православного священства во Владимирской губернии начала XX века.

В диссертационной работе П.В. Понарина «Русская Православная Церковь, общество и государство: проблема духовного инакомыслия в период поздней империи и революционную эпоху. Рубеж XIX–XX вв. – 1920 г. (на материалах Тульской губернии)», автором глубоко проанализированы взаимоотношения церкви, общества и государства в период поздней империи. В своей работе автор отражает бедственное социально-экономическое положение православного духовенства в провинции, дает развернутую характеристику системы церковного образования, пишет о снижении образовательного уровня православного духовенства. Основная мысль автора состо-

ит в том, что Русская Православная Церковь из опоры самодержавия превращается в наиболее слабое звено системы в период поздней империи, а также автор исследует развитие оппозиционных настроений среди православного духовенства в первые десятилетия XX в.

В основу работы были положены разные группы источников. Изучение проблемы взаимоотношения Русской Православной Церкви и общества было бы невозможно без обращения к мемуарам современников. Интересна характеристика Церкви изучаемой эпохи, оставленная церковным иерархом – митрополитом Евлогием (Георгиевским) [2]. В мемуарах митрополита говорится о разных проблемах, с которыми он сталкивался будучи инспектором Владимирской семинарии.

Особое место в исследовании занимают материалы фонда Владимирской Духовной Консistorии [3]. Также работа дополнена данными из отчетов Владимирской Духовной Консistorии по Владимирской епархии [4]. В статью вошли находящиеся в Государственном Архиве Владимирской Области «Владимирские Епархиальные Ведомости» за 1917 год.

Использование различных групп источников позволяет с разных сторон раскрыть тему положения Православной Церкви во Владимирской земле и взаимоотношений пастырей с паствой и клиром, понять в чем современники видели причины упадка приходской жизни.

В данной статье мы поставили следующие задачи:

- рассмотреть положение Православной церкви во Владимирской епархии в означенный период;
- выяснить, как Православная Церковь собиралась решать проблему религиозно-нравственного состояния общества на Владимирской земле;
- прояснить причины падения авторитета приходского священства у разных слоев общества.
- дать краткий статистический анализ Владимиро-Суздальской епархии в конце XIX – начале XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. Владимиро-Суздальской епархией руководили следующие архипастыри:

Никон (Софийский, 1861–1908), архиепископ, из вдовых священнослужителей, воспитанник Петербургской Духовной академии. Был ректором Владимирской Духовной семинарии, викарием в епархиях Саратовской и Петербургской, епископом Вятским, Владимирским (с 1906 г. – архиепископ), экзархом Грузии. Грузинским духовенством,

мечтавшим об автокефалии Грузинской церкви, не был принят. Ситуация разрешилась трагически: 28 мая 1908 года он был убит в г. Тифлисе.

Николай (Налимов, 1852–1914), духовный писатель Санкт-Петербургской Духовной академии. Был архиепископом Владимирским и Суздальским с 1904 по 1914 г. [5].

Алексей (Дородницын), архиепископ Владимирский и Суздальский (июнь 1914 – весна 1917). В 1917 году 8 мая на объединенном съезде духовенства и мирян уволен от управления Владимирской кафедрой. В 1918 году уехал на Украину, где осенью в Киеве встал во главе так называемой Всеукраинской Церковной Рады, препятствовавшей возвращению в Киев митрополита Владимира. В декабре объявил себя «украинцем» и поместил в газете «Киевлянин» откровенное письмо, в котором выступал против Всероссийского Церковного Собора и восстановления Патриаршества, за что и был запрещен в служении. Пытался захватить церковную власть на Украине и объявить автокефалию. Скончался примиренным с Церковью [6].

Приведем некоторые статистические данные по Владимирской епархии за 1900–1910 гг.

«Пространство епархии составляло 42832 кв. версты. Население – около 1500000 душ (православных 1400000). В 1900 году родилось – 87 525 душ, заключено браков 15415 (разводов практически не было), умерших – 60634.

Церквей – 1449 (из них 1398 каменных). Монастырей: мужских – 18, женских – 11, женских общин – 3. Духовенства: протоиереев – 67, иереев 1173, дьяконов – 418, псаломщиков – 1137. Монашествующих: монахов – 197; послушников – 312; монахинь – 346; послушниц – 1211; в общинах – 88.

Школ церковных – 669. При многих школах заведены сельскохозяйственные, ремесленные и рукодельные занятия, а также религиозно-нравственные чтения и ночлежные приюты. В каникулы для учителей устраиваются педагогические курсы. В епархии имеются иконописные школы и курсы церковного пения.

Библиотеки церковные – более 1000.

Больниц при монастырях – 7 (90 мест).

Богаделен при храмах – 47 (920 мест).

Богаделен при монастырях – 4 (40 мест)» [7].

Духовных учебных заведений: семинария – 1 (во Владимире), духовных училищ – 5 (Владимирское – в 1901 г. 345 учащихся, Муромское – в 1901 г. 171 учащийся, Переяславское – в 1901 г. 135 учащихся, Суздальское – в 1901 г. 162 учащихся, Шуйское – в 1901 г. 155 учащихся) [8].

Просветительские, благотворительные и взаимно-вспомогательные учреждения:

«Братство во имя святого благоверного князя Александра Невского» занимается церковными школами, содержит школу иконописания, устраивает курсы церковного пения, братство борется с расколом и сектантством, причем миссионерская деятельность в этом направлении осуществляется не только духовенством – есть три миссионера из крестьянского сословия.

Борется братство и с различными пороками общества, в частности, в 1914 году введена миссионерская должность для борьбы в епархии с пьянством и алкоголизмом. Занимается миссионерской деятельностью.

Братство имеет 30 отделений с библиотеками. При Братстве учреждено церковно-историческое древнехранилище (250 древних рукописей и старопечатных книг). Проводятся душевспасительные чтения. В 1891 году открыта школа попечительства с учебной пасекой.

Епархиальная библиотека – открыта 8 февраля 1876 года. Выписываются духовные издания: «Церковный вестник», «Душеполезное чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Кормчий», «Странник».

Епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Помощь сиротам и заштатным, при погребении неимущих, пострадавшим от пожара, устройство замужества сирот и т.д. Капитал 320 тыс. рублей.

Епархиальный приют для больных и престарелых священно- и церковнослужителей – основан в 1881 г. на средства духовенства епархии по предложению владыки Феогноста [9].

Богадельня для призрения священно церковнослужителей, вдов и сирот в городе Вязники – основана на средства протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского (пожертвовал капитала 40 тыс. руб.) Рассчитана на 50 человек. При богадельне в 1883 году устроена церковь.

Эмеритальная касса – учреждена в 1884 году. Касса выдает пенсии вышедшим за штат священно- и церковнослужителям, вдовам и сиротам [10]. Епархиальный свечной завод устроен в 1880 году при преосвященном Феогносте. Имеет по городам и селам 30 складов [11].

«Владимирские Епархиальные ведомости» – разрешены к изданию Священным Синодом 17 сентября 1864 года по ходатайству преосвященного Феогноста и выходили с 1865 года два раза в месяц в двух частях» [12].

Но в конце XIX – начале XX веков разрушительные либеральные, социалистические, анти-

монархические, безнравственные идеи, которые распространяются по всей России, проникают и во Владимир. Под их влияние попадают разные слои общества, в том числе и представители духовного сословия.

В делах консистории за XIX столетие неоднократно встречаются документы, свидетельствующие о том, что священство на приходах способствует распространению вольнолюбивых идей и настроений, обращаясь к пастве с проповедью.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), бывший инспектор Владимирской семинарии в конце XIX века, так описывает положение дел во вверенном ему учебном заведении: «Семинария была огромная (500 семинаристов).

Дух в ней был «бурсацкий» и в тоже время крайне либеральный. Дисциплину начальство держало строжайшую, но это не мешало распутности семинарских нравов и распространению среди учащихся революционных идей. У семинаристов была нелегальная библиотека ... Писарев, Чернышевский, Заболоцкий, Решетников, Ключевский (лекции его были запрещены), социал-революционная «Земля и Воля»... ходили по рукам...

Я отнимал водку у семинаристов и строго им выговаривал... Бывало, вечером обходишь дортуары и вдруг слышишь... семинаристы потихоньку играют в карты ...

Случалось, в семинарии поступали неиспорченные, хорошие мальчики, но как быстро они попадали под влияние старших товарищей, усваивали их вкусы и нравы, заражались революционными идеями...

Придешь, бывало на молитву – в огромном зале стоят человек триста-четыре, и знаешь, что половина или треть ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, что поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию» [13].

Однажды во Владимирской Духовной Семинарии произошел даже бунт среди семинаристов. Обратимся к воспоминаниям владыки Евлогия:

«Весной 1895 года (за полгода до моего приезда) произошел взрыв клокотавшего уже негодования.

В Николин день, 9 мая, великовозрастной ученик второго класса, семнадцатилетний С. выждал когда, о. Никон (Софийский, будущий архиепископ Владимирский и Суздальский, а затем экзарх Грузии) после обедни ушел в свой цветник,

воспользовавшись мгновением, когда тот нагнулся над клумбой, подбежал и с размаху ударил его топором по голове ... схватили преступника. Прибыл доктор, нагрянула полиция, собралась большая толпа народу, поднялся крик ... Одни ругали начальство, другие – семинаристов . Кто-то кричал «бей!» Возбуждение росло... пришлось пригнать солдат, жандармов... приехала прокуратура.

Вид крови и зловещие признаки предстоящей расправы ожесточили семинаристов: они озверели, на следующую ночь чуть было не закололи вилами помощника инспектора... Семинарию спешно закрыли ... 75 семинаристов исключили» [14].

16–19 июля 1905 г. во Владимире состоялся 1-ый съезд семинаристов (участвовали 9 семинарий), на котором была выработана программа реорганизации духовных школ. Политических требований съезд не выдвигал. Вторая половина 1905 года отмечена многочисленными волнениями в духовных семинариях: из-за беспорядков были временно закрыты 43 семинарии из 57.

Вот к таким печальным последствиям приводили увлечения революционными идеями.

В 1905 году антигосударственные силы провели первую попытку захвата власти в России. На фоне неудач русско-японской войны произошли потрясения, которые не обошли и Владимирскую губернию. Во Владимире и в губернии создавались советы рабочих депутатов, проходили политические демонстрации, были попытки вооруженного восстания (так называемая «Александровская республика»). В 1905 году на Владимирщине прошло 575 стачек, в 1906 – 185 стачек, в ходе крестьянских выступлений разгромлено 25 помещичьих имений, 1907 году в губернии произошло 254 стачки [15].

Во Владимирской губернии в немалой степени в рассматриваемый период было распространено раскольничество и сектантство, судя по отчетам братства во имя Александра Невского, ушедших в раскол и различные секты за 1896–1897 во Владимирской епархии насчитывалось 30 875 душ, то есть каждый пятнадцатый человек в епархии: «...В семи уездах: Владимирском, Гороховецком, Судогодском и Шуйском – раскольники проживают во многих приходах и в значительном количестве душ. Всего расколом заражены в епархии 245 приходов...

Поддержке раскола способствует еще и материальная зависимость от известнейших капиталистов-раскольников: Саввы Морозова и Матвея Кузнецова...

Владимирские раскольники распадаются на две главные группы: поповцев и безпоповцев. Первые почти исключительно принадлежат к при-

емлющим австрийское священство, и лишь немногие придерживаются беглопоповщины; вторые же разделяются на поморцев, федосеевцев, филиповцев, нетовцев или спасовцев, и бегунов.

Состояние сектантства. Кроме назначенного числа лиц, подозреваемых в хлыстовстве, сектанты Владимирской епархии являются последователями двух рационалистических сект: молканства и штундобаптизма. Все они жительствоуют в Моленковском уезде» [16].

По возможности Церковь также боролась с сектантством, пьянством и другими пороками общества.

В немалой степени губерния страдала от пьянства. Очень большое количество сельского населения работало на отхожих промыслах, заводах и фабриках, где выплачивались довольно большие зарплаты. К сожалению, в большой степени эти доходы тратились на спиртное. Красочно об этом говорит в своем рапорте на имя благочинного священника Алексея Благодского священник погоста Ильинского Телешева Шуйского уезда Федор Казанский.

«Приход Ильинской церкви почти поголовно из фабричного люда... Заработная плата на Шуйской фабрике слишком соблазнительна для прихожан: женщины зарабатывают средним числом 16 рублей, а мужчины 20 рублей в месяц (корова в то время стоила от 5 до 20 рублей)...

Молодежь покупает много обнов в одежде, в деревне появляются крахмальные сорочки, суконные пары и недешевый табачок, у каждой молодежи обязательно галоши, имеются даже зонты и перчатки, а чаепитие обязательно дважды в день ... Несравненно с большим значением нужно указать на то, что каждый фабричный – и молодой, и почтенный, и даже женщины – много тратят на вино... При моем знакомстве с приходом пришлось признать пьянство серьезной, главнейшей причиной безденежья прихожан, действительно, фабричный люд больше всего пропивает деньги... особенно благодаря радушию кабатчиков – долг до дачки заработанных денег» [17].

О пристрастии к спиртному говорит и епархиальный министр трезвости священник Георгий Жук в своей докладной записке на имя архиепископа Алексея (Дородничина) по состоянию на 5 декабря 1914 года: «По приблизительному подсчету всем расходам, сопряженным с пьянством у нас в России в течение года, получалась огромная цифра: в 3 миллиарда рублей. Сотни тысяч русских людей ежегодно от пьянства умирали, попадали в лечебницы, дома умалишенных, тюрь-

мы, приюты разврата... пьяницы набрасываются на денатурированный спирт, политуру, древесный уксус, одеколон, брагу» [18].

Во Владимире конца XIX века, как писал Суботин (известный в прошлом владимирский экономист), было 110 мест питейной торговли, то есть одно на 164 чел. Тогда как в среднем по России одно питейное заведение приходилось на 1200 чел. В год во Владимире продавалось 57 тысяч ведер водки, то есть по три ведра на одного жителя, а в России – по 1,87 ведра на чел.» [19].

По другим данным, во Владимирской губернии выпито в 1913 году 1583299 ведер водки на сумму 13335524 руб., то есть примерно одно ведро на чел. [20].

С пороком пьянства активно боролось Братство во имя благоверного князя Александра Невского и духовенство на местах. Перед революцией в епархии было создано более сорока обществ трезвости.

Об упадке религиозно-нравственного состояния Владимирской епархии говорит комиссия по вопросу поднятия религиозно-нравственного состояния населения Владимирской епархии в своем докладе Епархиальному съезду, который должен был состояться 31 июля 1913 года.

«Волны «освободительного движения» 1905–1907 годов дошли и до сельского населения, немало в сельской жизни проявилось тогда бессмысленного своеволия и разнузданности страстей. По наблюдению народной жизни пастырями, по сравнению с недавно пережитым бурным временем тишина стоит в настоящее время. Тем не менее время от времени местами среди сельского и фабрично-заводского населения все еще появляются мнимые устроители общего блага, которые все еще продолжают волновать народ распространением нелегальной литературы, даровой раздачей брошюр, листов антирелигиозного, социалистического, сектантского и даже безнравственного содержания, явно рассчитанных на ослабление устоев веры и нравственности народной жизни... В особенности этим интересуется современная крестьянская молодежь, преимущественно та, которая уходит на отхожие промыслы. Эта полуграмотная молодежь по возвращению на родину начинает тому же поучать и в деревне. А теперь

Все эти вопросы по улучшению и активизации православной жизни должны были решаться на местах, но и в гораздо большей степени – централизованно. Русская Православная Церковь готовилась к Поместному Собору, от которого ожидало много глубоких реформ и оживление всей церковной жизни.

Но не дремали и враги Отечества, Трона и Церкви. Они уже в течение многих лет подтачивали и разрушали эти стороны державности. И плоды этой негативной деятельности были налицо. Первым подспорьем тому была Первая мировая война, благодаря которой враги России смогли совершить в

во многих приходах, по сообщению нашего духовенства, народ охладевает к Святой Церкви, в его жизни явно обнаруживается нарушение исконных начал веры и благочестия, уклонение от исполнения христианского долга Исповеди и Священного Писания, от посещения храмов Божьих, совершенные молебствий в оброчные дни, прекращается по местам поминовение усопших, не стало прежнего благоговения перед священными изображениями, напротив, замечается, особенно в молодежи, иногда глумление над священным, что дорого православному сердцу. В отношении к духовенству в некоторых местах народ крайне груб, дерзок, непочтителен, иные перед священниками держат себя вызывающе. В нравственной жизни замечается крайнее своеволие молодежи, непочтительное отношение к старшим, к родителям, стремление к наживе легким, нелегальным путем, крайняя неприязнь к имущественному классу, пьянство, доходящее за последнее время до ужасающих размеров, затрат и т.д.

По мнению комиссии, одной из существенных причин упадка современной церковной жизни служит разобщение пастырей от пасомых...

Пастыри и пасомые далеко стоят друг от друга. И нередко являются как бы чужими, связь между ними наблюдается только чисто формальная. Пастыри являются только совершителями богослужений и отправителями треб, но не духовными руководителями своих пасомых. Пасомые со своей стороны равнодушно относятся к делам Церкви». Церковь, знала о вышеуказанных проблемах в жизни своей паствы, и пыталась этому по возможности противостоять.

Все эти вопросы ставились на епархиальных собраниях и съездах. Требовалось решительное оживление приходской жизни. Принимались решения о противодействии в епархии различным революционным агитаторам путем разъяснений намерений этих людей и партий, к которым они принадлежат.

Признавалось необходимым соединение кружков ревнителей православной веры. Приход должен был, сплотившись вокруг своего пастыря, стать не только территориальной единицей, но и оплотом православной жизни и нравственности в данной местности.

стране ряд переворотов, а затем развязать гражданскую войну, вследствие чего Российская империя перестала существовать, а русский народ на многие десятилетия был ввергнут в череду тяжелых невзгод и страданий. «Страна свернула со своего эволюционного пути и вступила в период древней рептильной жестокости и варварства», – так оценил положение страны после революции и гражданской войны Л. Гумилев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале 20 века. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.
2. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. М. Манухиной. – М., 1994.
3. ГАВО ф. 556.
4. ГАВО. ф. 556 оп.1.
5. Церковные ведомости, 1914, № 29.
6. О. Аркадий Гоглов. Православная Церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. – М.: 2008. С. 49–50.
7. Владимирские епархиальные ведомости, 1882, № 2.
8. Владимирские епархиальные ведомости, 1901, № 17.
9. Владимирские епархиальные ведомости, 1182, № 10; 1888, № 22.
10. О. Аркадий Гоглов. Православная Церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. – М., 2008. С. 53–56.
11. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.М. Манухиной. – М., 1994. С. 70–81.
12. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. М. Манухиной. – М., 1994. С. 71–72.
13. Минин С.Н. В старой открытке. – Владимир: Посад, 2000. С. 111–112.
14. Отчет о деятельности Православного братства святого благоверного князя Александра Невского за 1896–1897 год. Типография Матрениского С.К. Вязники 1898. С. 27–51.
15. ГАВО ф. 556. Оп.1. д. 3826. С. 3.
16. ГАВО ф. 534. Оп. 1. д. 35. С. 1.
17. Дудорова Л.В. Старый Владимир. – Владимир: Посад, 1998. С. 59.
18. Дудорова Л.В. Старый Владимир. – Владимир: Посад, 1998. С. 59.
19. ГАВО ф. 556. Оп.1.
20. ГАВО ф. 556. Оп.1. д. 4856. С. 3–5.
21. Священник Сергей Дроба Церковь, государство и общество по периодическим изданиям и воспоминаниям. – Тверь, 2010. С. 27.

Summary

THE ORTHODOX CHURCH IN VLADIMIR PROVINCE IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

A.S. Tkachenko

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The position of Russian orthodox church in Vladimir province in XIX – XX centuries is given in the article; the state of parishes, educational and church establishments is analyzed there; the role of orthodox church in keeping the backgrounds of national morality in a period of social distemper and shakes.

Key words: religion, traditions, orthodox church, priesthood, morality, revolution.

ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Янчикова Т.И.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье на примере Московской области анализируются процесс коллективизации конца 1920–1930-х годов и сопровождавшая его политика раскулачивания. На основе статистических данных и исторических свидетельств делаются выводы о методах и результатах коллективизации.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, крестьянство, колхоз, репрессии.

В исследовании социально-экономического преобразования российской деревни, в том числе и Московского региона, в конце 1920-х – 1930-е гг. можно выделить несколько этапов. Наше внимание остановится на первом этапе. Этот период сплошной коллективизации, начавшийся в конце 1929 г., сопровождался насилием и принуждением, запугиванием и репрессиями в отношении основной массы крестьянства.

Целью исследования являлось изучение особенностей процесса раскулачивания в Московской области в период сплошной коллективизации.

При ознакомлении с содержанием сводок за 1928–1930 гг. хорошо видно, как из хлебозаготовительных кампаний вырастали темы для сводок ОГПУ – «классовая борьба», «кулацкий террор», враждебная деятельность «антисоветских элементов». В них включалась информация «Об операциях по кулачеству» (1930 г.), «О ходе выселения кулачества» (1931 г.) и др. [1].

В «Правде» 7 ноября 1929 г. была опубликована статья И.В. Сталина «Год великого перелома», в которой, вопреки фактам, утверждалось, что уже «удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития... к новому социалистическому пути развития», удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков» [2].

По данным официальной статистики на 1 октября 1929 г. в колхозах состояло 7,6% общего числа крестьянских хозяйств [3].

В Московской области в отношении нежелающих вступать в колхоз бедняков и середняков широко применялись угрозы раскулачиванием, лишением права голоса, ссылкой на Соловки, тюрьмой и даже расстрелами.

По официальным данным осенью 1929 г. имелось 2,3% (около 600 тыс.) кулацких хозяйств. Из общего числа раскулачиваемых 60 тыс. человек подлежали заключению в концлагерь, а 150 тыс. семей – высылке в безлюдные и малонаселенные районы Северного края, Сибири, Урала и Казахстана. Остальные должны были расселяться в специальные поселки данного округа или района на неудобных, худших землях за пределами колхозных массивов [4].

Н.А. Ивницкий отмечал, что проводя раскулачивание зажиточной части деревни, советское руководство главным образом преследовало цель – стимулировать сплошную коллективизацию. Ставилась и еще одна задача – «трудовое перевоспитание бывших кулаков в процессе общественно полезного труда» [5].

К лету 1929 г. Московская область занимала 21-е место в стране по темпам коллективизации, 1,8% имеющихся здесь крестьянских дворов были объединены в колхозы [6].

В соответствии с разработанными в декабре 1929 г. планами в целом по области предполагалось к концу 1930 г. коллективизировать 50% крестьянских хозяйств [7].

Однако уже в феврале 1930 г. партийное руководство области вынесло решение завершить коллективизацию «в течение весенней посевной кампании 1930 г.» [7].

А так как подавляющее большинство крестьян не хотело вступать в колхозы, то к ним применялись угрозы, насилие, а нередко и репрессии. В результате к началу марта 1930 г. область вышла на 6-е место (73% коллективизированных хозяйств), опередив ряд областей, отнесенных ЦК ВКП (б) к проведению сплошной коллективизации в первую очередь [7].

Практическое осуществление политики ликвидации кулачества началось в Московской об-

ласти еще до принятия официальных документов по этому вопросу. В итоге в 1930 г. масштабы раскулачивания в Московской области были меньше, чем в зерновых районах. Но помимо раскулачивания широкое распространение в Московской области получили и другие формы репрессий (аресты и внесудебное рассмотрение дел арестованных). В 1930 г. Московская область «заняла» пятое место в СССР по количеству лиц, осужденных тройками ОГПУ [7].

Коллективизация и раскулачивание вызвали решительное сопротивление крестьянства, вылившееся в массовое антиколхозное и антисоветское движение. Причем по данным ОГПУ Московская область принадлежала к числу наиболее «сильно пораженных» районов по остроте крестьянских выступлений. Всего в 1930 г. в Московской области произошло 676 массовых выступлений, в которых приняло участие более 117 тыс. человек [8].

В последующие годы количество крестьянских выступлений в Московской области заметно снизилось. В то же время значительное распространение получили и другие формы сопротивления крестьянства. Так, в 1930 г. в области было совершено 707 терактов, в которых участвовали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и бедняки [8].

Причем и в дальнейшем Московская область выделялась большим количеством терактов среди других районов Союза. Крестьянские протесты, развернувшиеся зимой – весной 1930 г., вынудили ЦК ВКП (б) принять ряд мер по смягчению обстановки. На время проведения весеннего сева было прекращено раскулачивание, осуждены перегибы и провозглашена добровольность колхозного движения, установлены льготы для колхозов и колхозников. Однако Сталин и его ближайшее окружение не отказались от ключевой задачи в деревне – завершения сплошной коллективизации. Уже в сентябре 1930 г. ЦК ВКП (б) потребовал от местных парторганизаций добиться «нового мощного подъема колхозного движения».

Исходя из директив партии, V пленум МК ВКП (б), состоявшийся в феврале 1931 г., установил новые контрольные цифры по коллективизации, которые предусматривали объединить в 1931 г. в колхозы 25% единоличных крестьянских хозяйств в тех районах, где не было МТС и 40-50% – в районах деятельности МТС [8].

Важной особенностью проведения коллективизации в Московской области в 1931–1932 гг. стало применение не только административно-репрессивных мер, но и широкое использование

мер экономического воздействия на крестьян. Были повышены единый сельскохозяйственный налог, самообложение и другие налоги. Резко возросли в области и планы хлебозаготовок, что также использовалось как средство давления на крестьянство при вступлении в колхозы. Так, на 1930/31 хозяйственный год план заготовки зерновых культур по Московской области был на 73,7% больше чем в 1929/30 г. [9].

В результате экономического воздействия и административного нажима уровень коллективизации в Московской области поднялся к 1 августа 1931 г. до 40%, что позволило VII пленуму МК в июле 1931 г. поставить новую задачу – к концу 1931 г. – коллективизировать половину всех крестьянских хозяйств области, а в льняных районах добиться уже к весне 1932 г. сплошной коллективизации [9].

Весной 1931 г. начался новый этап раскулачивания. Причем в 1931 г. из пределов Московской области было выселено гораздо больше крестьянских семей, чем в 1930 г. (10813 семей), что объяснялось тем, что в 1931 г. выселялись из прежних мест жительства, раскулаченные не только в 1931 г., но и ранее, в 1930 г. [9].

Для кулацких же хозяйств, оставшихся на местах, налоговое законодательство 1931 г. устанавливало повышенные ставки налога на основе индивидуального обложения. Раскулачивание продолжалось и в последующие годы, являясь важным средством при решении различных хозяйственно-политических задач (проведение сева и уборки, взыскание налоговых платежей и т.д.) [9].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. ориентировочно устанавливался контингент кулаков, подлежащих аресту и заключению в концлагерь и выселению. По Московской области были определены цифры в 4 тыс. человек, подлежащих заключению в концлагерь, и 3 тыс. человек, подлежащих высылке [9].

На заседании коллегии ОГПУ 30–31 января 1930 г. было определено, что из Московской области подлежат выселению 15 тыс. человек [9].

К этому времени, в частности, в Орехово-Зуевском округе уже было раскулачено 520 кулаков без ведома ОГПУ [10].

Об этом писал 24 января 1930 г. Г.Г. Ягода. В записке руководящим работникам он четко охарактеризовал деятельность местных органов по раскулачиванию как «забегание вперед» и считал необходимым усилить вмешательство и контроль центральных органов ОГПУ [10].

ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

31 января 1930 г. Московский обком ВКП(б) принял постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса, согласно которому численность кулацких хозяйств первой категории (отправка в концлагерь) была установлена в 4–5 тыс., второй категории (выселение) – в 9–11 тыс., а также давалась разрядка по этим категориям по округам [11].

Московский обком поручал окружным комитетам партии совместно с окрисполкомами, органами ОГПУ и прокуратурой в 10-дневный срок «определить списки первой категории и принять меры к немедленному изъятию».

Выселение кулацких семей второй категории следовало производить на север в период с 15 февраля по 15 апреля 1930 года. Кулацкие семьи, отнесенные к третьей категории, вместе с членами семей первой и второй категорий (при условии согласия райисполкомов) подлежали расселению небольшими поселками в 20–40 дворов на территории данного района [11].

2 февраля 1930 г. постановление бюро Московского обкома партии, подписанное Бауманом, было послано И.В. Сталину. 4 февраля это постановление было отменено ЦК ВКП(б), но меры, намечавшиеся, на практике начали осуществляться раньше, а постановление лишь закрепляло то, что уже делалось на местах [10].

Начался массовый выход из колхозов, и к лету 1930 г. уровень коллективизации снизился более чем вдвое с 56 до 23,6%, в том числе в Московской области в 10 раз, в ЦЧО – в 5,2 раза, в Башкирии – почти в 4 раза, в Белоруссии – в 5 раз, в Татарии – в 9 раз. В целом по РСФСР уровень коллективизации упал с 57,6% до 20,3%, т.е. почти в три раза [10].

По данным Секретариата ВЦИК, массовые случаи раскулачивания середняков и бедняков

были выявлены в 1930 г. в Московской области в количестве 74% от общего числа раскулаченных. Ситуация в других регионах была похожей: в Северном крае середняки и бедняки составляли 89% от числа раскулаченных, в Ивановской Промышленной области – 79, в ЦЧО – 73,6% [11].

Помимо раскулачивания широкое распространение получили и другие формы репрессий: прежде всего, аресты и внесудебное рассмотрение дел арестованных. В 1930 г. Московская область заняла пятое место в СССР по количеству лиц, осужденных тройками ОГПУ, – 11 245 человек, 6,3% от общего количества осужденных по стране [8].

Общая стоимость изъятого имущества составляла 3561,1 тыс. рублей. В неделимом капитале колхозов Московской области оно составило 37,6% [8].

Выводы.

Раскулачивание проводилось одновременно со сплошной и насильственной коллективизацией.

Московская область выделялась большим количеством терактов среди других районов Союза.

Раскулачивание в Московской губернии в конце 20–30-гг. представляло систему многообразных хозяйственных ущемлений, запретов, конфискации и жестоких административно-политических, даже уголовных преследований, лишения политических прав, ссылок, арестов. Причем, уголовное наказание, как и экономические ограничения, касалось всех членов семьи, включая несовершеннолетних детей.

Раскулачивание в Московской области затронуло самые разные слои крестьянства – не только зажиточную верхушку деревни, но также часть середняков. «Пик» раскулачивания пришелся на 1930–1931 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 468.
2. Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1946. С. 125.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)1. Фонд 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР) Оп. 1, дд. 8, 466. Оп. 2, дд. 12, 95.
4. Данилов В. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. том II. ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 749.
5. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – ООО «Издательство «Собрание»», 2004. С.7
6. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – 2-е изд. – М.: Изд-во Магистр, 1996. С. 102.
7. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. М., 1928–1934 гг.; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М., 1928–1934 гг. С. 281.
8. К.А.Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края. Труды музея Дмитровского края. Вып. 6. – г. Дмитров Моск. окр. – 1930 г. С.17.

9. Линн Виола. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. – М.: Русская политическая энциклопедия, 2010. С. 368.
10. Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х гг. // Вопросы истории. – 2006. № 5. С. 146.
11. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). – М., РАН. Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада). С. 172.

Summary

THE POLICY OF DISPOSSESSION OF THE KULAKS IN A MOSCOW REGION IN THE PERIOD OF COLLECTIVIZATION

T.I. Yanchikova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. Collectivization process during 1920th –1930th centuries and policy of dispossession of the kulaks are described in the article. On the basis of statistical and historical evidences the resumes about methods and results of collectivization are made.

Key words: collectivization, dispossession of the kulaks, peasantry, repressions.

РАЗДЕЛ 3.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

УДК 1(470)(091)"18"

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Джохадзе Д. В.

Институт философии РАН

Аннотация. В статье поднимается вопрос о значимости идейно-философского наследия представителей русского демократического движения XIX века: В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и др. в контексте изучения развития идей социализма в России, дан обзорный анализ их взглядов на пути преобразования русского общества.

Ключевые слова: революционный демократизм, социализм, либерализм, освободительное движение, крепостное право, капитализм.

В нарушении применения диалектического принципа к истории, которым, как известно, пользовались еще Аристотель, Гегель и Маркс, в последнее время у нас на задворках остались такие, например, шедевры обществоведческой науки великого русского народа, как произведения выдающихся русских революционных демократов В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и других. Мало того, сегодня многие из уважаемых ученых-гуманитариев странным образом, как мне кажется, стесняются упоминать, весьма объемное по своему предметному содержанию вошедшее в историю понятие **революционный демократизм**, забывая о том, что, собственно, через него только и возможно адекватно исследовать богатое наследие представителей этого исторически весьма важного русского демократического освободительного движения XIX в. Вот и получается, что одной из основных причин наших бед особенно в социальной жизни до сих пор остается ангажированная критика, политико-идеологическая предвзятость и боязнь называть вещи своими именами. История становится наукой лишь в том случае, если к ней применена другая критика – критика имманентная – «самокритика», исследующая ее внутреннюю логику. Голое

абстрактное «теоретизирование» или субъективное комментирование (охаивание или апология) вырванного из контекста истории теоретически плохо осмысленного эмпирического материала не позволяли себе уже отцы Геродот, Фукидид и Диодор Сицилийский, стоявшие у истоков исторической науки. Я уже не говорю о Платоне и Аристотеле. Великий немецкий философ Гегель, а вслед за ним классики марксизма справедливо критиковали лже-историков и псевдо-теоретиков, исторический релятивизм которых из-за субъективизма и софистического жонглирования словами и понятийно-категориальными определениями вырождается в релятивизм моральный. Однако, сказанного о них достаточно, чтобы перейти ближе к теме нашей дискуссии с точки зрения научно-го к ней подхода.

Дореволюционная Россия основательно подготовила объективную почву возникновения и развития в России аутентичного марксизма. Нельзя нигилистически относиться к этому весьма важному явлению духовной жизни России XIX в. Так, например, формулировка темы научно-практической конференции «Русский немарксистский социализм», прошедшей под эгидой Фонда Плеханова и ИНИОН РАН 24 сентября 2003 г. к 175-летию рождения яркого теоретика и прак-

тика русского революционно-демократического движения середины XIX в. Н.Г. Чернышевского, мне кажется не совсем корректной, ибо в ней сквозит известное, ставшее модным, желание провести демаркационную линию между русским социализмом и марксизмом. А это, как мне представляется, совершенно невозможно ввиду предметного сходства и общей целевой и концептуальной направленности, исторически во времени параллельно возникших и параллельно развивавшихся учений, между которыми скорее родо-видовые различия, нежели существенные предметные размежевания. В обоих случаях мы имеем дело с **философией освобождения**, когда главная общая программная цель заключается в освобождении человека труда от эксплуатации – феодально-крепостнической и капиталистической. И ничего удивительного в этом, конечно, нет, ибо возникшие исторически в одной и той же эпохе, оба эти типологически близкие между собой теоретические течения вошли в глубокое не только временное, но и, что главное, идейно-мировоззренческое соприкосновение, взаимно обогащая и взаимно дополняя друг друга. Нечего и говорить о том, что их отдельные представители были даже лично знакомы или, по крайней мере, полагаю, читали друг друга.

Непредвзятый анализ российской истории показывает, что во второй четверти XIX столетия в России заметно усилилось разложение старых, феодальных социально-политических и общественных отношений. В результате противоречия между медленно развивавшимися капиталистическими производительными силами и все еще существовавшими в стране феодальными производственными отношениями феодально-крепостническая система в России вступила в полосу глубокого неизлечимого социально-экономического кризиса. При этом буржуазия пока еще не стала революционной силой, хотя и была заинтересована в отмене крепостного права в России. И это понятно. В царизме она видела единственную реальную силу, способную защитить ее от революционных выступлений широких народных масс. В это время единственным революционным классом было крестьянство, кровно заинтересованное в решительном уничтожении крепостничества; что же касается рабочего класса, то он, находясь в процессе становления, еще не стал самостоятельной и вполне осознанной классовой силой – классом для себя, способной повести крестьянство и другие слои трудящихся России на борьбу против царского самодержавия. Царизм всячески стремился задушить антикрепостниче-

ское движение не только крестьян, но и все более усиливающееся антисамодержавное движение в среде передовых дворян и разночинной интеллигенции страны.

Все эти и другие социально-политические и общественные противоречия, развитию которых в крепостнической России существенно способствовало, в частности, и революционное движение европейского пролетариата, объективно создали реальную почву для формирования и развития в России теории и практики передовой **революционно-демократической идеологии**, которую можно назвать *мировоззрением революционного крестьянства*. Развитие классовой борьбы в тогдашней России показало, что между революционными демократами – защитниками интересов крепостного крестьянства – и помещичье-буржуазным либерализмом, до смерти страшившимся народной революции и потому шедшим на соглашение с царской монархией, существует внутреннее непримиримое противоречие, которое, то и дело, находило свое проявление в драматических столкновениях угнетенных с властью.

И вовсе не по злему умыслу и науськиванию, как это часто думают, а согласно объективным процессам исторического развития в 30-40-х годах XIX в. в России рождается целая плеяда революционеров демократического движения, наиболее яркими представителями которого являются: В.Г. Белинский (1811-1848), А.И. Герцен (1812-1870), Н.А. Добролюбов (1836-1861), Н.Г. Чернышевский (1828-1889) и др., творчество которых аккумулировало в себе лучшие достижения отечественной и европейской теоретической мысли, именуемых **революционными демократами** из-за их непримиримости к российской феодально-крепостнической системе, в борьбе с которой они считали одинаково допустимыми как мирные, так и насильственные методы.

В некоторых докладах и отдельных выступлениях по докладам на настоящей представительной научно-практической конференции была озвучена идея о якобы «либеральном характере» взглядов русских революционных демократов, что, конечно, по моему мнению, не соответствует действительности. Как известно, литературно-философское и публицистическое творчество, а также революционная деятельность русских революционных демократов в целом явились одной из самых славных страниц в истории российского освободительного движения и русской демократической культуры. Идейно-политическая борьба революционной демократии против крепостниче-

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ской идеологии и против тогдашнего буржуазного либерализма нашла свое яркое выражение во всех областях русской культуры – в философии, науке, литературе, искусстве, в духовной жизни народа в целом. Особенно это прозвучало в творчестве русских революционных демократов, все сочинения которых пропитаны духом антилиберализма. Методологический подход к этой проблеме, данный Лениным в статье «Памяти Герцена», и по ныне сохраняет свою актуальность. В ней он доказывает, чем именно отличается *революционер* Герцен, «сыгравший великую роль в подготовке русской революции», от либерала; «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал верх»; «Герцен спас честь русской демократии», «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»; «пролетариат учится на примере великому значению революционной теории»; «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*»¹. «Русская жизнь, таившая в себе зародыши будущего развития, вовсе не подозревая того, что держалась на старину по капризу, не умея объяснить почему, а революция, напротив, указывала на блестящие идеалы, на широкую будущность...»². Он предлагал серьезно подумать над тем, нет ли в народе России «чего-нибудь такого, что может иметь притязания на общественное устройство, несравненно высшее Западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс»³. А в «Письме к противнику» Герцен выражает сомнение в том, что в России невозможна революция: «Вы уверены, что всякая революционная попытка в России невозможна, что “русский народ не пойдет против своего царя... что несколько студентов, не кончивших курсы, сделают в России переворот”...»⁴. Нелишне было бы в назидание современным либералам напомнить, что именно Чернышевский – наиболее последовательный представитель ревдемократов, назвал либералов 60-х годов XIX в. «*болтунами, хвастунами и дурачьем*» – слова, вложенные в уста Волгина, одного из героев первой части романа Н.Г. Чернышевского «Пролог»⁵, которые Ленин считал справедливыми, «ибо он (Чернышевский)

ясно видел их (либералов) боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»⁶. И это неслучайно, ибо, как показывает анализ соответствующего эмпирического материала, либералы и либерализм 60-х годов XIX в. и ревдемократы представляют собой два противоположных идейных направления, противоборство между которыми продолжается вплоть до современности. Первые, как и сегодня, хотели «освободить» Россию методом «реформ» т.е. «сверху» без изменения формационных основ страны, а вторые добивались освобождения России путем революционной – мирной или насильственной – отмены существующей социально-экономической системы вообще. Другое, конечно, дело, что к творчеству русских ревдемократов всегда тянулись как революционное народничество 70-х годов, так и народники 90-х годов, которые, вплоть до буржуазных либералов, как известно, были склонны заимствовать лишь отдельные внеконцептуальные слабые стороны их творчества.

При всем многообразии подходов и попыток решения разных общественно-политических и философских проблем, русские революционные демократы, в общем и целом, стояли на одинаковой передовой теоретической платформе. Прежде всего они были истинными патриотами своего народа, горячо любили Россию и ее народ, страстно боролись за великое будущее своей родины. Патриотизм – не замкнутый националистический, а интернациональный, – и здоровое чувство национальной гордости они сочетали с интернациональными идеями о свободе и счастье всего человечества, с борьбой за предоставление каждому народу права самостоятельно устраивать свою судьбу. Так, Герцен писал: «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификации и зоологических предпочтений рас, но несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной»⁷. Важнейшей стороной их философских воззрений был исторический оптимизм, вера в народные массы как движущую силу мировой истории. Анализируя принципы прогрессивного развития человеческого общества, они пытались показать, что новое и прогрессивное в общественной жизни никогда не возникает на пустом месте, а вырастает из предыдущего. Говоря об общественном развитии, революционные де-

¹ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., Л. 1931. Т. 15, С. 461-469.

² Герцен А.И. Сочинения. В 7 т. С.Пб., 1905, с. 260.

³ Там же, С. 261.

⁴ Там же, С. 390.

⁵ См. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. 10, ч. 1. – СПб., 1905-1906.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20, С. 175.

⁷ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. В 22 т. – М., 1919-1925 гг., т. XXI, С. 81.

мократы отводили заметное место экономическому фактору в жизни общества, верили в то, что феодальное крепостничество и буржуазный мир, а значит, эксплуатация человека человеком, не вечны, а преходящи. Они самостоятельно приближались к материалистическому пониманию истории, оценивая роль народных масс, как главную движущую силу истории, что во многом роднит их с марксизмом. Будучи передовыми мыслителями своего времени, революционные демократы, каждый по своему, но убедительной критике подвергали всякого рода шовинизм, абстрактный космополитизм и национальную обособленность. Своими произведениями и публицистическими выступлениями они существенно способствовали развитию русской интернациональной литературы и просветительства. Ряд их теоретических положений безусловно, лежат в русле марксистской методологии познания важных проблем тогдашней российской социальной действительности. Хотя и в разной степени, но одинаково осознавая необходимость **революционного преобразования** российской общественной жизни, они старались осуществить его не только путем силового давления на царскую власть, но и убеждения народа. Соответственно, вовсе не чужаясь легальных форм борьбы против самодержавия, как правило, они считали их не основными, а второстепенными: «Без сомнения, восстание, открытая борьба, одно из самых могущественных средств революции, но отнюдь не единственное»¹; «... от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого; но с тем вместе также искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие – застою николаевского status quo»². Демократической основой общественного развития русские ревдемократы считали преобразование сознания людей, распространение в народных массах просвещения, чтобы вооружить народ знанием, довести до полного осознания им объективных причин экономического и политического неравноправия в обществе; безнадежной устарелости, отживших свой век, старых общественных порядков. В этом плане ревдемократы были выдающимися просветителями своего народа, в чем, повторяю, помимо всего прочего, также заключался их революционный демократизм. Русские ревдемократы, поняли подобно классикам марксизма, что революция вовсе не рычаг, при помощи которого можно механически перевернуть существующую обществен-

ную систему, а прежде всего наука о стратегии и тактике формирования прогрессивного общественного сознания для мобилизации народа на пути к историческому прогрессу.

Черпая отдельные идеи из классической немецкой философии, в частности, из диалектики Гегеля, Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский и др. старались придать диалектике материалистический характер, предпринимая тем самым попытку освободить материализм от известных религиозно-метафизических ограничений. В исследовании социальной философии революционные демократы пошли глубже и дальше своих европейских предшественников. Преодолевая отдельные трудности и традиционные ограниченности метафизического и механистического материализма и, таким образом, двигаясь в направлении к марксизму, они создали своеобразную форму материализма, во многом отличную от метафизического и механистического; вели принципиальную борьбу с проявлениями идеализма и фидеизма. Н.Г. Чернышевский подверг обстоятельной критике немецкую классическую философию, в лице крупнейшего ее представителя Гегеля. Высоко ценя его диалектику, он, по образу и подобию Маркса, предпринял серьезную попытку критического анализа противоречия между методом и системой в гегелевской философии.

При разработке проблем теории познания революционные демократы исходили из неразрывной связи между опытом и теоретическим мышлением. Например, Герцен считал, что источником знаний является не сверхъестественное бытие, а реальный чувственный опыт, непосредственно дающий материал для реального мышления. Соответственно этому, он методологически обосновал необходимость тесной связи философии и естествознания – с одной стороны, и теории и практической деятельности людей – с другой. В.И. Ленин, высоко оценивая творческое освоение Герценом диалектики Гегеля, писал: «Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя “алгебру революции”. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом»³. Хотя русские ревдемократы еще не дошли до диалектико-материалистического понимания практики как общественно-исторической производственной деятельности людей, однако в своих отдельных высказываниях они высоко ценили роль практики в процессе познания общественной жизни и были в этом смысле

¹ Герцен А.И. Сочинения. – СПб., 1905. Т. 6, С. 170.

² Там же. С. 171.

³ Ленин В.И. ПСС., т. 21, с. 256.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

весьма далеки от религиозного нигилизма земной жизни людей. Так, существенным критерием всех спорных пунктов науки Н.Г. Чернышевский считал именно практику¹: «"Практика", этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководительницей нашею и здесь»². Практика – великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувств и мысли. Потому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. Что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикой действительной жизни»³.

Русские революционные демократы критиковали не только идеализм, но также вульгарный материализм, отрицавший активную роль познавательной деятельности человека и пытавшийся свести сложный процесс мышления лишь к материальным физико-химическим процессам. «Нам кажутся смешны и жалки, – писал Добролюбов, – невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи»⁴. Они правильно в основном критиковали метафизическое понимание источника движения и отрицание существования противоположностей в процессе развития и познания объективного мира. «Живая истина, – по мнению Белинского, – состоит в единстве противоположностей»⁵. При этом, он исходил из того, что противоположности эти существуют в мире реальном, а не ирреальном. Множество отдельных высказываний относительно развития природы и общества, свидетельствуют о том, что русские редемократы XIX в. вполне диалектически подходили ко многим явлениям природы и общества. «Жизнь природы, – писал Герцен, – непрерывное развитие... это диалектика физического мира»⁶. Белинский считал, что нет предела развитию человечества... «жизнь только в движении; в покое – смерть»⁷. Исследуя концептуальную направленность идей

Герцена и сопоставляя отдельные места из «Писем» Герцена и «Анти-Дюринга» Энгельса, Г.В. Плеханов метко заметил: «Под впечатлением всех этих отрывков легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х, и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса»⁸. В этом же методологическом русле лежит философское мировоззрение Белинского. Одно из важных мест в творчестве Белинского занимают проблемы философии истории. Он считал необходимым исторический подход к явлениям общественного развития. Он против субъективного рассмотрения эмпирического материала истории; «уложить факты на прокрустово ложе своего воззрения, – считал он, – поневоле искажают их».

С другой стороны, изложение исторического материала без их определенного методологического осмысления и без «исторической связи и последовательности» он относит к разряду «вульгарной эмпирической учености»⁹. Белинский считал, что историческая наука как таковая возможна только через диалектическое осмысление богатого исторического материала. Иначе, по его мнению, чистая хронологизация, «голые факты без идей – сор для головы и памяти»¹⁰. Он ищет в истории закономерность ее развития; «отвергать возможность истории, как науки, значит – отвергать в развитии общественности неизменные законы и ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола и слепого случая»¹¹. Следовательно, Белинский уверен, что «задача всеобщей истории – начертать картину развития, через которое человечество перешло к современности»¹².

Эти и множество других положений русских редемократов, по сути дела, были направлены против метафизики и вульгарного материализма, являлись показателем того, что представленный в их произведениях материализм и диалектика во многих отношениях были более совершенными и зрелыми, чем предшествующий домарковский материализм.

Тем не менее, в одном весьма важном вопросе революционные демократы не смогли полно-

¹ См. Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. – М., 1950, т. 1, с. 180.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 10 т. СПб., 1905-1906 гг. Т.10, ч. 2, с. 173.

³ Там же, с. 174

⁴ Добролюбов Н.А. Избр. филос. соч. В 2 т. Т.1.– М., 1948, с. 230-231.

⁵ Белинский В.Г. Избр. филос. соч. В 2 т. Т. 1.– М., 1948, с. 468.

⁶ Герцен А.И. Избр. филос. соч. В 2 т. Т. 1. – М.– Л., 1948, с. 127.

⁷ Белинский В.Г. Избр. Филос. – М., 1948, соч. Т. 2, с. 146.

⁸ Плеханов Г.В. Избр. Филос. произведения. В 5 т. Т. 4. – М., 1958, с. 703.

⁹ Белинский В.Г. Избр. филос. соч. В 2 т. – М., 1948, с. 131.

¹⁰ Там же, с. 137.

¹¹ Там же, с. 138.

¹² Там же, с. 143.

стью преодолеть недостаток домарксистского материализма. Во взглядах на общество за редким исключением они оставались в целом на позициях, так сказать, «ограниченного» идеализма. Высказывая отдельные догадки об историческом поступательном развитии общества и преходящем характере капитализма, они, не стали научными социалистами, хотя и видели в народных массах, эксплуатируемых классах общества главную движущую силу истории; будучи, пусть и в разной степени, убежденными сторонниками революционного изменения тогдашней русской действительности. Тем не менее, ввиду исторической ограниченности времени – неразвитости капитализма в России – они не увидели главной революционной силы общества – революционно-преобразующей роли пролетариата, который призван уничтожить всякую эксплуатацию человека человеком. Характеризуя философские воззрения Герцена на историю, Ленин правильно писал: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед – историческим материализмом»¹. Эта общеизвестная, лаконичная и объемная характеристика взглядов Герцена целиком относится и к философии других ревдемократов. Возможно, однако, в меньшей степени к Чернышевскому.

Несмотря на упомянутые и некоторые другие недостатки, присущие творчеству ревдемократов, имена замечательных представителей российского революционного освободительного движения – выдающихся русских революционных демократов XIX в. навсегда сохранятся в летописях мировой истории. Их творчество будет служить делу борьбы за лучшее будущее человечества. Всячески способствуя развитию революционной ситуации в стране, они существенно помогли совершиться тому «перевороту сверху» – отмене крепостнического права, который положил конец феодально-крепостнической системе в России и заложил основу ее прогрессирующему развитию.

Исходя из внутренней логики развития теории и практики российского общества в XIX столетии, уместно подчеркнуть, что Н.Г. Чернышевский является наиболее ярким представителем русского революционного демократического движения в России. «Мысль Чернышевского, – писал выдающийся марксист Г.В. Плеханов, – шла по тому пути, идя по которому нельзя было не прийти, при новых исторических условиях, к точке зрения научного социализма»². Вслед за Г.В. Плехановым

особенно выделял идейно-теоретические и практические заслуги Чернышевского В.И. Ленин, назвав его великим русским гегельянцем и материалистом³, что «Чернышевский, – по его мнению – стоит вполне на уровне Энгельса...»⁴, хотя и он еще «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»⁵, однако, «сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма»⁶. Исследователь истории русской философии проф. А.Д. Сухов справедливо отмечает, что «эволюция взглядов Чернышевского имела ту же направленность, что и у Герцена, но заходила дальше. Из всех русских революционных демократов он наиболее приблизился к марксизму»⁷. Он считает, что «в его работах тот путь социального развития, который впоследствии был обозначен как некапиталистический, приобретал более конкретные очертания»⁸.

Сказанного уже достаточно, дабы заключить, что, как свидетельствует богатый эмпирический материал и общая концептуальная направленность взглядов Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, русский революционный демократизм и либерализм явления принципиально несовместимые. О каком мировоззренческом либерализме, например, Чернышевского и его соглашательстве с насквозь прогнившим крепостничеством можно говорить, если он, родившийся в семье протоиерея, уже с ранних лет возмущался самодержавием, превратившим русский народ в жалкую нацию рабов. Его, как будущего революционера, интересовали первопричины противоречий интересов крестьянства и русского самодержавно-крепостнического государства. Будучи еще студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, он серьезно увлекался свободолобными идеями Пушкина, Белинского и Герцена, сформировавшими его революционное мировоззрение, углублению которого способствовали европейские просветители, особенно французские материалисты 18 в., французские утопические социалисты, труды представителей английской классической политэкономии и немецкой классической философии и, наконец, революционные

¹ Ленин В.И. ПСС., Т 21, с. 256.

² Плеханов Г.В. Соч. – М., Л., 1925, Т. 6, с. 370.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 18, с. 381.

⁴ Там же, с. 384.

⁵ Там же, с. 384.

⁶ Там же, с. 384.

⁷ Сухов А.Д. Русская философия: пути развития. – М., 1989, с. 166.

⁸ Там же, с.158.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

события в Европе в 1848–1849 гг. Чернышевского, как гуманиста, занимала важная проблема, которой никогда по-настоящему либералы не интересовались, если не считать щедрых обещаний о загробном мире, – это проблема реального социально-политического *равенства и справедливости в российском обществе, ликвидации в нем социального расслоения*, кстати, актуального и для современной России. Как мы узнаем из дневника Чернышевского 1848 г., он считал себя не либералом, а «...по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев ...»¹; а в дневнике от 1849 г. справедливо критиковал Гегеля за половинчатость его философской системы, за «удаления от бурных преобразований, от мечтательных дум об утопиях, за его *diezarte Schonung des Bestehenden* (нежное снисхождение к существующему)»².

Вскоре после поражения европейской революции Чернышевский становится более убежденным противником российской монархии и сторонником революции, которую, по его мнению, должны совершать широкие народные массы. При этом его не пугали трудности революции – кровь, беспощадность и т.п. Так, по его словам, «исторический путь – не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через дебри. Кто боится быть покрытым пылью и выпачкать сапоги – тот не принимайся за общественную деятельность». Об этом же свидетельствует тот факт, что после 1850 г., когда в Европе окончательно победила реакция, а в самой России еще больше усилилась эксплуатация народа, революционные убеждения Чернышевского крепнут, делая его приверженцем революционного изменения капитализма, считавшего это неизбежностью для России и строго придерживавшегося мнения, согласно которому революция должна быть совершена хорошо подготовленной организацией революционеров. Чернышевский удачно сочетал в себе ученого академического профиля с политиком, публицистом и революционером-практиком. Его магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», «Антропологический принцип в философии», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др. обогатили теорию познания русской революционной демократии. В них в академической форме изложены взгляды революционного изменения российской действительности.

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.. В 26 т. Т. 1. – М., 1939-1953, с. 122.

² Там же, с.38.

Имея в виду критику Чернышевским агностицизма в гносеологии, Ленин писал: «Чернышевский единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор нео-кантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»³. Он активно сотрудничал с журналом «Отечественные записки», был политическим и научным руководителем в «Современнике», где публиковались насыщенные революционными установками его «Очерки гоголевского периода русской литературы», а также революционные заветы Белинского, которого, как известно, всячески критиковали именно либерально-дворянские идеологи. Анализируя политэкономия Д. Рикардо и А. Смита, Чернышевский пытался создать экономическую теорию социалистического общества, построенную на началах коллективной собственности, коллективного производства и распределения-потребления. Он считал, что капитализм со временем исчерпает себя, а народнохозяйственная деятельность человечества и ее экономическая теория объективно движется к развитию принципа товарищества⁴, что и подтверждается общим развитием мирового сообщества. Он считал необходимым создать экономическую теорию «не для поражения, – как это, по его мнению, делал Прудон, – а в защиту социализма ... Таким образом оно со стороны хвастовства перед другими народами никуда не годится»⁵.

Чернышевский, как и все русские редемократы, после поражения (1848–1849 гг.) европейской революции, с большей уверенностью стал выдвигать и доказывать версию об особенностях исторических судеб России и специфичности ее социально-политического и экономического развития, заключавшихся, по их мнению, в избежании капиталистического пути развития в России. Главной социальной основой реализации этой грандиозной социальной программы в России Чернышевский, как и Герцен, считал **русскую общину**, опираясь на которую возможен революционный переход страны в социализм, минуя капитализм, связанные с ним мучительные зигзаги истории и «язвы пролетариата». Чернышевский всю свою жизнь посвятил попытке осуществления в России той революционно-демократической программы, которая позже у нас была названа как *некапиталистический путь* развития. Однако

³ Ленин В.И. Соч., Т. 14, с. 346.

⁴ См. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., Т. 7, с. 466-590.

⁵ Там же, т. VII, с. 475.

надо заметить, что Чернышевский был далек от славянофильской идеализации русской общины. Он, в частности, писал: «Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития»¹. Вместе с тем, Чернышевский как, представитель «старого русского крестьянского социализма» и «крестьянского демократизма» (Ленин), доказывал необходимость сохранения и развития общинного землевладения как основы революционного преобразования социально-экономической жизни России – революционного перехода в социализм, диалектически аргументируя свое мнение гегелевской триадой, согласно которой третий конечный этап в развитии явлений выступает как развитие всех предыдущих.

Чернышевский как революционер отрицательно относился также и ко всякого рода социальному реформаторству в период когда настанет историческая необходимость революционной ломки старой системы. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, – чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»².

Классики марксизма высоко ценили Чернышевского как мыслителя с широким профилем, политика и революционера. Маркс и Энгельс внимательно изучали теоретическую и практическую деятельность русских ревдемократов. Маркс называл Чернышевского «великим русским ученым и критиком»³, «мастерски осветившим «банкротство “буржуазной” политической экономии». Работы Чернышевского, в которых рассматривается проблема некапиталистического пути развития в России, Маркс называет «замечатель-

ными». В целом, уважительно относясь к творчеству Чернышевского и, в частности, *разделяя его взгляды на альтернативный европейскому путь социального развития*, Маркс писал: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучил официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁴. Здесь понимание Марксом данной проблемы хорошо корреспондируется с пониманием той же проблемы Чернышевским в его работе «Критика философских предубеждений против общественного владения», ставя вопрос о том «необходимо ли всем народам проходить все логические моменты развития?», «о неизбежности того или другого зла, о необходимости нам тысячу лет пить горькую чашу, которую пили другие: да ведь она выпита другими, чего же нам пить? Их опыт научил нас, их содействие помогает нам приготовить новое питье, повкуснее и поздоровее. Не мы трудились над приобретением железных дорог, – мы пользуемся ими»⁵. Этих «злоклучений капиталистического строя» Россия, как известно, так и не смогла избежать, как о том мечтал Чернышевский, который, по характеристике Ленина, остался идеалистом в понимании общественного развития. «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма... Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе...»⁶. В.И. Ленин, называл Чернышевского великим русским гегельянцем и материалистом⁷; он принял во внимание веру Чернышевского в возможность крестьянской революции, а также то, что он видел в русской общине возможный зачаток социалистического устройства общества, но, вме-

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., Т. 5, с. 362.

² Ленин В.И. ПСС., Т. 1, с. 291.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 19, с. 119.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 18, с. 545-546.

⁵ См. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. т. V, с. 357-393.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 175.

⁷ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 18, с. 381.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

сте с тем, считал, что строить социализм на крестьянской революции, на мелком крестьянской хозяйстве, на общинном землевладении практически было невозможно. Как известно, еще раньше Маркс писал о своем высоком уважении к Чернышевскому, который отстаивал «особый путь развития России» и считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя». В целом, по мнению Ленина, Чернышевский остался на позициях утопического социализма, что несколько, по его мнению, не отменяет глубокое понимание им современной ему действительности, понимание антагонистичности русских общественных классов¹ и исторической необходимости революционного решения этого антагонизма. «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классово-борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая донныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»². Неслучайно к Чернышевскому тянулись народники 70 и 90-х гг., которые были не способны воспринять лучшие стороны его творчества. «В этом богатстве они использовали слабые стороны Чернышевского, не понимая, что для многих перед зарождением марксизма идеи Чернышевского были «путеводной звездой, ведущей именно к марксизму»»³.

Не случайно, что вокруг Чернышевского образовался на конспиративной основе коллектив единомышленников. Он готовил нелегальный идейно-политический центр для подготовки будущей революции, развивал свои революционные идеи в печати, выработал практический план вооруженного восстания и готовился к его практическому осуществлению, что, конечно, не выпало из поля зрения правоохранительных органов царского режима. Н.Г. Чернышевский был замечен и арестован в июле 1868 г. Формальным основанием ареста стало попавшее в руки правительства письмо Герцена к Чернышевскому и объявление в лондонском «Колоколе», в котором идейный друг предлагал ему издать «Современник» в Лондоне. В результате Чернышевский был осужден и сослан в Сибирские рудники на 7 лет каторжных работ, а после отбывания срока на вечное поселение в Сибири с судебным заключением: «за

злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»⁴, которое, по словам самого Чернышевского, «отпечатано в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском, потому, что в русском царстве царь правду печатать не велит»⁵. Мало того, еще 31 мая 1863 г. над Чернышевским был совершен на Мытнинской площади обряд гражданской казни, и он был отправлен рудники Нерчинского округа⁶.

Арест, гражданская казнь и ссылка в Сибирь Чернышевского, естественно, не расстроило сторонников либерализма. Так, один из теоретиков буржуазного либерализма проф. Московского университета Кавелин К.Д., кстати, названный Лениным «подлым либералом», писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами»⁷; а Герцен, по мнению Ленина, точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами»⁸. Герцен встретил бесчеловечный приговор Чернышевского проклятием: «...Он был выставлен к позорному столбу на четверть часа, а вы, а Россия насколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье – и, если возможно, месть»⁹; «неужели из русских художников не нарисует картины представленной Чернышевского у позорного столба?»¹⁰ – вопрошал тогда Герцен. А в адрес государственного Сената, выносившего первоначальный приговор на 14 лет каторги, Герцен писал: «Дикими невеждами сената и седыми

⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII, с. 517-524.

⁵ Там же, с. 524.

⁶ Все материалы, связанные с арестом Чернышевского, судебным процессом над ним, вынесением приговора, с его гражданской казнью и отправкой на каторгу в Сибирь – в кн.: Чернышевский Н.Г. Его жизнь и деятельность. В 2 т. Т. II. – М., 1928, т. II, ч. с. 6 «Арест и процесс Чернышевского».

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 21, с. 259.

⁸ Там же, с. 259-260.

⁹ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII, с. 260-261.

¹⁰ Кажется, это пожелание Герцена до сих пор остается невыполненным. Правда, существует графический рисунок обряда гражданской казни на Мытнинской площади в Петербурге 19 мая 1864 г., написанный в 1905 г. Т.И. Гиппиус, и то местонахождение оригинала неизвестно. Указанный графический рисунок воспроизводится в кн. Н.Г.Чернышевский Что делать? Л., 1975 г. (см. Из рассказов о новых людях), по кн.: А. Тверинов. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевского. СПб., 1906, с. 6-7

¹ См. Ленин В.И. ПСС. Т. 1, с. 290-291.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 25, с. 94.

³ Большая советская энциклопедия. Т. 6. – М., 1934, с.374.

злодеями государственного совета приговорен Чернышевский к 14 годам каторги»¹.

Отношение к религии и религиозному сознанию у редемократов хотя и характеризуется некоторой непоследовательностью, в целом их можно считать противниками религиозного мировоззрения, а, судя по концептуальным высказываниям, даже противниками теизма. Они ясно осознали, что для полного освобождения общества от религии и религиозного верования необходим переворот не только в сознании людей, но, что главное, переворот в их социально-политической и экономической действительности: «Я знаю, что с религией демократии не совместно говорить что-нибудь о венценосцах, кроме зла; признаюсь вам, что мне религия демократии так же не по сердцу, как религия пана Фиалковского и как религия “возсоединенного” Симашки. Демократическое православие так же не дает воли уму и жмет его, как киево-печерское. Тот кто истину – какая бы она ни была – не ставит выше всего, тот кто не в ней и не в своей совести ищет норму поведения, тот не свободный человек»²; «Мы передаем веру в ложных богов нашим детям, обманываем их так, как нас обманывали родители, и так, как наши дети будут обманывать своих, до тех пор, пока переворот не покончит со всем этим миром лжи и притворства»³. Главное здесь то, что они преодолели чисто просветительский подход к атеизму, что очень важно. «Против ложных догматов, против верований, как бы они ни были умно, бороться нельзя. Сказать “не верь” так же авторитарно и, в сущности, нелепо, как сказать “верь”»⁴.

Говоря о задачах русской социал-демократии в начале XIX в. В.И. Ленин писал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких

предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть ... да довольно и этого!»⁵. Слова эти по-прежнему звучат актуально.

Эту высокую оценку и мнение глубочайшего теоретика и практика марксизма XX столетия В.И. Ленина я целиком разделяю, надеюсь вместе с Вами, уважаемые коллеги, и, как представитель Института философии РАН, хочу заверить Вас в том, что, при наличии финансирования можно было бы на базе ИФ РАН переиздать Полное собрание сочинений Н.Г. Чернышевского, давно ставшее библиографической редкостью. Нельзя согласиться с мнением, что якобы «Чернышевскому в СССР не повезло». Напротив: в Советском союзе были изданы и переизданы многократно сочинения всех революционных демократов, в том числе Чернышевского; о них написано множество монографических исследований, журнальных статей; защищено десятки кандидатских и докторских диссертаций; излишне говорить и о том, что в программах вузов и аспирантур русским революционным демократам всегда уделялось достаточное количество лекционных и семинарских часов, проводились городские и всесоюзные научные конференции, симпозиумы, а по линии «Общества знания» читались публичные лекции. Наконец, существует библиография переводов русских революционных демократов на языки народов СССР и на иностранные языки.

Сказанного о бессмертных представителях русского революционного демократического движения XIX в. в небольшой статье, основное значение которой, скорее в том, чтобы напомнить о них читателю, на этот раз достаточно.

Summary

ABOUT THE THEORETICAL BACKGROUNDS OF SOCIALISTIC IDEAS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

D. V. Dzhozhadzhe

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Abstract. The question about significance of ideological-philosophical heritage of Russian democratic movement in the nineteenth century is examined in the article: V.G. Belinskiy, A.I. Herzen, N.G. Chernyshevskiy and the other figures are in the context of studying of development of socialistic ideas in Russia; the review analysis of their views is given on the way of reorganization of Russian society.

Key words: revolutionary democratism, socialism, liberalism, liberation movement, serfage, capitalism.

¹ Там же.
² Герцен А.И. Сочинения. В 7 т. Т. 6. – СПб., 1905, с. 225.
³ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 6, с. 45.
⁴ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. В 22. Т. XXI. – М., П. 1923, с. 436.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 6, с. 25.

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Кондратьев Д.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается роль наследия античной цивилизации в процессе модернизации традиционного общества Западной Европы и перечисляются конкретные элементы античной культуры, определившие становление модернизированного западноевропейского общества.

Ключевые слова: традиционное общество, античность, модернизация, цивилизация, феодализм, капитализм.

Теория модернизации известна в широкой научной литературе с середины XX в. В 90-х гг. прошлого века в российском общественном сознании понятие «модернизация» стало одним из самых распространенных объяснительных конструкций. Причем это произошло в то время, когда на Западе, откуда пришло это понятие, уже к середине 80-х гг. модернизационные концепции оказались в кризисе и были «оттеснены в мировом общественном мнении на задний план» [1, с. 8-29]

Концепции модернизации не раз видоизменялись и образовывали различные варианты. В настоящее время в отечественной науке понятие модернизации используется в нескольких значениях [2, с. 52-53, 54-55, 91], на основе которых формируются различные теории. Одной из них является теория классической модернизации, в рамках которой описывается и объясняется процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному и постиндустриальному. Эта методология определяет такие векторы развития, как индустриализация, рыночная экономика, гражданское общество, демократия, правовое государство, рационализм и либерализм, которые стали индикаторами современного общества.

Активно разрабатываемые в 50-80-е гг. XX в. американскими и западноевропейскими учеными различные теории модернизации были выполнены в русле методологии однолинейного прогрессизма, суть которой состоит в представлении о том, что существует одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Эти теории модернизации и были призваны указать менее

развитым странам, или так называемым переходным обществам, траекторию движения к современному состоянию [3, с. 90]. Они легко вписывались в отечественный методологический контекст, с их помощью стали объяснять российскую историю и современность, осуществлять определенные политические проекты модернизации России.

Однако кризис научных теорий и политических проектов модернизации на Западе в конце 80-х гг. прошлого века, не всегда успешные политические проекты и в России вызывают критику общей концепции модернизации (См. напр.: Давыдов А.П. Цивилизационные основы политики модернизации // Вестник МГУ. Серия 12. 1998. № 3). Несмотря на всё выше сказанное, возьмем на себя смелость утверждать, что на сегодняшний день в отечественной исторической науке не существует более стройной и логичной концепции, объясняющей события и процессы Новой истории стран Запады, чем упомянутая теория классической модернизации.

«Употребляя термин «модернизация», – пишут сотрудники отделения истории Лейденского Университета (Нидерланды), авторы учебного пособия для студентов отделения социально-экономической истории, – мы имеем в виду общество в целом и, следовательно, не только экономическое, но и социальное, культурное и политическое развитие» [4, с. 4]. В этой книге процесс модернизации рассматривается на такой оси координат, где первый период обозначается как аграрное общество с элементами торгового капитализма. Постепенно эти элементы приобретают господствующее значение вплоть до того момента, когда уже можно говорить об индустриальном обществе, которое в свою очередь перерастает

в общество государства всеобщего благосостояния [4, с. 5]. На наш взгляд, происходит путаница критериев стадий развития общества: экономических и политических. Авторы пособия, претендуя на подробное рассмотрение социально-экономической истории [4, с. 17-18, 21-25], тем не менее характеризуют политическое и государственное развитие рассматриваемых обществ, а также их культуру.

Авторы российского вузовского учебника «Новая история стран Европы и Америки. XVI–XIX века.» В 3 ч. / под ред. А.М. Родригеса определяют модернизацию как поэтапный переход от общественной системы традиционного типа (аграрного, сословно-корпоративного) к индустриальному, или «современному обществу» (*modern society*). Модернизация сопряжена с укреплением классовых форм социальной стратификации и партикуляризации (доминирования частных интересов), складыванием национальных сообществ, формированием основы конституционной государственно-правовой системы и электоральной модели политического поведения. Модернизация, с точки зрения экономической – это переход к капитализму западного типа, обеспечение свободного функционирования капитала и полного преобладания рыночных механизмов общественного воспроизводства. Шаг за шагом в ходе модернизации складывалась и особая духовная среда, основанная на индивидуализации ценностных ориентаций, секуляризации и рационализации общественного сознания, преобладании научного типа познания.[5, с. 11-12].

Таким образом теория классической модернизации позволяет судить, каким являлось западное общество на разных стадиях своего существования (аграрное, индустриальное, постиндустриальное – современное) в плане характеристики основных общественных сфер и сторон жизни человека. Данная статья не претендует на раскрытие абсолютно всех известных предпосылок процесса модернизации, а только некоторых из них, хотя приведенные рассуждения и подсказывают, что искать их следует во всех сферах жизнедеятельности общества.

Явления, о которых пойдет речь и которые мы пытаемся систематизировать, в отечественной научной и учебной литературе имеют различные названия в зависимости от конкретной теории и её понятийного аппарата: «возникновение капитализма и европейская цивилизация» [6, с. 26], «культурно-цивилизационные предпосылки современного западного общества» [7, с. 17], «неповторимый и особый вклад во всемирно-истори-

ческий процесс» [8, с. 27], «исторические предпосылки процесса модернизации европейского общества» [5, с. 11] и т.п.

Однако, при наличии различных терминологических определений обозначенного процесса все авторы единодушны в том, нигде за пределами Западной Европы не произошло самостоятельного и спонтанного возникновения капитализма [6, с. 27], пришли к выводу об уникальности феномена Запада, порожденного сочетанием редко встречающихся условий и факторов [7, с. 17] и об особом месте Западной Европы в ряду традиционных аграрных обществ [9, с. 89]. Длительное время говорили о загадке Востока, но значительно более правомерно поставить эту проблему как великую тайну Запада, ибо только в обществах Западной цивилизации возникли и постепенно усилились предпосылки модернизации, приведшей именно в Европе к появлению общества совершенно нового типа.

В современной исторической и философской литературе существует два основных, причем диаметрально противоположных подхода к изучению предпосылок модернизации: цивилизационный (или, как называет его И. Валлерстайн, культурно-генетический) и конъюнктурный. Сторонники цивилизационного подхода считают, что возникновение предпосылок модернизации обусловлено логикой развития европейской цивилизации, а их корни уходят вглубь европейской истории. Согласно конъюнктурному подходу, основным представителем которого выступает И. Валлерстайн, модернизация как процесс развернулась в Европе благодаря сложившимся в XIV – XV вв. условиям, носящим не долгосрочный, а краткосрочный характер, то есть являющимися конъюнктурными в броделевском смысле термина [6, с. 27].

Настоящая статья начинает рассмотрение и систематизацию предпосылок модернизации согласно этим двум обозначенным подходам.

Сторонники цивилизационного подхода, решая вопрос о специфике европейской цивилизации, в большинстве своем отмечают значение античного наследия для вызревания предпосылок модернизации в традиционном обществе Западной Европы. Средневековая Европа, в отличие от «остального мира», была обладательницей классического античного наследия. Только в Западной Европе имел место синтез, т.е. прямое взаимодействие римских и варварских (германских, кельтских и др.) начал. Западная Европа испытала на себе сильное воздействие поздне-римского общества – с развитыми государствен-

ными, правовыми структурами, отношениями неравенства, наличием рабства, с высокоразвитой культурой. Синтез ускорил становление новых общественных отношений и государств средневековой Западной Европы и сообщил ей исходную динамику, которая составила особую специфическую черту этого региона в масштабах всемирно-исторического процесса [8, с. 27-28]. Вероятно, процесс становления цивилизаций, как писал известный российский философ и политолог А.С. Панарин, в чем-то подчиняется общеэволюционным законам. В частности, скрещивание разнородных элементов, внутреннее разнообразие становится залогом повышенной жизнестойкости и адаптационности – способности приспособиться к изменениям среды [10, с. 126-127].

Когда говорят о генезисе западной цивилизации, подчеркивают взаимодействие трех разнообразных начал: греческого Логоса (интеллектуального начала, кристаллизовавшегося в противовес мифологическому), римского права и христианской духовности [10, с. 126; 7, с. 10].

Вышедший из средневековья новый Запад – наследник Римской империи сфокусировал свое сознание на решении главной задачи – как избежать участи старого Рима. Посредством соединения античного Логоса с христианским обетованием была обретена пассионарность нового типа, связанная с воодушевлением будущим. Западная цивилизация перешла к пассионарности обетования – освоила проективный тип культуры [10, с. 187].

Правда, отмечает российский философ, к тому времени как рухнул Рим под ударами варваров, Европа отнюдь не готова была развивать античную традицию. Понадобилась тысяча лет для того, чтобы умиротворенная и развившаяся Европа обратилась к античности, ища в её культуре настоящие образцы для подражания, а в её мудрости – ключ к решению своих насущных проблем. И эта попытка – а речь идет об эпохе Ренессанса – удалась на славу.

Вступив в диалог с античной цивилизацией, греческой и римской, средневековая Европа сумела неузнаваемо преобразить себя, буквально вытащив себя за волосы из традиционного застойного общества. Не будь этого обращения к античности, не было бы и европейского капитализма, и европейской демократии, и европейского научно-технического рывка [11, с. 184; 12].

Ренессанс, по мнению классика цивилизационного подхода А.Дж. Тойнби, есть одна из форм контактов цивилизаций. Но этот контакт осуществляется не в пространственном измерении, а во

временном. Контакт имел место между живой цивилизацией и призраком мертвой цивилизации или же ушедшей в прошлое фазой живой цивилизации [13, с. 490].

После установления значения античного наследия для развития европейской цивилизации с неизбежностью встал вопрос о её специфике с точки зрения соотношения в ней античного и германского (феодального) элементов. Какой её элемент античный или феодальный сыграл решающую роль в генезисе европейского капитализма? Античный – получаем ответ. В частности, Андерсон совершенно справедливо выступает категорически против расширительной интерпретации феодализма, в результате которой феодальными оказываются практически все докапиталистические общества. Феодализм для него – локально ограниченное явление, и в основе этой локальной ограниченности лежит тот факт, что средневековая Европа, в отличие от «остального мира», была обладательницей классического античного наследия. Сама Римская империя, считает Андерсон, не была способна породить капитализм – она была слишком сложным обществом для этого.

Её распад привел к возникновению более примитивного – феодального – строя, который, после длительного созревания высвободил элементы, приведшие к возникновению капитализма. Однако сам уникальный переход к капитализму был обусловлен взаимодействием античного и феодального начал. В этом Андерсон видит преимущество Европы над Японией, феодализм которой, по его логике, не обладая античным наследием, не смог породить сильный классический капитализм [6, с. 33].

Однако тезис о решаемом вкладе античности и античного наследия в генезис капитализма отдельные исследователи считают ошибочным и приводят ряд аргументов по этому поводу. По мнению А.И. Фурсова, никто из исследователей не прояснил статус античных элементов в средневековом обществе, не говоря уже об их роли в генезисе капитализма. В тех регионах Европы (Италия, юг Франции, Испания), где античное наследие было наиболее сильным, развитие капитализма столкнулось с наибольшими затруднениями, а в XVII–XVIII вв. восторжествовала рефеодализация. Рост средневековых городов VIII–XI вв., как показывают медиевисты, был обусловлен не античным городским, а развитием самого поздневарварского и раннефеодального общества. Преемственность между античностью и феодализмом как в социальной, так и религи-

озной сфере, включает Фурсов, была, но она носила негативный характер. Ясно одно: античные элементы не играли ни решающей, ни весьма значительной роли в возникновении капитализма. Были некоторые элементы античного наследия, но, во-первых, они были достаточно интегрированы в средневековое общество, во-вторых, далеко не все они способствовали развитию капитализма [6, с. 35].

И тем не менее преобладающей точкой зрения является положение о значительной роли наследия античности для развития западной цивилизации. А что касается Средневековья, то оно наилучшим образом проявило себя в качестве передатчика ценностей и достижений от прошлого мира будущей Европе [14, с. 21]. В том наследии, которое досталось людям средневековья от античности и во многих аспектах было основательно ими обновлено, наибольшее количество составляющих выделяет историк «школы «Анналов» Жак Ле Гофф.

От греков средневековье получило:

1) образ героя, который приобретает христианские черты и превращается в мученика и святого;

2) гуманизм, который тоже будет модифицирован христианством, – в результате в XII веке стали говорить о христианском понимании сократовского учения;

3) культовое здание, которое из храма превратится в церковь, – где-то возводили на месте разрушенных храмов, а где-то храмы приспособляли под новые нужды;

4) вино, которое через посредство римлян становится напитком аристократии и одним из Святых Даров христианской литургии.

Добавим в этот список:

5) понятие «город», полис (далекий предок средневекового города),

6) слово «демократия», которое получит новый смысл уже после Средневековья, и, само собой,

7) название «Европа» (специально о названии «Европа» см.: Ле Гофф Ж. Рождение Европы... С. 21–22.)

Римское наследие куда богаче греческого, поскольку средневековая Европа выросла непосредственно из Римской империи.

1) Первая и главная его часть – язык, основа культуры. Средневековая Европа писала и говорила на латыни, а когда латынь после X века вытеснит «вульгарные», то есть народные, языки, её прямыми наследниками станут языки романской группы: французский, итальянский, испанский и

португальский. Остальные территории Европы тем или иным образом тоже приобщатся к латинской культуре: её следы видны в университетах, в церковном обиходе, в теологии, в научном и философском лексиконе.

2) Люди Средневековья, воинственные, получили в наследство от римлян и военное искусство: учителем теории и практики военного дела для Средневековья стал Вегеций, создатель одного из трактатов по военному искусству, написанного около 400 года.

3) Кроме того, от римлян людям Средневековья достанется и архитектура – они откроют её для себя и станут развивать начиная приблизительно с тысячного года; от Рима идут каменное строительство, свод и архитектурные принципы, изложенные во влиятельнейшем трактате Витрувия.

4) Средневековье было эпохой интенсивного законотворчества, и в этом развитии юриспруденции, без сомнения, большую роль играло осмысление и возрождение римского права. В первом университете, созданном в XII веке в Болонье, преподавали главным образом право, и за ним закрепилась репутация цитадели европейского правоведения.

5) Классификация и практика свободных искусств в переложении римского христианского ритора V века Марциана Капеллы стали столпами средневекового образования. Свободные искусства разделились на два цикла: тривиум, или искусства речи (грамматика, риторика, диалектика), и квадриум, или искусство чисел (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). Предписанные святым Августином свободные искусства станут в XII–XIII веках основой университетского образования на подготовительном факультете, который называли ещё факультетом искусств.

6) Учитывая значение слов, идей, мировосприятия и воображения, Жак Ле Гофф замечает, что императора или особу, символизирующую собою высшую власть, в Европе станут называть так же, как именовали своих императоров римляне, – «цезарь» или «кесарь». Эта традиция именованья императоров сохранилась и в местных наречиях: например, Kaiser в немецком и позже «царь» у славянских народов (русских, сербов и болгар). От греков и римлян Европа унаследовала термин «тиран» для обозначения дурного властителя.

7) Необходимо упомянуть ещё одну традицию, которая в Средние века передавалась менее явным образом и порой неосознанно. Речь идет о трехфункциональной индоевропейской схеме структуры общества, получившей распро-

странение с очень давних времен. В соответствии с трехфункциональной схемой, правильно организованное общество включает священников (*oratores*, «молящиеся»), воинов (*bellatores*, «воюющие») и тружеников (*laboratores*, «работающие»).

8) И наконец, ещё одна важная часть наследия, полученного Европой, это библейская составляющая. Её передали людям Средневековья не евреи, от которых христиане всё больше и больше отдалялись, а первохристиане, и ветхозаветная традиция останется до конца Средних веков одним из ключевых и самых ярких мотивов не только в религии, но и во всей средневековой культуре. Можно сказать, что при посредничестве христианства Бог входит в европейскую историю и философию. (Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб.: «Александрия», 2007. С. 24–28.) [ТЕВ: 216]

9) Смешанное антично-христианское наследие, которое Средневековью и Европе оставили Отцы Церкви, перерабатывалось в период с V по VIII век в процессе трансформации римской культуры и её эволюции под влиянием потомков осевших на этой территории варваров. На ход событий повлияли несколько крупных фигур, которых называли «основоположниками Средневековья», основоположниками европейской культуры. Один

из них – Кассиодор (ок. 490–580). Он заложил основу интеллектуального воспитания варварских народов, организовав работу по переводу греческих текстов, а также переписыванию рукописей на латыни. Кассиодор первым стал рассматривать интеллектуальный труд как божественное служение. Вторая часть его главного произведения «Наставления в божественных и светских науках» – настоящая энциклопедия мирских наук, предназначенная для монахов. Энциклопедия станет в Средние века излюбленным жанром клириков и светских интеллектуалов, поскольку она резюмирует основы уже существующей культуры и позволяет двигаться дальше. Это – ещё один ключевой компонент наследия, тоже пришедшего из Греции, а потом переданного Средневековьем Европе, в которой с XVIII века и до сегодняшнего дня энциклопедия является основной формой распространения образования и культуры. (Ле Гофф Ж. ... С. 34-35.) [ТЕВ: 216]

Таким образом, подводя итог рассмотрению наследия античности как предпосылки модернизации европейского общества, у нас есть достаточные основания утверждать, что вклад античности в последующее развитие Европы весьма значителен и носит долгосрочный цивилизационный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. – 2003. № 2.
2. Модернизация России и Европа : сборник материалов. Т.1. – Ростов н/Д, 2005.
3. Лубский А.В. Модернизация: смена парадигм // Модернизация России и Европа : сборник материалов. Т. 1. – Ростов н/Д, 2005.
4. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. – М., 1998.
5. Новая история стран Европы и Америки. XVI–XIX века. В 3 ч. Ч. 1: учеб. для студентов вузов / [А.М. Родригес и др.]; под. ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. – М., 2005.
6. Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейская цивилизация: социогенетические интерпретации // Социологические исследования. – 1990. № 10.
7. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М., 1999.
8. История средних веков : учебник / под ред. С.П. Карпова. В 2 т. Т. 1. – М., 1998.
9. Меерсон Б.М., Прокудин Д.В. Введение в XX век. Что такое модернизация? // Знание – сила. 1994. № 7.
10. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.
11. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002.
12. Библер В.С. От «наукоучения» к логике культуры. – М., 1992.
13. Тойнби А.Дж. Постигание истории : пер. с англ. / сост. Огурцов А.П. ... – М.: Прогресс. 1996.
14. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб.: Александрия, 2007.

Summary

**THE HERITAGE OF ANTIQUITY AS A BACKGROUND
OF MODERNIZATION OF TRADITIONAL WEST EUROPE SOCIETY**

D.V. Kondratiev

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The role of heritage of antique civilization in a modernization process of traditional society of West Europe is given in the article, and concrete elements of antique culture, which determined the becoming of modernized West Europe society are also enumerated in a given article.

Key words: traditional society, antiquity, modernization, civilization, feudalism, capitalism.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ В США

Петрушенко А.Д.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Рассматриваются формы и методы осуществления государственной политики в отношении сельских районов в США, её новые направления и результаты в условиях современного экономического кризиса.

Ключевые слова: государство, кредитование, политика, программы, районы, сельские, финансирование.

Правительство США в течение более восьмидесяти лет осуществляет различные программы по развитию сельских зон, что обусловлено большой значимостью их для всей экономики. По признанию президента Б. Обамы, сельская Америка, представленная её населением, бизнесом и сообществами, имеет ключевое значение для обеспечения экономического здоровья и благосостояния нации, она снабжает страну дешёвым продовольствием, обладает конкурентоспособным производством и возможностями обеспечения энергетической безопасности [1]. В сельских районах проживает около 30% американцев, экономика этих районов является неотъемлемой частью общей экономической системы государства [2]. Во многих исследованиях американских учёных подчёркивается всеобъемлющая кооперация этих районов с национальной экономикой, а также наличие здесь острых проблем социально-экономического характера. Современные условия функционирования расположенных в них производств являются более сложными и разнообразными, чем это было раньше. Сельское хозяйство вовлекает в производство лишь небольшую часть сельских жителей, большинство их занято в местной промышленности, сфере услуг, оптовой и розничной торговле. Как отметил заместитель министра сельского хозяйства США Тонсагер во время дебатов в Конгрессе, сельская Америка открывает много возможностей для развития, но она сталкивается с нехваткой высокоскоростных информационных сетей, исходом населения в города, большой потребностью в рыночных инвестициях, хроническими проблемами в состоянии инфраструктуры [3]. Рабочая сила в сельских районах Америки стареет, а доходы, уровень общего и профессионального образования, состояние здоровья хуже, чем в городах.

По этим причинам государственные органы США уже многие годы активно занимаются реализацией программ подъёма экономики сельских районов. Непосредственное решение этих задач возложено на Министерство сельского хозяйства, Администрацию малого бизнеса, Министерство здравоохранения и социального обеспечения, Министерство внутренних дел, Министерство торговли, Министерство обороны, Агентство по защите окружающей среды и другие правительственные структуры. Однако исторически сложилось так, что наиболее крупным организатором и координатором работ по осуществлению программ развития сельских районов выступает Министерство сельского хозяйства.

Осуществление этих программ требует привлечения значительных ассигнований как в виде прямых субсидий государства, так и гарантирования им возврата кредитов, предоставленных частными банками. Например, к 2008 году на эти нужды в общей сложности было выделено около 390 млрд. долл., причём около 84% средств пошло на здравоохранение, социальное обеспечение, зарплату военнослужащих, военные закупки, почтовые услуги. Остальные 16% расходов были направлены на развитие транспортной инфраструктуры (25%), сельского хозяйства (15%), оказание социальных услуг и продовольственной помощи (17%), поддержание доходов (16%), образование (13%) [4].

В условиях глобального экономического кризиса макроэкономические проблемы поставили развитие производств, размещённых в сельской местности, в довольно сложное положение. Учитывая эти обстоятельства, законодательные и исполнительные органы США в течение 2009 – 2011 годов предприняли дополнительные усилия по ослаблению проблем сельских районов.

Согласно принятому в 2009 году «Закону о восстановлении американской жизни и реинвестициях», правительство приступило к осуществлению программ интенсификации развития сельских районов. Основная цель федеральной политики заключается в расширении возможностей развития национальной экономики за счёт оживления деловой активности и улучшения общих стандартов проживания в сельской местности.

Государственная политика развития сельских районов США осуществляется по четырём основным направлениям. Первое из них включает в себя создание новых промышленных предприятий, поддержку малого бизнеса в различных отраслях промышленности, стимулирование расширения производства электроэнергии на основе использования возобновляемых источников энергии, развитие сельского туризма и отдыха. Второе направление политики государства нацелено на укрепление инфраструктуры в сельских районах, которая, по мнению американских специалистов, является центральной для их процветания. Без дорог, мостов, объектов водоснабжения и телекоммуникации сельская Америка не может эффективно поставлять свои товары на рынки, интегрироваться с остальной экономикой. Третья стратегия федерального правительства ориентирована на укрепление сельского хозяйства, которое благодаря повышению цен на сельскохозяйственное сырьё на мировом рынке имеет в последние четыре года заметный рост прибыли, положительное сальдо внешнеторгового баланса и обеспечивает поступление в дефицитный бюджет налоговых платежей. Правительство США реализует меры, направленные на захват международных рынков сельскохозяйственных товаров, использование целевых программ поддержки фермерского сектора, который помогает решать проблемы выхода из затянувшегося общенационального экономического кризиса. Четвертая стратегия государственной политики преследует цель совершенствования подготовки рабочей силы и улучшения качества жизни в сельских районах, стимулирования притока инвестиций в образование и здравоохранение, сокращения разрыва в уровне образования сельского и городского населения, улучшения возможностей их трудоустройства и повышения доходов.

Начавшаяся со второй половины 20-го века диверсификация сельской экономики дала толчок расширению программ федерального правительства по развитию бизнеса. Наиболее активное участие в них принимают три правительственные структуры: Администрация малого бизнеса

(SBA), Администрация экономического развития (ADA) Министерства торговли и Управление сельского развития (ORD) Министерства сельского хозяйства (MCX). О масштабах финансирования ими развития сельских районов говорит тот факт, что в 2012 финансовом году запланировано обеспечить приток туда средств в размере 36 млрд. долл. [5].

Администрация малого бизнеса поддерживает развитие экономики сельских районов на протяжении более пятидесяти лет через программы кредитования и финансирования размещённых там производственных фирм. Программы открывают возможность кредитования под гарантию федерального правительства малых предприятий, которые не в состоянии взять кредиты у коммерческих банков на приобретение основных средств. Правительство гарантирует возврат коммерческим банкам выданных ссуд в размере до 85 процентов их объёма. В последнее время в сельские округа таких займов ежегодно поступало более 2 млрд. долл., что составило 12% от общего размера полученного кредита [6].

Администрация экономического развития Министерства торговли предоставляет кредитные и консультационные услуги по поддержке ослабленного бизнеса, помогает владельцам малых предприятий в финансировании оборотного капитала, экономическую помощь по адаптации предприятий, пострадавших от внезапного изменения экономической конъюнктуры. В 2008 финансовом году 69% своих средств она выделила для улучшения инфраструктуры и пополнения оборотных фондов предприятий в сельских районах.

В программах Управления сельского развития (ORD) MCX предусмотрено стимулирование экономической модернизации сельских общин на основе предоставления субсидий, а также облегчения доступа к коммерческому кредитованию частными банками под гарантию со стороны правительства возврата до 80% суммы полученного кредита. В 2008 году эти программы позволили выдать кредитов на сумму более 1,5 млрд. долл., из которых 1,4 млрд. долл. были инвестированы в промышленность. В 2011 году 36 сельских кооперативов и малых предприятий в 26 штатах и Округе Колумбия были отобраны на получение грантов на сумму в 7,9 млн. долл., чтобы помочь расширить бизнес, создать рабочие места и укрепить их потенциал для обслуживания сельских жителей и сообществ [7]. В рамках этой программы, осуществляемой совместно со Службой сельских кооперативов MCX США, гранты могут достигать 225 тыс. долл. Они также предназна-

ченны для колледжей, университетов и некоммерческих ассоциаций с целью создания исследовательских центров, которые призваны оказать содействие отдельным лицам или группам предпринимателей в учреждении, расширении сельских предприятий. При этом особое внимание уделяется поддержке кооперативов и предприятий с групповой формой собственности, являющихся более конкурентоспособными и устойчивыми к колебаниям экономической конъюнктуры. Гранты могут быть использованы также для проведения технико-экономического обоснования, разработки и внедрение бизнес-планов, оказания помощи предприятиям в освоении новых рынков для своих товаров и услуг. В 2010 г. правительство имело обязательство предоставить по каналам Управления сельского развития МСХ США гранты сельским районам на сумму 19,4 млрд. долл. [8]. За 2003–2010 финансовые годы по всем программам министерства сельского хозяйства на развитие сельских зон было направлено более 161 млрд. долл. [9]

В условиях современной рецессии МСХ США через Управление сельского развития (ORD) стремится облегчить приспособление экономики сельских районов к новой экономической обстановке и способствовать притоку в них долгосрочных инвестиций. Например, в 2010 году Управление сельского развития по программе «Бизнесе и промышленность» (B&I) обеспечило получение гарантированных правительством займов в размере 1,56 млрд. долл. Финансирование охватило 512 сельских проектов и способствовало созданию или сохранению в сельских районах примерно 33,7 тыс. рабочих мест. Причём, 36% средств были инвестированы в производственные проекты, которые, по мнению американских экспертов, помогли укрепить производственный сектор, успешнее бороться с кризисом [10]. В 2012 финансовом году намечено обеспечить с помощью государства получение сельскими предпринима-

телями кредитов в объёме 823 млн. долл., в том числе правительственных грантов на сумму 30 млн. долл. [1].

Признавая, что в сельской местности население страдает от более высокого уровня бедности и безработицы, Министерство сельского хозяйства и Администрация малого бизнеса в 2010 году объявили о своем намерении работать вместе, чтобы лучше координировать программы развития и увеличить число гарантированных правительством США кредитов небольшим предприятиям. Кроме того, в 2011 финансовом году они стали осуществлять совместную программу содействия развитию региональных инновационных кластеров с бюджетными обязательствами почти в 100 млн. долл. Администрация малого бизнеса будет использовать свои бюджетные ассигнования на распространение регионального планирования и предоставления грантов для поддержки создания малых региональных инновационных центров. Она также намерена способствовать участию малого бизнеса в региональных экономических кластерах путем выделения на конкурсной основе грантов для содействия координации ресурсов через бизнес-консультирование, обучение и наставничество.

Новые усилия правительства США по реализации положений «Закона о восстановлении американской жизни и реинвестициях» от 2009 года в условиях нового витка экономического кризиса способны ослабить наиболее острые проблемы развития сельских районов, активизировать деловую активность, снизить высокий уровень безработицы. Однако о кардинальном решении проблем развития сельских районов говорить не приходится, ибо предложенный механизм осуществления государственных программ, их финансового обеспечения основывается на преимущественно коммерческих принципах, действующих разрушительно на мелкотоварный сектор экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jobs and economic security for rural America. White House Rural Council. August 2011. - Washington : GPO, 2011, p. 1.
2. U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Population, p. 36. - URL <http://www.census.gov/compendia/statab/>
3. Agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies appropriations for 2012. Hearings before a subcommittee of the committee on appropriations for 2012. House of representatives. One hundred twelfth congress. First session. Subcommittee on agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies. Part 6, p 3. - Washington : GPO, 2011.
4. Executive office of the president. Council of economic advisers. Strengthening the rural economy, april 2010, p 14. http://www.usda.gov/documents/Rural_America_final.pdf (обращение 25.10.2011 г.).
5. Agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies appropriations for 2012. Hearings before a subcommittee of the committee on appropriations for 2012. House of representatives. One hundred twelfth

- congress. First session. Subcommittee on agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies. Part 6, p. 1. - Washington : GPO, 2011.
6. Executive office of the president. Council of economic advisers. Strengthening the rural economy, april 2010, p 16. http://www.usda.gov/documents/Rural_America_final.pdf (обращение 25.10.2011 г.).
 7. USDA Release No. 0463.11. (October 28,2011) Agriculture Secretary Vilsack Announces Funding To Improve Rural Housing. - <http://www.usda.gov/wps/portal/usda/usdahome?contentidonly=true&contentid=2011/10/0463.xml> (обращение 25.10.2011).
 8. USDA Rural Development. 2010 Progress Report. March 2011, p. 2. - <http://www.rurdev.usda.gov/supportdocuments/ProgReport2010.pdf> (обращение 25.10.2011).
 9. USDA Rural Development. 2010 Progress Report. March 2011, p.32. - <http://www.rurdev.usda.gov/supportdocuments/ProgReport2010.pdf> (обращение 25.10.2011).
 10. USDA Rural Development. 2010 Progress Report. March 2011, p. 4. - <http://www.rurdev.usda.gov/supportdocuments/ProgReport2010.pdf> (обращение 25.10.2011).
 11. Agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies appropriations for 2012. Hearings before a subcommittee of the committee on appropriations for 2012. House of representatives. One hundred twelfth congress. First session. Subcommittee on agriculture, rural development, food and drug administration, and related agencies. Part 6, p. 2. - Washington : GPO, 2011.

Summary

NEW DIRECTIONS OF THE STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE USA

A.D. Petrushenko

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The forms and methods of implementation of the state policy in respect of rural areas in the United States of America are considered in the article; the new directions and results in conditions of the current economic crisis are also examined in the article.

Key words: state, crediting, policy, programs, regions, rural, financing.

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

Югай Г.А.

Научный центр евразийских исследований РАЕН

Аннотация. В статье анализируются истоки и эволюция национального русского архетипа, рассматриваются такие понятия-антиподы, как альтруизм и ксенофобия, указываются возможные пути преодоления негативных тенденций в культурном развитии России.

Ключевые слова: архетип, альтруизм, эгоизм, ксенофобия, демократия, бескорыстие.

Введение. Ксенофобия – эгоистическое, прямолинейное и потому не демократическое мышление, отрицающее других. Имеются возможности её преодоления с помощью её антипода – альтруизма, уже не как прямолинейного, а кругового, признающего других, и потому демократического мышления.

Ксенофобия, насилие, терроризм и их не демократизм

Ксенофобия (от греч. ξένος – «чужой» и φόβος – «страх») – ненависть, нетерпимость, нелюбовь к другому является крайней формой и разновидностью индивидуализма и эгоизма. Её мышление направлено только на себя и потому является прямолинейным, одномерным и однонаправленным, эгоцентричным, т. е. без обратной связи. Поскольку для ксенофоба характерна эгоцентрическая сосредоточенность и проекция только на себя, он старается не замечать всего своего окружения. А если замечает, то стремится подчинить окружающих себя целиком и полностью своим интересам. И если это не удастся мирным путем, то ксенофоб прибегает к насилию, террору. И тогда насилие, террор и ксенофобия приобретает черты, имеющие чисто внешние сходства, а не внутренне родственные, где одно порождает другое, одно вытекает из другого. Насилие и террор являются производными от эгоизма ксенофобии.

Насилие не является формой нормального саморегулирования не только общества, но и индивидуального развития. Насилие – это патология, как в физическом, так и психологическом отношении. Не зря же говорят, что «не насилуй себя», т. е. сохрани себя в своем естественном, нормальном состоянии. Короче говоря, если норма – это здоровое состояние организма, то насилие – это болезнь, патологическое состояние. И его надо лечить. Это медицинские аспекты.

Имеются и кибернетические аспекты рассмотрения насилия в плане взаимодействия прямой и обратной связи. Как уже отмечалось выше, насилию присуща лишь прямолинейная связь, идущая только от себя. Потому насилие лишено обратной связи для себя. Его прямая, или прямолинейная, связь директивна, она безразлична к обратной связи, глуха к мнению других. Потому насилие недемократично. И в силу своей недемократичности насилие напрямую связано и с политологическими аспектами. Насилие, как явление, признающее только себя, не только эгоистично, но и антидемократично в силу стремления подчинить интересы большинства своим собственным, личным. Это вместо того, чтобы подчинить свои личные стремления и интересы интересам общественным. Можно отметить и морально-религиозный аспект – насилие и тем более, террор – это зло, за что «Бог тебя накажет».

Отмечая эгоизм, антигуманность и антидемократичность ксенофобии, переходим далее к проблемам антиксенофобии, как к способам преодоления самой ксенофобии – альтруизму.

Родословная альтруизма – демократизма и идей о нём

Альтруизм (от лат. alter – другой, фр. altruisme) – моральный принцип, выражающий готовность человека пожертвовать своими интересами ради интересов других людей, стремление бескорыстно служить другим. Противоположен эгоизму (от лат. ego – я) и предписывает подавлять его. Термин введен в теорию морали французским философом и социологом О. Контом, согласно которому следование принципу альтруизма – «живи для других» – позволит усовершенствовать общество в моральном отношении. Если ксенофобия выражает нелюбовь к другому, то альтруизм, наоборот, – любовь к другому и

взаимопомощь. В этом состоит суть того факта, что альтруизм и ксенофобия – антиподы, что преодолеть ксенофобию можно с помощью альтруизма.

Идея альтруизма была выражена уже в древневосточных нравственных учениях, особенно в буддизме, и в других восточных языческих религиях, в том числе и русской, а также в христианстве («возлюби ближнего своего как самого себя»). В Новое время в Европе представления об альтруизме развивались английским философом – моралистом А. Шефтсбери, в этических учениях Ф. Хатчесона, А. Смита, Г. Спенсера, Ж.Ж. Руссо и др. В конце XIX – начале XX в. в русской философской мысли (К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев) звучала критика альтруизма в контексте критики буржуазно-демократической морали. В этике П.А. Кропоткина важным фактором эволюции является взаимная помощь, а альтруизм, способствующий, как и другие нравственные чувства, самосохранению, носит досоциальный, биологический характер. Альтруизм в буржуазном обществе трактовался также как частная благотворительность – филантропия.

В эволюционной этике представления об альтруизме развиваются на основе положения о биологической обусловленности морали. В социобиологии (Э.О. Уильсон, М. Рьюз и др.) утверждается, что люди наследуют склонность к альтруизму и эгоизму по биологической линии. Альтруизм – это в известной мере саморазрушительное поведение, осуществляемое ради пользы других, жертвуя собой. Существует неосознанный альтруизм, за который не ожидают награды (эта форма доминирует у всех живых существ), и осознанный, при котором ожидают ответных благ для себя, что типично только для человека. Утверждается, что альтруистическое поведение с эволюционной точки зрения дает больше возможностей для выживания (У.Д. Гамильтон). Популяции, в которых индивиды проявляют самопожертвование более жизнеспособны, чем те, в которых индивиды заботятся лишь о собственном благополучии.

Альтруизм, основанный на подчинении своих интересов интересам других, следует отличать от коллективизма и солидарности, подразумевающих, что человек в своей общественнополезной деятельности нацелен на достижение общественного блага. Альтруизм может проявляться как в отдельных действиях человека в определенных ситуациях, как и быть осознанной ценностной установкой личности, определяющей её поведение в целом, характер взаимоотношений с

другими людьми. В последнем случае альтруизм становится смыслом жизни личности. Альтруизм может выступать и в таких формах, как «всепрощение» (доходящее иногда до полного морального безразличия) или слепая жертвенность (в своих крайних проявлениях оборачивающаяся фанатизмом). В целом же альтруизм играет важную роль как социально-психологическое выражение гуманности и демократизма.

Наиболее значительную разработку проблемы альтруизма получили в России и представлены они были в трудах следующих ученых: 1) одного из видных теоретиков анархизма, ученого-географа, князя П.А. Кропоткина; 2) выдающегося русского философа Н.А. Бердяева; 3) ученого-биолога Эфроимсона. Переходим к освещению содержания их трудов по проблематике альтруизма.

Этика альтруизма П.А. Кропоткина. По своему содержанию труды по альтруизму П.А. Кропоткина подразделяются на две части: онтологию и гносеологию. Если «Взаимопомощь как фактор эволюции» является преимущественно онтологической, то «Этика» – преимущественно гносеологической. Анализ его трудов начнем с онтологии альтруизма, которая, однако, не лишена и крайностей преувеличения фактов альтруизма в живой природе. Тем не менее, в силу значимости его концепции альтруизма, по возможности, постараемся точнее воспроизвести соответствующие места из его работ:

«Первое, что наши дети узнают из зоологии, это рассказы про хищников – львов и тигров. Что они представляют громаднейшее сборище животных родов и племен: обезьянье племя, столь близкое к человеку, вечно рыщущее волчье племя, всезнающее, болтливое птичье племя, вечно работающее племя муравьев и т.д. Для них животные были продолжением, распространением их собственного племени, только они были гораздо более мудры, чем люди. Первым зачатком общения в природе должно было быть то, что живое существо и его племя не отделены друг от друга. Мы можем их отделять, но они не могли. Сомнительно даже, чтобы они могли представлять жизнь иначе как среди рода или племени...

Среди своих ближайших сородичей – обезьян – человек видел сотни видов, живших большими обществами, где все члены каждого общества были тесно соединены между собой. Он видел, как обезьяны поддерживают друг друга, когда идут на фуражировку, как осторожно они переходят с места на место, как они соединяются против общих врагов, как они оказывают

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

друг другу мелкие услуги, вытаскивая, например, шипы и колючки, шерсть товарища, как они тесно скучиваются в холодную погоду и т.д. Конечно, обезьяны часто ссорятся между собой, но в их ссорах было больше шума, чем повреждения. А по вечерам в минуту опасности, они проявляли поразительное чувство взаимной привязанности, не говоря уже о привязанности матерей к своим детям и старых самцов к своей группе. Общительность была, таким образом, отличительной чертой у всего племени обезьян, если теперь есть два необщественных вида больших обезьян – горилла и орангутанг, живущие лишь малыми семьями, то тот самый факт, что эти два вида занимают очень малую территорию, показывает, что они – вымирающие виды, может быть, потому вымирающие, что человек ввел против них ожесточенную войну, как против видов слишком близких к человеку.

Первобытный дикарь видел и знал далее, что даже среди хищных животных есть один всеобщий закон: они никогда не убивают друг друга.

Некоторые из них очень общительные – так ково все собачье племя: шакалы, дикие собаки Индии, и гиены. Другие живут небольшими семействами, и даже и из них наиболее умные, как львы и леопарды, собираются на охоту, подобно племенам собак. Что же до тех немногих, которые живут – теперь по крайней мере – совершенно порознь, как тигры, или небольшими семьями, то они держатся того же правила: не убивают друг друга. Даже теперь, когда уже более нет бесчисленных стад, некогда населявших луговые степи, тигры вынуждены кормиться ручными стадами человека, живут поэтому поблизости от деревень, даже теперь мы знаем от крестьян в Индии, что тигры держатся каждый своего владения, не ведя между собой междоусобных войн. При этом оказывается весьма вероятным, что даже те немногие виды, в которых особи живут теперь в одиночку, как тигры, мелкие породы кошек (почти все они – ночные животные), медведи, семейство куниц, лисицы, ежи и некоторые другие, – даже эти виды не всегда вели одинокую жизнь. Для некоторых из них (лисицы, медведи) я нашел положительные свидетельства, что они оставались общественными, покуда не началось их истребление человеком, а иные и по сию пору живут обществами в незаселенных пустынях; так что мы имеем полное основание думать, что почти все они некогда жили обществами. Но если бы даже всегда существовало несколько необщительных видов, то мы можем положительно утверждать, что такие виды были исключением из общего правила.

Урок природы был, следовательно, то, что даже самые сильные звери вынуждены жить сообща. Те же, кому хоть раз в жизни приходилось увидеть нападение, например диких индийских собак на крупных сильных хищников, конечно, раз и навсегда понимали силу родового союза, и то доверие к своим силам и храбрости, которые союз внушает каждой особи.

В степях и лесах наши первобытные люди видели миллионы животных, собиравшихся в громадные общества – племена и роды. Бесчисленные стада косуль, полярных оленей, антилоп, громаднейшие стада буйволов, и бесчисленные косяки диких лошадей, ослов, квагг, зебр и т.д. передвигались по беспредельным степям и сплошь да рядом паслись сообща, как еще недавно это видели путешественники в средней Африке, где жирафы, газели и антилопы паслись бок о бок. Даже на сухих плоскогорьях Азии и Америки были стада лам или диких верблюдов, а в горах Тибета ютились сообща целые роды черных медведей. И когда человек ближе знакомился с жизнью этих животных, он скоро узнавал, как тесно соединены они между собой. Даже тогда, когда они, по-видимому, всецело были заняты кормлением, и казалось, не обращали никакого внимания на то, что делалось вокруг, они зорко наблюдали друг за другом, всегда готовые объединиться в каком-нибудь общем действии. Человек видел также, что во всем оленьем и козьем племени, пасутся ли они или развлекаются играми, у них всегда есть часовые, которые ни на минуту не дремлют и моментально подают сигнал при приближении опасного хищника. Он знал также, как в случае внезапного нападения самцы и самки смыкаются в круг, загнав во внутрь его всю молодежь и как они встречают врага лицом к лицу, подвергаясь опасности быть растерзанными, но спасая свое еще незащищенное потомство. Он знал, что той же тактики держатся стада животных при отступлении.

Первобытный человек знал все это – все то, чего не знаем мы и что мы так охотно забываем; и он рассказывал об этих подвигах животных в своих сказках, украшая смелость и самопожертвование их своею первобытной поэзией и подражая им в своих религиозных обрядах, неправильно называемых теперь танцами. Для первобытных людей все животные – звери, птицы и рыбы – находятся в постоянном общении между собой. Они предостерегают друг друга едва заметными знаками или звуками; они осведомляют друг друга об всякого рода событиях и таким образом составляют одно громадное сообщество, имеющее свои

обычаи учтвого общения и доброго соседства. Даже до сего дня глубокие следы такого понимания жизни животных сохранились в сказках и пословицах всех народов».¹

Это об онтологии альтруизма (взаимопомощи) в биологическом мире. Переходим теперь к этико-гносеологическим выводам из той же онтологии П.А. Кропоткина, прекрасное освещение которых содержится в предисловии Ю.В. Гридчина «Этика человечности» к книге Кропоткина «Этика». Марксистская концепция борьбы классов не вызвала сочувствия у Кропоткина. Но она является своеобразной проблемой этики, и главное из них – необходимость ответить на вопрос: куда ведет человечество нравственное чувство – к вырождению человеческого рода, и господству слабых или к позитивным желательным последствиям?

Впервые идея пересмотра понятия борьбы за существование возникла у Кропоткина во время его пребывания во французской тюрьме Клерво, а теоретической отправной точкой стало знакомство с лекцией русского зоолога немецкого происхождения К.Ф. Кеслера, который тот прочел на съезде русских естествоиспытателей в 1880 году. В ней Кеслер отмечал, что «взаимная помощь – такой же естественный закон, как и взаимная борьба: но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее второй».

Вплотную этой темой Кропоткин занялся уже после своего освобождения из тюрьмы в 1886 году. Им была написана целая серия работ, которые впоследствии составили книгу «Взаимопомощь как фактор эволюции». В ней Кропоткин развивал и обосновывал фундаментальную для своей социологии и этики категорию взаимопомощи. Подтверждение своим идеям нашел и у самого Ч. Дарвина в работе «Происхождение человека».

Взаимопомощь, как инстинкт общительности, возникла, по мнению Кропоткина, естественным путем из опыта жизни общественных животных и человека. Этот инстинкт не отменяет закона борьбы за существование, но позволяет понять ее в более широком и глубоком смысле; не отрицая межвидовой борьбы, он помогает животным внутри вида, используя взаимную поддержку в борьбу с неблагоприятными обстоятельствами жизни и борьбе с внешними врагами, достигать более ощутимых результатов в развитии вида. Одновременно, считал П.А. Кропоткин, взаимопомощь содействовала смягчению внутривидовой борьбы, в выработке привычек, нравов, обычаев и традиции, которые – особенно человеку – по-

зволяли создавать различные формы общежития, соответствующие месту, роду занятий и историческому времени. К таким прогрессивным формам эволюции человеческого общежития он относил род, общину, средневековые цехи, гильдии и вольные города, а в более позднее время – различные страховые, научные, культурные сообщества, кооперацию и, естественно, будущее общества – коммуны.

Принцип общительности, или как его называл Кропоткин «закон взаимопомощи», выработанный в ходе эволюции природы, стал основой проявления таких зачатков нравственности, как чувство долга, сострадания, уважения к соплеменнику и даже самопожертвования. Этот закон он считал первым понятием этики... Вторым основным понятием этики он считал справедливость... Третьим основным понятием этики он считал самопожертвование. Резюмируя вкратце этические взгляды Кропоткина, можно подчеркнуть, что суть инстинкта общительности, принципа взаимопомощи, лежавшего в основе нравственности, заключается в следующем: человек «считает добром то, что полезно обществу, в котором он живет, и злом то, что вредно этому обществу. «Этика П.А. Кропоткина, – подчёркивает Ю.В. Гридчин, – это этика консолидации общества, гармонизации личного и общественного интересов, этика, позволяющая индивиду максимально полно реализовать свой потенциал. Она лишена нормативных требований и санкций, а просто говорит человеку, что общество и его нравственность суть продукты эволюции природы и самого человека, и что соблюдение этой нравственности, действия в соответствии с ней есть не что иное, как следование своей собственной человеческой природе, законам ее прогрессивного развития. Нравственность возникла из практики взаимосвязи и солидарной деятельности людей, и ее основное предназначение – развивать и совершенствовать эту человеческую солидарность».²

3. Виды и формы альтруизма: парадигма и архетип, демократизм и сверх(над)демократизм - Богочеловечество

Существуют два основных вида альтруизма: 1) альтруистический эгоизм – как преимущественно должное и парадигма – образец, идеал, норма и 2) психологический альтруизм – как сущее, как вполне практически осуществляемое явление. Приступим к анализу каждого из них.

Для альтруистического эгоизма характерно полное тождество альтруизма и эгоизма, отме-

¹ Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 59–62.

² Там же. С. 19.

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

ченное П.А. Кропоткиным: «Вообще моралисты, строящие свои системы на мнимом противоречии чувств эгоистических и альтруистических, идут по ложному пути. Если бы это противоречие существовало в действительности, если бы благо индивида было противоположно благу общества, человеческий род не мог бы существовать... Никогда, ни в какую эпоху истории... благо индивида не было и не могло быть противоположно благу общества. Во все времена они оставались тождественны, и те, которые лучше других это понимали, всегда жили наиболее полной жизнью. Вот почему различие между эгоизмом и альтруизмом, на наш взгляд, не имеет смысла».¹

Изложенная Кропоткиным суть концепции альтруистического эгоизма, лишенная каких-либо противоречий между альтруизмом и эгоизмом, конечно, содержит абсолютизацию и идеализацию гармонии, тождества альтруизма и эгоизма. Тем не менее, в таком виде альтруистический эгоизм предписывает, каким образом должны действовать индивиды: они должны действовать, не учитывая своих личных интересов. Это – парадигма, утверждающая идеал тождества альтруизма и эгоизма, образец и норму общественного развития, считает, что если бы каждый индивид действовал, не учитывая своих личных интересов, то жизнь индивидов и общества в целом действительно стала бы моральнее и лучше. Но на практике такое возможно при истинном, настоящем, а не в псевдосоциализме и псевдокоммунизме, какой был в СССР, коммунистическом обществе, не важно – при первобытном или постсоциалистическом. Это сверх(над)демократия или ноосферно-божественная демократия, осуществляемая с помощью архетипа – альтруизма «на пути к Богу».

Потому на практике больше получается отклонение от этой парадигмы – нормы, образца, идеала общественного развития. И здесь проявляется второй, другой вид альтруизма – психологический альтруизм. В отличие от альтруистического альтруизма, он более реалистичен, хотя бы потому, что допускается или имеет место отклонение от парадигмы – нормы общественного развития. Тем не менее, это оказывается более облегченным и упрощенным вариантом общественного развития. И здесь мы переходим к вопросу о трех формах психологического альтруизма, которые носят демократический характер. Речь пойдет о народном демократизме, буржуазном демократизме в морали и сверх(над)демократизме – ноосферно-божественном («на пути к Богу»).

Но начнем с альтруизма, как учения буржуазно-демократической морали, изложенного в следующем суждении Н.А. Бердяева: «Аристократическая (в метафизическом, а не социальном смысле слова) мораль есть мораль ценности, качества, индивидуальности, творчества. Всякое понижение ценности, качества, индивидуальности, творчества во имя среднеобщего, количественного, во имя благополучия, устройства и распределения есть грех перед богом и перед божественным в человеке. Христианская всенародность, христианский универсализм ничего общего не может иметь с демократическим понижением ценностей и качеств, буржуазным пожертвованием творчеством во имя благоустройства. Христианство – аристократично, иерархично, оно обращено к ценности, к качеству, к индивидуальности. И вместе с тем, христианство всенародно – универсально, оно есть спасение всего мира, всех и вся до последней былинки, оно всех призывает на мессианский пир. Христианство признает абсолютную ценность всякого человеческого лица, но это признание ничего общего не имеет с демократической механикой количеств. И поистине грядущее в мире творческая мораль, знаменующая великую моральную революцию, – не демократическая, а аристократическая мораль, ибо творчество все в качестве, а не в количестве, в ценности, а не благополучии, в индивидуальном, а не в среднеобщем, в восхождении, а не в распределении, в организме, а не в механизме. А аристократизм – морально революционен, демократизм морально консервативен. Рыцарская мораль аристократизма не может никого угнетать и поработать – она есть мировое служение, всегда жертвенное. Рыцарь жертвует собой и своим благом, но никогда не жертвует ценностью, абсолютно верен ценности».

Тем не менее, «не только утилитаризм, но и альтруизм есть учение буржуазно-демократической морали, серединно-общей морали благополучия, морали количеств. Альтруизм выдумал буржуазно-демократический 19 век и хотел поменять им христианскую любовь. Об альтруизме говорят, когда охладела и омертвела любовь. Любовь есть творчество нового общения, общения в духе. Любовь органически соединяет, качественно насыщает. Любовь есть выход из «мира сего», из тяжести, скованности и разорванности мира в мир иной, мир свободы и соединенности. Альтруизм весь в тяжести, скованности и разорванности «мира сего», в нем нет нового общения, нет качества, нет индивидуальности. Альтруизм хочет установить механику средне-общего едине-

¹ Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 314–315.

ния людей. Альтруизм подчиняет ценность благополучию людей. Альтруизм – слишком человеческий, в нем нет ничего божественного, никакой сверхчеловеческой ценности. Сверхчеловеческая ценность, на которой покоится всякая подлинно-аристократическая, благородная мораль, лежит по ту сторону вульгарного противоположения альтруизма и эгоизма. Мораль христианская тоже лежит по ту сторону противоположения альтруизма и эгоизма. Ибо даже отношения людей она выводит из отношения человека к богу: не во имя свое, и не во имя другого, а во имя бога и божественной ценности. Человек – боль и стыд, человек должен быть преодолен, всякий человек – и я и ты. Откровение о человеке будет преодолением человека как высшей гуманистической ценности, будет откровением божественного человека. Великим падением христианского сознания была попытка придать христианству характер альтруистический, утилитарный. По истине, всякий альтруизм есть в существе своем замаскированный утилитаризм. Он есть религия человеческого благополучия. Альтруизм – все та же буржуазная мораль, мораль буржуазных ценностей. Альтруизм только переносит буржуазные ценности с «Я» на «Ты», он всегда хочет для других буржуазного благополучия, а тем украдкой хочет и для «Я» воспользоваться буржуазным благополучием. Христианство и для «Я», и для «Ты» одинаково признает и другие, не буржуазные ценности. Ведь с мировой точки зрения всякое «Ты» есть лишь замаскированное «Я». И то, что для «Ты» признается ценным, то оказывается ценным и для «Я». Если для «другого» признается ценным богатство и благополучие, то богатство и благополучие признается ценным и для «себя». В альтруизме нет еще выхода из буржуазных ценностей, из «мира сего». Альтруизм глубоко противоположен всякому творчеству, он пытается создать моральную задержку творчеству. Морали альтруизма противоположна мораль творческого повышения качеств жизни. Утилитарно-альтруистическая мораль не допускает восхождение человека, слишком большого повышения качеств и ценностей индивидуальности, как греха против «других». Она требует уравнивания качеств в количествах. Это мораль механического равенства, обезличивание и обесценивание, мораль плоскостная. Для христианства важно не «Я» и не «Ты», не их уравнивание, а божественная ценность и божественная правда, превышающая и «меня», и «другого». На альтруизме лежит печать духовного плебейства, это идеология ложной, механической демократии. Ценность индивидуальности, раскрыва-

ющаяся в христианстве во всей ее интимности и безмерности, окончательно тонет и гибнет в альтруистически-демократической морали. Мистика жертвенности не ведома этой морали, и вот она требует жертвы качества количеству, индивидуального средне-общему, ценности благополучию, т.е. того, что от мира иного, тому, что от мира сего. Творческая мораль революционно сметет мораль альтруистически-демократическую, т.е. переоценит ценности. В христианском сознании бесконечная ценность индивидуальности соединяется с моральным космизмом и универсализмом. Поразительно, что именно альтруистической морали чужд всякий космизм и универсализм, непонятна связь человека с космосом. Альтруизм весь погружен в человеческое, оторванное от космического, непонятно и чужда ему забота о космической гармонии, а не только об Иване и Петре. В демократическом альтруизме есть неприятное самодовольство человеческой ограниченности. Альтруистически-демократическая идеология знает индивидуализм, знает серединную общность, но не знает индивидуальности, не знает космоса. Только космическая мораль, всегда ведающая место индивидуальности в мировой иерархии, предотвращает ту гибель личности в индивидуализме, которую так гениально раскрыл Ибсен в «Пере Гюнте». Творческая мораль индивидуальна и космична, в ней творческая энергия индивидуальности переливается в космос, и космос наполняет собой индивидуальность. В творческой морали личное переживается, как мировое, и мировое, как личное. Для нее перестает быть интересным банальный и элементарный вопрос об эгоизме и альтруизме. Есть божественная правда не только любви к другому, но и в любви к себе. Христос заповедал любить ближнего, как самого себя, т.е. и самого себя любить, как образ и подобие божие. Божественная любовь к себе не имеет ничего общего с эгоизмом. Эгоисты могут относиться к себе с отвращением. Не любовь к себе есть источник подпольности, большого самолюбия, зависти, не благородства. Творческая мораль есть мораль призвания, она утверждает нравственный смысл признания, она знает лишь неповторимые индивидуальные пути. От индивидуальности и индивидуального пути нельзя отказаться, потому что и всякий отказ от индивидуального пути, всякая отрешенность от индивидуальности глубоко индивидуальна. И трудно сравнивать людей в моральном отношении. Ибо никто не знает, сколько кому что стоит. Моральная задача каждого – неповторимо индивидуальная. И потому задача моральной оценки есть задача

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

интуитивного вникновения в тайну индивидуальности, а не количественной моральной механики. Потому и сказано: не судите»¹.

Не судить, а рассуждать можно по поводу изложенного. И притом в несколько даже критическом плане. В нижеследующем изложении попытаемся это осуществить в сравнительном плане взглядов Н.А. Бердяева по альтруизму с более широким подходом к проблематике, который содержится в русском архетипе культуры альтруизма.

4. Русский архетип культуры альтруизма и древнеславянские истоки

Великой русской культуры.

(интервью, где вопросы задает А.В. Симоненко, а Г.А. Югай отвечает)

Вопрос: В чём состоит суть величия русской культуры?

Ответ: Парадигмальные итоги пика, или вершины, достижения величия русской культуры были подведены еще в XIX веке устами великих русских писателей – Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Достоевский в своей пушкинской речи говорил о двух парадигмах: широте и глубине русской культуры. Широту ее он обозначил как «всемирную отзывчивость», а глубину – как «бездну», т. е. без дна. С особой силой оба эти качества русского духа были выражены в творчестве А.С. Пушкина. В более конкретном плане речь идет о русской духовной культуре в пушкинском выражении: «Там русский дух, там Русью пахнет!» Третью парадигму – черту величия русской культуры выразил И.С. Тургенев в своем восторженном признании: «О, великий, могучий русский язык!».

Вопрос: «Итоги пика, или вершины, достижения величия русской культуры», достигнутые в XIX веке, понятны. Но причём тут ещё «парадигма»? Что она обозначает?

Ответ: Парадигма обозначает образец, пример, или эталон, нормального развития. И у каждой национальной культуры или цивилизации, тем более, великой, имеются свои эталонные вершины, образцы или примеры нормального развития. Например, в великой китайской культуре и цивилизации они получили обозначение, или выражение, в понятии Дао – Путь, Судьба, Первопорядок, Учение, Единое. Дао – категория китайской философии, всеобщий образ китайского типа мышления.

Вопрос: И когда, на каком этапе формируется этот образец, эталон или парадигма нормального

развития – в начале, середине или в конце процесса развития?

Ответ: Он формируется и присутствует от начала и до конца любого органического процесса развития. Он формируется как архетип, т. е. как первоначало, первообраз явления, в котором, как в генотипе, закодирована наследственная программа развития всего вида. Это как клетка – начало и конец живого – многоклеточного организма. Это как товар – начало и конец капитализма. Это как условный рефлекс – начало и конец высшей нервной деятельности и т. д.

Вопрос: Дао – это архетип и парадигма великой китайской культуры и цивилизации. А что в России выступает в роли архетипа и парадигмы нормального, а не кризисного развития? Не секрет, что история России изобилует кризисами и революциями. Возможно, это потому, что в России до сих нет правильного понимания проблем архетипа и парадигмы своей национальной истории и цивилизации?

Ответ: Первое – архетип и парадигму (образец нормального развития) нужно искать на начальной стадии истории России – в древнеславянской истории. А это возможно при ретроспективном подходе от XIX века к древнеславянской истории Руси. Второе – нащупав и определив архетип и парадигму нормального развития России на начальной стадии – в древнеславянской истории России, нужно пройти путь построения теории истории России от этого начала, клетки познания истории к более сложным образованиям исторического процесса. Это совпадает с методом восхождения от абстрактного к конкретному в историческом познании. В этом состоит значимость изучения истории России с самого её начала, с её архетипа. Третье – это ответ на ваш вопрос, почему в России до сих пор нет правильного понимания своего национального архетипа или парадигмы нормы истории.

По этому вопросу нужны особая сосредоточенность внимания и особое обсуждение, ибо ответ на вопрос об отсутствии в России архетипа культуры может быть двояким: и да, и нет, т. е. и положительным, и отрицательным. Положительным потому, что фактически в «Книге Велеса» – Священном Писании древних славян IX века, вырезанном на буковых дощечках новгородскими жрецами и посвященном Богу Велесу, содержится суть проблематики архетипа и парадигмы. Но, с другой стороны, ответ может быть и отрицательным, потому что ни в тексте «Книги Велеса», ни в прекрасных комментариях к ней А. Асова нет осознанного отношения к обозначен-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества, М., 1989. С. 473–476.

ной нами проблематике архетипа и парадигмы нормального развития России.

Ничего удивительного здесь нет, ибо всему есть свое время. И как ещё говорят, надо дать фруктовому плоду возможность созреть с тем, чтобы ему самому упасть с дерева. Здесь опять уместна аналогия с Китаем, история государственного образования которого начинается в 14-ом веке до н.э., а формулировка Дао – архетипа и парадигмы китайской культуры и цивилизации дана в течение VI – IV вв. до н.э. Т.е. Китаю потребовалось целых 10 веков для сформулирования идей архетипа и парадигмы своего нормального социального развития. И центральной среди них оказались идея гармонии, гармонизации противоположностей материальных и духовных процессов, которая в то же время составляет и золотую середину истины китайской культуры, и её суть.

В России концентрированное свое воплощение и выражение подобная идея нашла в древнеславянском духовном явлении альтруизма (от франц. *altruisme*, – от лат. *alter* – другой), а по-русски – бескорыстие, бескорыстная забота о благе других. Моральный принцип, выражающий готовность человека пожертвовать своими интересами ради интересов других людей, стремление бескорыстно служить другим. Альтруизм противоположен эгоизму.

Вопрос: В чем заключается актуальность и значимость в наши дни, как древнекитайского Дао, так и древнеславянского альтруизма (бескорыстия), т. е. зачем они нужны сейчас?

Ответ: Их актуальность и значимость в наши дни огромны по основному социальному параметру – саморегуляции и обеспечения нормальной жизни общества. Во-первых, например, древние китайцы неоднократно испытывали великие социальные потрясения, нарушения установленного порядка и они каждый раз возбуждали в народе желание возвратиться как можно скорее к спокойной и счастливой старине, восстановить все, как было раньше. Ответом на подобные чаяния народа по восстановлению, возрождению старины в области мысли, знания и самоидентификации народа было появление духовного архетипа – Дао, как свода моральных принципов саморегуляции жизни общества. Во-вторых, аналогичные функции саморегуляции жизни общества в России выполнял такой вид альтруизма (бескорыстия), как нестяжательство.

Огромную социальную значимость и мощную моральную силу нестяжательства Россия испытала на себе в связи с великим, выдающимся историческим событием или фактом, что страна

сумела перескочить целую общественно-экономическую формацию – рабовладельческий строй. Это благодаря тому, что Русь была Святой. И основная черта Святой Руси – нестяжательство, которое явилось в то время огромной движущей силой развития страны. В-третьих, нарушение общественной гармонии моральной силы нестяжательства (альтруизма) послужило причиной падения Святой Руси, длившегося с самого начала XVI века и до его завершения в XVII в связи с прозападными Петровскими реформами, которые ознаменовали в России торжество стяжательства над нестяжательством.

Вопрос: Можно сказать, что причиной падения нестяжательства в России является не принятие христианства (православия), а она кроется в чем-то другом факторе?

Ответ: Конечно, православие в России в целом положительно восприняло дохристианский, языческий моральный принцип нестяжательства и даже несколько видоизменило его и потому нестяжательство успешно продолжало традиции русского архетипа альтруизма вплоть до конца XV века. После этого периода борьба между сторонниками нестяжательства и стяжательства в истории России продолжалась с переменным успехом. Даже если в материальной сфере жизни преобладающей была тенденция стяжательства, то в духовной сфере, например, в действиях меценатов, в сфере их благотворительной деятельности проявлялось нестяжательство – альтруизм (бескорыстие). А в царской России меценатская деятельность носила массовый характер среди олигархов. На этом фоне действия абсолютного большинства нынешних российских олигархов, держащих свои ценности и активы за рубежом, демонстрируют отсутствие у них чувства патриотизма и высокую степень стяжательства. Недаром говорят, что нынешняя Москва стала сытой, обожралась и становится все более коррумпированной и космополитичной.

Как отмечалось уже, высшего пика своего развития культура русского архетипа альтруизма (бескорыстия) достигла в русской литературе XIX века и охарактеризовалась следующими чертами: широта (всемирная отзывчивость), глубина (бездна) и великий, могучий русский язык. Следующий, XX век в истории России, по идее, век коммунизма, когда культура русского архетипа альтруизма (бескорыстия), казалось бы, должна была бы достигнуть ещё более высшего своего апогея. Но этого не случилось из-за краха социализма-коммунизма XX века в России. Но причина краха социалистической культуры и архетипа

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

альтруизма не столько социально-политическая, сколько религиозная, ибо нарушен был важнейший момент древнеславянского архетипа – альтруизма (бескорыстия).

Этот важнейший и даже основной момент древнеславянского архетипа – альтруизма (бескорыстия) зафиксирован был в «Книге Велеса» следующим образом: «Это Путь к Богу». Однако советский диалектический и исторический материализм и атеизм отвергли подлинный – религиозный смысл жизни человека и человечества, его истории и цивилизации – Путь к Богу. А Путь к Богу – не только смысл жизни. Он в то же время – идеал и идеология всего общественного развития. А как обстоит дело в этой части в нынешней постсоветской России? Не секрет, что в сегодняшней России по части поисков государственно-национальной идеологии царит полнейший хаос и запустение. А между тем в «Книге Велеса» сказано: «Куда мы идем? Откуда пришли? В чем смысл нашего пути? Забвение смысла сего пути, забвение деяний и заветов пращуров, Завета Всевышнего является тягчайшим грехом, грозящим самому существованию славянских родов».

Вот в этом и состоит актуальность и значимость культуры древнеславянского русского архетипа – парадигмы нормального социального развития. Он призывает и заставляет социум сверять каждый свой шаг с нормой, заложенной, закодированной, как в генотипе, в архетипе самого социума, т.е. с заранее заданной программой своего развития. Тем более, что в роли программиста выступает и Бог, во-первых, как Верховное существо, во-вторых, и земные языческие Боги в виде сакрализованных, освященных объектов природы. Во всяком случае, путь духовно-нравственного развития социума целиком и полностью программируется Богами и кодируется в древних архетипах культуры. И эта программа является нормой, а любое отклонение от этой нормы ведет к патологии и социальным болезням – кризисам и катастрофам разного рода калибра-масштаба.

В России сегодня тягчайшим грехом, злом и болезнью общества является коррупция как антипод альтруизма (бескорыстия). Оба слова: «коррупция» и «бескорыстие» – антиподы по своему смысловому значению, но корень-то у них общий – «кор». Значит, коррупция, как болезнь общества, затронула самую сердцевину культуры русского архетипа – альтруизм (бескорыстие). А это означает, что коррупция – самый злой и сильный внутренний враг сегодняшней России, раз она поражает сердцевину русского архетипа культуры – альтруизм.

Вопрос: По аналогии с Китаем, и в России инкубационный период созревания своего Дао оказался таким же – около 10 веков (примерно одно тысячелетие) с I по IX век н.э. (до «Книги Велеса»). Но теоретическое осознание этой проблематики растянулось ещё более, чем на одно тысячелетие и продолжается и в наши дни. В чем кроются причины такого продолжительного недопонимания и осознания своего национального архетипа? Что и кто мешает осознать русским свой древнеславянский архетип национальной культуры и цивилизации? Не является ли здесь основной причиной влияние Запада и его христианства?

Ответ: Конечно, виновато влияние Запада с его протестантизмом – религией не альтруизма, а индивидуализма и эгоизма. Но как уже отмечалось, в противоположность этому, русское православие оказало положительное влияние на эволюцию культуры русского архетипа – альтруизма (бескорыстия). Но грехом было бы винить только Запад. Здесь уместно привести такую поговорку: если многие русские относятся к Западу умиленно и восторженно, с совершенно некритической открытой душой, то китайцы наоборот относятся к Западу весьма скептически – с высоты своей более древней культуры и цивилизации, с высоким чувством собственного достоинства и с помощью задней части тела, т.е. ануса, через который нужно пропустить все иностранное, отсеять его через сварение в желудке, и только после этого все ценное довести до ума и сердца. Имеется и другая позиция, преодолевающая крайности как русского, так и китайского подходов. Это японский архетип: максимально идя на Запад, постараться в то же время оставаться на Востоке, у себя дома. Есть японская поговорка: все иностранное усваивать дозировано, порционно, как водный цветок лотос, который открывает свои лепестки для захвата пищи, а потом их закрывает. И так каждый раз: получив очередную дозу пищи, цветок закрывается и не открывается до готовности получения очередной её порции.

Вопрос: Можно ли сказать, что сейчас происходит модернизация русского типа альтруизма (бескорыстия) в сторону более пропорционального соотношения в нём корысти и бескорыстия по примеру японского архетипа: максимально идя на Запад, в то же время не терять свою национальную идентичность? И какой должна быть мера дозировки в архетипе корысти и бескорыстия?

Ответ: На такие хорошие вопросы могут дать не очень радужный ответ, ибо все зависит от развития в России среднего класса. Его должно быть не менее 75% от общей численности населения

страны. А на сегодня в России он составляет всего лишь 30%, по официальным данным. И чтобы достичь нужной, нормальной архетипической парадигмы в России эти проценты должны поменяться местами, т. е. должно быть не менее 75% представителей среднего класса, а остальные 25% – бедные и олигархи. Вот тогда произойдет правильная, золотая середина истины России: 75% альтруизма и 25% корысти, индивидуализма, эгоизма у россиян. Должно быть правильное соотношение «разумного эгоизма» (Ж.Ж. Руссо) и «разумного альтруизма» (Г.А. Югай). И результат такого синтеза можно будет назвать «разумным альтруизмом и эгоизмом».

На такой основе, возможно, произойдет также синтез языческого богочеловека, как арийского субъекта цивилизации, и теологического богочеловека, где человек уже будет признан не как греховное существо. Т.е. синтез религий должен и может быть обеспечен только через ум и сердце (душу, дух) самих верующих, а не с помощью синтеза церковных, порой бюрократических организаций и учреждений и их представителей (священнослужителей). И в результате такого синтеза рождаются и развиваются новые религии: теософия, эзотерика и т. д. Успеха им.

И последний вопрос: Он самый сакральный – имеется ли у России будущее? Ведь, не секрет – вопрос этот самый существенный не только для русских, но и для всего мира. Он вложен ещё Шекспиром в уста Гамлета: «Быть или не быть», т.е. будут или не будут на этом свете Россия и русские?

Ответ: Положительный ответ на этот вопрос дан в замечательной книге Ю.В. Мамлеева «Россия Вечная» (М., 2002). Мне остается только добавить по части русского архетипа бескорыстия, который подвергся разрушению как капитализмом, так и советским социализмом. Капитализм разрушает бескорыстие (нестяжательство), насаждая стяжательство. Советский социализм же ударился в другую крайность – в абсолютный альтруизм (нестяжательство и бескорыстие), исключаящую какую-либо корысть. Правителям и теоретикам советского социализма это нужно было для обоснования концепции отсутствия и недопустимости частной собственности при социализме. А это объективно вело к одурачиванию советского человека, который якобы абсолютно лишен чувства корысти. Человек, абсолютно лишенный своей корысти – действительно, дурак. Обе абсолютистские крайние позиции: и капитализма, и социализма в трактовке культуры русского архетипа альтруизма (бескорыстия)

стимулировали социальную болезнь: алчность и социальную активность при капитализме и бессилие, не инициативность, социальную пассивность при социализме.

Русский человек, оказавшийся в результате краха социализма в постсоветском капитализме, испытывает состояние болезненного аффекта-стресса, шока от сочетания этих двух противоборствующих истин. Такое аффективно-стрессовое психофизическое состояние порождает массовые сердечно-сосудистые заболевания, завершающиеся массовым летальным исходом. Другой источник массового летального исхода русского населения – это гепатит (болезнь печени) от алкоголизма.

Но есть ли выход из, казалось бы, фатальной неизбежной создавшейся ситуации демографической катастрофы в России? Выход есть, и он состоит в коренном переустройстве социального бытия человека. И суть такого социального переустройства не в революционном, а в эволюционном переустройстве российского общества на путях мирной конвергенции: вращая друг в друга, альтруистического слияния, интеграции и синтеза капитализма и социализма. Целью такого конвергентного общества является Богочеловек, как субъект с разумным альтруизмом и разумным эгоизмом. Он также является субъектом и продуктом модернизированного в новых условиях культуры древнеславянского русского архетипа альтруизма (бескорыстия).

Такой Богочеловек станет субъектом новой цивилизации – новоевразийской, идущей на смену капитализму и коммунизму, сыгравшими свои исторические роли и исчерпавшими свои ресурсы цивилизационного прогресса. Они, особенно капитализм, разлагаются и разъедаются от социальных язв: коррупции и чрезмерного потребления (обжорства) как в широком, социальном, так и в узком, индивидуальном плане. И здесь будущая роль России уникальна в силу ее преимуществ в двух главных позициях. Первая касается субъективных факторов – не просто человека, а Богочеловека, суть которого зашифрована, «закодирована» была ещё в древнеславянском русском архетипе культуры альтруизма (бескорыстия) и получившая дальнейшее развитие, особенно в русской религиозной философии. Вторая позиция – это объективные факторы – наличие у России преимуществ в запасах природных ресурсов, если они не будут беспощадно разграблены, как сейчас, олигархами-стяжателями и государством.

Учение о буржуазно-демократической морали альтруизма Н.А. Бердяева и его место в русском

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

архетипе культуры альтруизма.

Для определения роли и места концепции буржуазно-демократической морали альтруизма Бердяева в русской архетипической системе альтруизма нужно в начале определить особенности этой системной организации. Выше нами отмечались такие важнейшие особенности её структурной организации, как, во-первых, тождество альтруизма и эгоизма; во-вторых, сосредоточенность, или воплощение, в её архетипе, как в клетке, как в почке, в элементарной, простейшей форме и в полном наборе всех структурных компонентов, более поздних в плане эволюционного развития организма – общества – вплоть до ноосферно-космического; в-третьих, демократизм альтруизма. Все эти особенности были отмечены, но недостаточно освещены и раскрыты. Попытаемся восполнить эти пробелы.

При этом мы придерживаемся и исходим, прежде всего, из определения К.Г. Юнгом архетипа как явления коллективно-бессознательного в такой его форме, в данном случае – при нашем анализе, как психологический альтруизм. Высшей формой проявления психологического альтруизма является тождество альтруизма и эгоизма. В свою очередь, высшими формами тождества альтруизма и эгоизма являются святость и любовь. Святость – сущностная характеристика Бога, а также людей и предметов, обнаруживающих в себе присутствие Божества, и потому выполняющие функции посредничества между Богом и людьми.

«Можно ли научиться святости, как учатся, например, сверять расходы и поступления? И да, и нет; потому что есть разные степени святости. Но все они, как лучи, более или менее яркие, более или менее сильные, более или менее горячие, исходят из одного источника – из Божьего милосердия к человеку. Человек, если захочет, может уверовать в Бога. Но во что верит сам Бог? Один из самых известных проповедников XX столетия архимандрит Амвросий Юрасов ответил так: «Бог верит в человека. Ведь состояние святости есть и состояние высшего доверия Бога к человеку, сообщение человеку Богом Своих свойств. Одно из самых главных свойств Бога – человеколюбие. Вот как это раскрыто в Евангелиях, в частности, в ответе Христа некоему законнику. Законник, не похожий на тех, кого Господь обличал, образованный и чуткий, спросил о том, какие именно из заповедей Иисус предпочитает другим. Ответ был очень простым и все же немного непонятным. Вся святость, как оказалось, в двух правилах: в любви к Богу и к ближнему. В каждом человеке мы мо-

жем увидеть и отражение Бога, и свое собственное отражение. Причиняя страдания ближнему, мы обижаем и сами себя. Наоборот, жертвуя своим временем и средствами другим, человек гораздо больше приобретает, чем теряет»¹. Добавим от себя: альтруист, жертвуя своим временем ради других, приобретает больше, чем теряет. Конечно, приобретает больше не только для себя, но и для общества.

Другой формой полного тождества альтруизма и эгоизма является любовь, при котором происходит избавление от эгоизма ради альтруизма. При этом происходит полное слияние объекта и субъекта с помощью таких форм сочувствия, сопереживания и потока сознания, при которых нескончаемая вереница сменяющих друг друга приятных психофизиологических состояний единства материи и духа и наслаждений способствует преодолению эгоизма в пользу альтруизма.

Своеобразной и очень сложной формой единства альтруизма и эгоизма является демократия в её трех формах: 1) земной альтруизм – секулярно-атеистический, 2) буржуазно-демократический альтруизм, по Н.А. Бердяеву и 3) сверх(над)демократический небесный, ноосферно-космический альтруизм Богочеловека и Богочеловечества. Из этих трёх форм демократии в русском архетипе культуры альтруизма представлены лишь два вида: земной Богочеловеческий и небесно-космическо-ноосферный тоже Богочеловеческий альтруизм. И в нем не оказалось места для буржуазно-демократического альтруизма, по Н.А. Бердяеву, суть которого изложена выше в виде выдержки из его же работы. Здесь мы пришли в соприкосновение с очень сложной и актуальной темой современности – быть или не быть в России буржуазно-демократическому альтруизму, раз ему не нашлось места, раз он «не прописан» в русском архетипе культуры альтруизма?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо, прежде всего, произвести терминологическое и понятийное уточнение сути и ограниченности буржуазно-демократического альтруизма, хотя бы в связи с тем, что ему не оказалось места в русском архетипе культуры альтруизма. Ответ на вопрос: почему «не прописан» буржуазно-демократический альтруизм в русском архетипе культуры альтруизма, заключается в том, что в нем уже нашло отражение более широкое по содержанию понятие демократического альтруизма, чем буржуазно-демократический. Это русский народно-

¹ Наталия Черных. Уроки святости. Как становятся святыми, М., 2008. С. 12–13.

демократический альтруизм, который оказался не только более широким и богатым, как по объему, так и по содержанию явлением. Сказанное можно легко доказать и показать на сравнении двух понятий: народный и буржуазный. То, что понятие «народ» намного шире и глубже понятия «буржуа», не требует особого доказательства. Буржуа является частью народа, хотя особой. Тем не менее, буржуа не обладает голографическим свойством равномогности части и целого.

Голографическим принципом равномогности части и целого обладает сам народ. В то же время народ является и частью великой триады Востока – «Небо (Космос) – Человек (Народ) – Земля». Сказанное, возможно, неосознанно подразумевалось и авторами книги «Россия в пространстве и времени. (История будущего)», когда они заявляют: «Уровень культуры славян был выше культурного уровня местного населения, и славяне стали определять их образ жизни. Достоверные сведения о политической истории славян относятся к IV веку н.э. «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве... Они считают, что только Бог, творец молний, является владыкой над всеми. (Прокопий из Кесарии)»¹.

Высокий уровень культуры древних славян выражается и в синтезе политеизма и монотеизма, язычества и христианства (в перспективе) и отражении его в русском архетипе культуры альтруизма. Потому трудно согласиться с утверждением Н.А. Бердяева об отсутствии у русских божественного, или Богочеловеческого, альтруизма, по его терминологии – «аристократического» и наличии лишь буржуазно-демократического альтруизма – «плебейского» – по его терминологии. Такое пренебрежительное отношение к русской культуре не к лицу ему. Мы считаем, наоборот, большим достижением Великой русской культуры то, что уже в его архетипе «прописан» был и Богочеловеческий альтруизм. Более подробно об этом см: Югай Г.А. «Бескорыстие» (М., 2011).

Великий исторический факт действия русского архетипа культуры альтруизма состоит, прежде всего, в том, что с его помощью и под его влиянием Святой Руси удалось миновать целую общественно-экономическую формацию – рабовладельческий строй. В этом была сила и значимость демократических традиций Святой Руси, которая сменилась затем на монархическую традицию царского самодержавия, усиленную Петром I.

Поэтому имеет смысл более подробно остановиться на этом вопросе.

Народно-демократический альтруизм Святой Руси и необходимость его возрождения

Поистине выдающаяся роль для русского народа демократического альтруизма обнаружилась в общинных традициях и общинной структуре власти, в трудовом процессе, а также в функционировании местного самоуправления. Еще до XVII века успешно действовали волостные, а в XVII веке всеуездные мирские, общинные организации. Мир прошлых веков (и особенно допетровское время) – весьма демократичная и вместе с тем достаточно жесткая организация. Все мирские власти – старосты, сотские, десятские, целовальники – выбирались на общем сходе членов общины, и критерии выбора были всегда весьма строги. На мирском сходе слово имел каждый, но за выполнением принятого решения всеми членами общины следили очень внимательно, слушников ждало суровое наказание. Мир нес полную ответственность за все действия выборных. Подчас это бывало весьма значительная материальная ответственность, и поэтому община строго контролировала действия тех, кто управлял ею или представлял ее финансовые, экономические и прочие интересы во внешнем мире – обеспечивал взаимоотношения общины и государственной власти.

Государство издревле было вынуждено считаться с традициями общинной жизни, по мере возможностей приспособляя их для собственных целей. Ведь в народной жизни мирское общественное мнение имело не меньший вес, чем государственно-правовые механизмы, и без круговой поруки общины был бы бессилён финансовый механизм феодального государства. Весь строй русской сословно-представительной монархии, обеспечившей объединение государства в XIV–XV веках, свержение татаро-монгольского ига, базировался на определенных формах сотрудничества с общинными организациями государственных крестьян, посадских, ямщиков, с казачьим самоуправлением, с землячествами дворян. Конечно, миры то и дело оказывались не очень-то удобными партнерами для феодального государства, ибо главнейшей своей задачей всегда считали защиту своих членов от феодального насилия. Восстания середины XVII века в Москве, Устюге, Курске, Новгороде, Пскове, Томске, заставили власти усилить абсолютистскую бюрократизацию государственного аппарата. Но и тогда, вплоть до петровского времени, власти не раз

¹ Кузык Б.Н. и др. Россия в пространстве и времени. (История будущего). М., 2004. С. 66.

НЕ КСЕНОФОБИЯ, А АЛЬТРУИЗМ – ОСНОВА ЖИЗНИ (ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ АЛЬТРУИЗМА?)

пользовались помощью общин в борьбе коррумпированной и некомпетентной его частью.

С 1549 года начинает функционировать высший орган земских органов власти на местах – Земский собор. Всю первую половину XVII века земщина сохраняла свои достаточно прочные позиции в общественно-политической жизни страны и лишь во второй половине столетия постепенно стала вытесняться различными бюрократическими структурами абсолютистского государства. Созданные Петром I бюрократической империи старым земским традициям вроде бы не было места, однако на деле они и тут оказались довольно живучими.

Основы этики крестьянской общины составляли не уравнивательные тенденции, а обычаи и нормы трудового права. Честно нажитый, своим трудом добытый достаток всегда уважался в общине. Весьма распространена была трудовая взаимопомощь. Внутриобщинные отношения строились на основах крестьянской этики, крестьянского понимания правды и справедливости.

В этом смысле общинные традиции могли бы помочь постепенному внедрению и умелому внедрению после революции выгодных для крестьян форм кооперации, особенно снабженческо-бытовой. Ведь не даром маслодельческая кооперация

делала в дореволюционной Сибири поистине экономические чудеса, вольно же было нашим горе революционерам из общинных традиции выбирать не крестьянско-трудовое право, не здоровую крестьянскую этику, а насаждавшуюся помещиком уравнивательность, да к тому же в наиболее уродливой её форме – равенство всех в бедности и бесправии.

XX веку было из чего выбирать: осуществлять ли деспотические идеалы Грозного и Петра, или делать ставку на все-таки имевшую место в России демократическую традицию. Но, увы! Выбор был сделан не в пользу последней. Потому в XXI веке со всей остротой встали задачи возрождения на новой основе демократических традиций и в хозяйственно-экономической жизни России.

Заключение. Возрождение народно-демократического альтруизма в постсоветской России предполагает синтез его трех разобщенных, расколотых историей форм: 1) земного, секулярно-атеистического альтруизма, 2) буржуазно-демократического альтруизма, 3) небесного, ноосферно-космического альтруизмом на пути к Богу. В результате получится голографическое триединство его форм, равнозначное также синтезу «разумного эгоизма» Ж. Ж. Руссо (25%) и «разумного альтруизма» Г.А. Югая (75%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989.
2. Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.
3. Югай Г.А. Бескорыстие. М., 2011.

Summary

NOT XENOPHOBIA BUT ALTRUISM IS A BASIS OF LIFE (IS A DEMOCRACY WITHOUT ALTRUISM IS POSSIBLE IN RUSSIA?)

G.A. Jugai

Scientific centre of Eurasian investigations of RAS

Abstract. The backgrounds and evolution of national Russian archetype is examined in the article, such notions as altruism and xenophobia are also examined in a given article, the ways of overcoming of negative trends in cultural development of Russia are also pointed out there.

Key words: archetype, altruism, egoism, xenophobia, democracy, unselfishness.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Юнусов А.М.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социальной безопасности в Российской Федерации: конфликтогенные угрозы и вызовы, демографический спад, миграция населения, рост региональных сепаратистских настроений в отдельных субъектах Российской Федерации, утрата общероссийской идентичности; и указываются возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: социальная безопасность, конфликтогенность, демографический кризис, депопуляция, миграция, сепаратизм, самоидентификация, идеология.

Обеспечение социальной безопасности Российской Федерации является важнейшей общенациональной задачей. Об этом свидетельствует подписанный Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым Указ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. № 537. Для реализации в жизнь положений этой стратегии требуется серьезная аналитическая работа ученых, специалистов и практиков из различных сфер российского общества. Новым в этом программном документе является то, что в нем получили полное отражение главные, значимые проблемы социальной безопасности Российской Федерации.

В контексте сказанного отметим, что в последние годы, в результате неблагоприятных социально-экономических и политических факторов в развитии российского социума наблюдается стремительный рост новых угроз и рисков национальным интересам и национальной безопасности России. Если говорить по большому счету, то состояние безопасности, по всем её основным видам (начиная от военной, экономической, социальной, финансовой, банковской, продовольственной, технологической, информационной, культурной, духовной и т.д.) находится в неудовлетворительном, критическом состоянии. Такая ситуация опасна тем, что создает объективные условия для подрыва общественной безопасности в российском обществе.

В принципе можно составить длинный список потенциальных или реально существующих опасностей и угроз для развития и существования Российской Федерации. В этой связи мне хотелось бы, назвать наиболее *проявляющиеся конфликтогенные угрозы и вызовы, способные подорвать социальную безопасность, ста-*

бильность и устойчивость в российском обществе. К ним могут быть отнесены следующие: 1) возникающие территориальные споры между Российской Федерацией и рядом приграничных с ней государств; 2) демографический спад населения; 3) обезлюдение многих территорий России; 4) трансграничная миграция; 5) рост региональных сепаратистских настроений в отдельных субъектах РФ; 6) утрата общероссийской идентичности и др.

Следует подчеркнуть, что значимость названных угроз и вызовов социальной безопасности современной России с каждым годом возрастает. Самое главное состоит в том, что эти вызовы с каждым годом усложняются и не являются простыми, а поэтому важно не доводить их до того состояния, когда ответить на вызовы адекватно будет уже невозможно. Поэтому, пока не поздно нужно, на мой взгляд, все имеющиеся социально-экономические, политические, культурные и иные ресурсы страны направить на решение вышеобозначенных проблем. И начинать нужно сейчас, завтра будет поздно.

Из-за ограниченности размеров статьи, тезисно остановлюсь на таких проблемных вопросах, как *сбережение российского народа и его территории, миграция, проявляющиеся сепаратистские настроения в РФ*, и несколько подробнее, на таком опасном негативном явлении, каким является *утрата общероссийской идентичности*.

Так, если в указанной последовательности высказать свои суждения то, на мой взгляд, главной задачей является защита, сбережение не только российского народа, но и существующих территориальных границ РФ. Это непреклонная закономерность, ибо население и территория являются основными составляющими любого государства.

Поэтому эффективно охранять и беречь свое население и пространство в его естественных границах сейчас выступает как первейшая жизненная задача государства и серьезная проверка жизнеспособности властных структур России.

В контексте сказанного вызывают тревогу депопуляционные процессы и сокращение российского населения, особенно славянского. Население России по подсчетам демографов ежегодно уменьшается на 700–900 тыс. человек. Так, с 1992 года по 2005 год естественная убыль населения России составила 11,2 млн. человек [1]. Здесь, кстати будет сказано, что существенное сокращение численности народа всегда считалось признаком болезни государства. При такой демографической ситуации страна через несколько десятилетий вряд ли будет в состоянии обеспечивать себя трудовыми ресурсами, осваивать огромную территорию, защищать свои границы. Именно поэтому нельзя не согласиться с мнением, в котором отмечается, что «только повышение рождаемости и снижение смертности могут обеспечить демографическую, а тем самым национальную безопасность России» [2].

В современной России, названные негативные процессы принимают катастрофические размеры. А ведь ведущие российские социологи еще в конце 90-х годов прошлого века предупреждали о признаках углубляющегося разрыва между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества и подчеркивали, что в росте социальной поляризации нельзя не видеть признака социальной деградации, которая неизбежно приводит основные массы населения к физиологической деградации, несет угрозу генофонду нации, порождает унылость, угасание преемственности культурных ценностей [3] и т.д. Эти предупреждения проявляют себя с особой остротой сегодня. Так, например, результаты переписи населения РФ 2010 года показывают, что «за восемь лет (с 2002 по 2010 гг.) население России сократилось на 2,26 млн человек, сократилось безвозвратно. Если состав средней семьи в России взять из 4-х человек, то в России исчезли 565 000 семей, т.е. за это время с карты России исчезли четыре-пять областных центра типа Брянска, Курска, Кургана или Иваново» [4].

Высказанные в этих и других исследованиях прогнозы ученых, подтверждаются результатами последних научных разработок Института социологии РАН (2005–2009 гг.) [5], в которых фиксируют рост недовольства россиян повседневной ситуацией в социальной сфере, которые трансформируются в устойчивые страхи за свою безопас-

ность. Наиболее концентрировано они изложены в аналитическом докладе «*Чего опасаются россияне?*» [6]. Как видно, из приведенных выше констатаций все последние годы в государственной политике России игнорировались научно обоснованные выводы специалистов в решении важнейших вопросов в социальной сфере, в необходимости «создания институциональной структуры, обеспечивающей справедливость социальной конкуренции и не допускающей создания избыточных преимуществ одних групп населения по отношению к другим» [7].

Таким образом, одним из наиглавнейших факторов обеспечения социальной безопасности нашей страны в настоящее время является демографический фактор. Следовательно, национальные приоритеты должны формироваться на длительную перспективу в соответствии со стратегическими целями, стоящими пред государством и обществом. Они должны отражать базовые интересы большинства населения страны. Представляется, что для России стратегически являются две цели: 1. Сохранение народа, а именно преодоление тенденции пересечения кривых рождаемости и смертности, указывающие на начало депопуляции. 2. Сохранение суверенитета и целостности многонационального и многоконфессионального российского государства [8]. Следовательно, только повышение рождаемости и снижение смертности могут обеспечить демографическую, а тем самым национальную безопасность России.

В этой связи встает вопрос, как решать эти корневые проблемы? Мне представляется, что одним из эффективных и реальных путей на ближайшую перспективу могли бы быть активные действия руководства страны по переселению соотечественников, проживающих как в дальнем зарубежье, так и в странах СНГ. Настоящим прорывом могло бы стать принятие законодательных актов, позволяющих конвертировать статус соотечественника в российское гражданство. Естественно это облегчило бы переселение части соотечественников и привлекло бы в Россию квалифицированную русскоязычную рабочую силу, компенсировав снижение численности населения. Грамотно организованная работа в данном направлении могла бы способствовать решению долговременных стратегических задач по освоению не только слабозаселенных территорий Дальнего Востока, Сибири, но и заброшенных земель Центральной России. Без этого Россия не сможет преодолеть демографический кризис.

Другой актуальной проблемой является обеспечение безопасности в сфере федеративных отношений, которые конфликтогенны по своей сути. Что имеется в виду? Во-первых, уникальность России по количеству субъектов федерации. В мировой практике федеративных государств, нет такой страны, как Российская Федерация, которая включала бы в свой состав восемьдесят три субъекта. Во-вторых, то, что такое многообразие субъектов РФ порождает целый комплекс противоречий и конфликтов. В этом можно убедиться, если мы обратимся к анализу разновекторных конфликтогенных факторов, проявляющиеся в Федеральных округах и отрицательно влияющие на жизнедеятельность федеративных отношений в современной России [9]. При таком подходе выявляются следующие региональные конфликтогенные факторы и опасности, как возможность проявлений сепаратизма и излишней регионализации. Не исключена возможность распространения кавказского синдрома на всю Россию через Татарстан и Башкирию, вплоть до Якутии и Тувы. Во избежание нежелательных социальных потрясений, как справедливо отмечает профессор В.А. Михайлов, важное значение имеет, то «чтобы Россия развивалась как подлинная федерация. Новый российский федерализм только и способен дать простор развитию духовного и материального богатства всех народов, благотворному диалогу религий, цивилизаций и культур...» [10].

Что же касается **проблемы самоидентификации граждан в социально-политическом пространстве России**, то здесь выявляется много проблем, отрицательно влияющих в плане обеспечения социальной безопасности российского социума. Основанием для такого вывода может послужить экспертный опрос, проведенный в декабре 2008 года Научно-экспертным советом при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН. Проведенное исследование показало, что *в России обостряется проблема идентичности из-за отсутствия стратегических целей развития российского общества, объединяющей и консолидирующей идеи. Острыми научными проблемами обозначились: проблема развития социальной безопасности России, обретения национальной идентичности российского социума, социологии региональной безопасности.*

Необходимо констатировать, что в настоящее время в российском обществе нет системы

идей, идеологии, которая сплотила бы общество. В результате Россия стала страной глубоких экономических, политических и духовных конфликтов. Все это указывает на то, что современное развивающееся российское общество нуждается в воспроизведении собственной идентичности и устойчивости точно так же, как и в инновационном развитии. Именно недооценка одного из векторов развития приводит к росту рисков, чреватых кризисами и социокультурными разломами.

При этом следует подчеркнуть, что сложная, асимметричная конфигурация РФ затрудняет процесс самоидентификации его жителей. Регионы России характеризуются исключительной разнородностью, цивилизационным разнообразием, значительным различием в уровнях экономического, политического, культурного развития. Эти особенности создают предпосылки для формирования устойчивой многополярности, выражающейся в конкретной политической практике «локализационных» процессов. Сказанное достаточно убедительно раскрывается в двух аналитических материалах: в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 2006–2007 гг. [11] и в конфликтологическом обзоре облика регионов России [12].

В первом приведенном нами источнике отмечается, что многочисленными исследованиями доказано: в России уже сформировались требующие преодоления отрицательные тенденции воздействия неравенства регионального развития на формирование и использование человеческого потенциала. Во втором же подчеркивается большая проделанная экспертная работа по выявлению конфликтогенных факторов в федеральных округах РФ. Эти два аналитических материала и другие социологические, политологические и конфликтологические исследования показывают, что во всех федеральных округах РФ имеются свои специфические различия, обусловленные географическими, экономическими, социальными, культурными и административными условиями, и федеральные округа отличаются друг от друга по многим параметрам.

Сравнительный анализ региональных и общероссийских данных указывает на то, что степень социального оптимизма и удовлетворенность жизнью российских граждан и уровень социальных рисков или степень защищенности от социальных опасностей и уровень самостоятельности людей в решении своих жизненных проблем (доходы, жилье, образование, здоровье, культурная жизнь) очень низки. Они наиболее зримы при рассмотрении конкретных характери-

стик Дальневосточного федерального округа и других регионов России.

Безусловно, при таком общем ухудшении социокультурной ситуации не может не обостряться проблема российской идентичности. Начинают возникать феномены новых идентичностей, причем не только региональных. Особенно острым становится вопрос об идентичности во время кризисов, когда перед социумом, нацией, индивидом встают такие острые жизненные проблемы, соотносящиеся с такими социальными понятиями как, кто «Я»? или кто «Мы»? «Свое» и «Чужое» т.д., актуализируя вопрос об идентичности и гражданственности. Решение этой проблемы предполагает разработку новых теоретических подходов и новых механизмов практической реализации социальной безопасности российского общества. *Поэтому если среди российских граждан не будет целенаправленно вестись работа по формированию чувств гражданственности и государственного патриотизма, перспективных целей, достойных великой державы, то будет нанесен огромный ущерб, прежде всего национальной безопасности РФ.*

В заключение хотелось бы высказать несколько обобщающих суждений:

1. Сейчас, как никогда, нужна консолидация общества в выработке главных стратегических целей развития российского общества. В этих целях необходимо воссоздать утерянный в ходе реформирования институт стратегического планирования развития страны, ускорить создание

отчетливой, и главное, общепризнанной программы этого развития, основанной на общих для всех россиян ценностей и идеологии, как основы выживания российского народа.

2. Фундаментальными ценностями этой программы должны стать ценности, характерные для российского менталитета, способствующие формированию чувств общенациональной российской идентичности у граждан Российской Федерации. Сегодня стало очевидным, что без этого невозможно единство экономической, социальной, политической и социокультурной трансформации в российском обществе.

3. При определении приоритетов стратегического планирования руководство страны должно: а) обратить особое внимание в общероссийской политике вопросам преодоления демографического кризиса, переселенческой программе и проблемам сохранения территории РФ; б) осуществить критическое, научное и социально-политическое обобщение всех тех деформаций и негативных явлений в национальных и межнациональных отношениях, которые имели место в прошлые годы и нередко проявляются и теперь. Провести их научную экспертизу с последующей систематизацией, в целях выработки управленческих решений по локализации возможных рисков обострения межнациональной и межконфессиональной напряженности в российском обществе. Данную работу можно было бы успешно провести усилиями, вновь воссозданным Министерством по делам национальностей Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиромская В.Б. Демографическая безопасность как часть национальной безопасности России // Глобализация и терроризм: противоречия и угрозы XXI века. Статьи и доклады Международной конференции. Москва 13–15 мая 2008 г. М.: РГГУ, 2008. С. 395.
2. Там же. С. 401.
3. Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социологические исследования. 1998. № 6.
4. Яков Спаситель. Демографический кризис. <http://gidepark.ru/user/3237848628/article/304083>
5. См.: Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.6. – М.: Институт социологии РАН, 2007; Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008; Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2008.
6. Чего опасаются Россияне? Аналитический доклад. Институт социологии РАН. М. 2008.
7. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Избыточное неравенство, социально-экономическая поляризация общества и государственная политика // Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / Отв. Ред. ак. Д.С. Львов. М.: Наука. 2004. С. 687.
8. Кузнецов О.Л. Участие РАЕН в выборе и реализации национальных приоритетов // Вестник Российской академии естественных наук. 2007. Т. 7. № 1. С. 3.
9. Юнусов А.М. Региональный конфликтный потенциал как угроза стабильного и безопасного развития России // Конфликтология для XXI века: наука-образование-практика: Материалы Санкт-Петербургского международно-го конгресса конфликтологов: В 2т. Т.1 – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 529–534.
10. См.: Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: Материалы международной кон-

- ференции. Москва, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 13-16 сентября 2007 года / Под общ. Ред. В.К. Егорова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 333.
11. Регионы России: цели, проблемы, достижения // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. М., 2007. С. 9–13.
12. Авксентьев В.А. Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М.: Альфа – М.: 2009. С. 69–76.

Summary

SOCIAL SAFETY IN A SOCIOLOGICAL DISCOURSE

A.M. Junusov

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The problems of social safety in Russian Federation, conflict threat and calls, demographical fall, migration, raise of regional separate moods in particular objects of Russian Federation, lack of Russian identity; possible ways of overcoming are also pointed out.

Key words: social safety, conflict, demographical crises, depopulation, migration, separatism, self-identification, ideology.

РАЗДЕЛ 4. ПРАВО

УДК 343.1/2

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА» И «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ»

Киреев М.П., Попов А.П.

Академия управления МВД России,
Пятигорского филиала РГТЭУ

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению уголовно-правовой материи с уголовно-процессуальной. В отношении уголовно-процессуальной материи речь идет не только об уголовно-процессуальном праве, но и об уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, наказание, возмездие, кара, восстановление социальной справедливости, общая и частная превенции, уголовно-процессуальная деятельность.

Цель наказания, как мы её понимаем в самом общем виде, это ожидаемые следствия от реакции государства на преступления в тех социальных системах, где государство уже или еще есть и значимо.

Обществом характер государственной реакции когда одобряется, а когда – нет. Иногда общественным мнением не одобряются результаты конкретных судебных процессов, иногда – принятые государством цели наказания и характер (содержание) применяемых наказаний.

Думается, что законодательство должно порождать поддержку общественным мнением, в том числе и групповым, реакции государства. Базой для реакции государства является установленный его законодательной ветвью власти материальный уголовный закон, который определяет, чего в соответствующем государстве делать нельзя и что за нарушение этого запрета нарушителю бывает. Действия по формированию такой реакции осуществляются, естественно, не государством в целом, а его специализированными учреждениями, принадлежащими большей частью к исполнительной ветви власти, и судами.

Процедура действий названных учреждений в большей части регламентируется уголовным

процессуальным правом. Содержание реакции государства (характер наложенного наказания) и общества (общественные мнение и настроение) должно быть таково, чтобы его восприятие наказанного (во взаимодействии его с нравственными и психическими личностными свойствами) преступника служило препятствием для совершения им нового преступления. Восприятие наложенного наказания другими индивидами в соединении с их нравственными и психическими свойствами должно отторгать у них намерение совершить преступление как подобное тому, которое вызвало назначение наказания, так и намерение совершить преступления иного рода. В тех случаях, когда расчеты на нравственные и психические свойства преступника выглядят ненадежными, суд должен иметь возможность назначить наказание, лишаящее подсудимого физической возможности совершить новое преступление.

Отечественный законодатель, как уже отмечалось, термином «цель уголовного процесса» и термином «цель уголовного судопроизводства» не пользуется. В материальном же современном отечественном уголовном законодательстве термин «цели наказания» и даже беглое раскрытие его содержания имеется (ст. 43 ч. 2 действующего УК РФ). Более того, глава 9 раздела III УК РФ 1996

г. содержит уже в своём наименовании слова «понятие и цели наказания».

Цель (цели) уголовного наказания: позиции предшественников

В доктрине уголовного права (а отчасти и в её проявлениях в уголовном законодательстве) в разные периоды обосновывалась необходимость применения уголовных наказаний для достижения различных целей. Возникали теории целей уголовного наказания и группы таких теорий [10, с. 60-97; 12, с. 49-58].

Исторически первыми сформировались теории возмездия, иначе именуемые этическими, иначе – эмоциональными. Эти теории исходят из направленности наказания в прошлое. Цели наказания – в расплате за совершенное преступление – возмездие, кара (для нас кара – содержание наказания), воздаяние злом за зло, искупление вины, восстановление справедливости, восстановление нарушенного права, нарушенных общественных отношений. В их числе теории: талиона физического (жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб и т.д.); божественного возмездия (кара преступника необходима для умиловливания божества и смягчения его гнева); нравственного возмездия – по И. Канту, нравственный (категорический) императив требует отплаты равным за равное – злом за зло: страдания потерпевшего от преступления должны быть уравнены, искуплены страданием от наказания виновного в совершении преступления). Сопоставив категорический императив с талионом, приходишь к выводу, что диалектическое суждение о том, что при серьёзном анализе в нередких обстоятельствах целеполагания в уголовном праве противоположности действительно сходятся, вполне соответствует истории.

Большой интерес, во всяком случае для нас, представляет теория диалектического возмездия – Г.В.Ф. Гегеля (преступление как отрицание правомерного поведения должно быть снято наказанием как отрицанием этого преступления; снятие (отрицание) преступления есть возмездие, а возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения).

В ответ теориям возмездия возникли теории полезности, иначе называемые утилитарными, прагматическими. Эти теории, по убеждению их приверженцев, исходят из направленности наказания в будущее. Цели относительной полезности состоят в предупреждении преступлений и исправлении правонарушителей, их социальной реабилитации. В основе большинства этих теорий лежит, видимо, позиция Ч. Беккариа, книга

которого по выходе пользовалась большой популярностью.

К этому блоку теорий относятся: теории устрашения (применительно к лицам, готовящимся совершить преступления); предупреждения общего или частного (в развитие теории устрашения); исправления (применительно к преступнику с тем, чтобы он перестал быть опасным для общества, чтобы изменил свое понимание о добре как личной выгоде за счет несчастья других людей); общественной охраны (в физическом удержании, лишении преступника физической возможности вредить, его исправлении, устрашении, в воздействии наказанием на других лиц, в удовлетворении потерпевшего и т.д.). В отечественном уголовном праве утилитарные взгляды на цели наказания высказывали М.Д. Шаргородский, М.И. Ковалев, Н.А. Стручков, Е.А. Фролов, А.Е. Ефимов и некоторые другие авторы.

Наконец, более современные – смешанные теории, иначе именуемые этико-утилитарными, эмоционально-прагматическими. Эти теории интегрируют (правда, иногда эклектично) предыдущие концепции.

Кара как содержание наказания

Примыкая к А.А. Герцензону, А.А. Пионтковскому, М.Д. Шаргородскому, мы полагаем, что кара не является целью наказания ни в современной отечественной уголовной политике, ни при теоретическом осмыслении связанных с нею проблем. Мы рассматривали и рассматриваем кару как содержание наказания и, следовательно, как средство достижения его цели.

Между тем, вопрос о каре как цели уголовного наказания не перестает тревожить теорию современного уголовного права и отечественное законодательство. Некоторые авторы предлагали рассматривать кару в качестве одной из целей наказания [1, с. 304, 318; 5, с. 138-147; 4, с. 38]. Более того, кара как цель наказания в настоящее время получила закрепление в законодательствах отдельных государств на постсоветском пространстве (см.: ч. 2 ст. 50 действующего УК Украины).

Следует заметить, что кара (иными словами, претерпевание виновным лицом лишений морального, физического, материального /имущественного/ характера) имеет место в случае применения не только наказания, но и любой другой меры уголовно-правового воздействия, будь-то условное осуждение или применение принудительных мер воспитательного воздействия. Различие между ними лишь в силе карательного

■ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА» И «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ»

воздействия. Таким образом, кара предстает перед нами не чем иным, как содержанием принудительных мер воздействия, в том числе уголовного наказания.

Формулировка целей наказания в современном отечественном Законодательстве

В настоящее время отечественное уголовное законодательство, впитав в себя идеи этико-утилитарных теорий, предусматривает следующие цели наказания (так формулирует их в законе): а) восстановление социальной справедливости, а также б) исправление осужденного и в) предупреждение совершения новых преступлений (см. ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Хочется надеяться, что законодатель, разработчики ст. 43 УК РФ, употребляя термин цель во множественном числе, подобно нам разделяют позицию, занимаемую В.Т. Томиным, утверждающим, что у всякой целеустремленной системы на одном уровне может быть только одна специфическая цель. Если целей несколько, и они действительно разные, то в какой-то ситуации они неизбежно войдут в противоречие друг с другом, в результате чего целеустремленная система «уголовное судопроизводство – уголовное наказание» (иным способом, нежели через уголовное судопроизводство, уголовное наказание наложено быть не может) окажется в тупиковой ситуации.

Мы полагаем, что каждая провозглашаемая цель уголовного наказания должна соответствовать своему уровню (подобно целям уголовного процесса): личностному сознательно-волевому, общесоциальному или смешанному (включающему в себя и личностный сознательно-волевой, и общесоциальный). Достижение целей уголовного наказания на любом уровне зависит от возможности реализации его функций. Уголовное наказание способно выполнить охранительную, регулятивную, воспитательную (общепринятые) функции, а также социально-превентивную, ценностно-ориентационную, оценочную, юридико-регулятивную, социально-интегративную, системно-правовую, поддержания и укрепления государственной власти [3, с. 75-77]. В данной связи интересно высказывание В.А. Никонова о том, что наказание (как, по-видимому, и уголовное судопроизводство) никаких целей иметь не может, поскольку целеполагание присуще только человеку – носителю сознания. Наказанию же присущи не цели, а функции (проявление его свойств и обязанностей) [9, с. 12]. Насколько же отмеченные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели обоснованы, соответствуют своему уровню и являются важной составляющей

целеустремленной системы уголовное судопроизводство – уголовное наказание – единого механизма противостояния преступности? А, может быть, эта система – механизм сохранения мира в обществе?

Первой из названных современным законодателем целей уголовного наказания является восстановление социальной справедливости. Эта цель располагается на общесоциальном уровне целей наказания. О её достижении свидетельствуют следующие показатели: возмещение причиненного преступлением вреда обществу, личности, государству, заглаживание его иным образом, назначение наказания, соразмерного общественной опасности совершенного деяния и личности виновного.

Целями уголовного наказания других уровней, связанными с целью восстановления социальной справедливости, являются исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Хотя, некоторые авторы полагают, что исправление (и перевоспитание) осужденного лица не является целью уголовного наказания, поскольку исправление (как, впрочем, и перевоспитание) принадлежит не самому наказанию как совокупности ограничений, а исполнению наказания с широкой системой форм и методов воспитательного воздействия на правонарушителя. Иными словами, является средством специального предупреждения преступлений [9, с. 59].

Наконец, предупреждение совершения новых преступлений как цель уголовного наказания. Представляется, что, если такая цель есть, она расположена на смешанном уровне целей наказания, одновременно вбирающем в себя и личностный сознательно-волевой (выражающий специальную (частную) превенцию), и социальный (выражающий общую превенцию) уровни.

Убежденным сторонником той позиции, что предупреждение преступлений является единственной целью уголовного наказания, был М.Д. Шаргородский. Он писал: «Цели наказания в советском уголовном праве – это не конечные фактические результаты, которых стремится достичь социалистическое государство, устанавливая уголовную ответственность, осуждая виновного в совершении преступлений к той или иной мере наказания и применяя эту меру. Вот почему целью (конечной целью!) наказания является только и исключительно предупреждение преступлений общее и специальное» [6, с. 201]. Некоторые авторы полагают, что сущность общей превенции состоит в устрашении, в принуждении к правомерному поведению посредством угрозы

уголовной ответственности и наказания, поэтому общую превенцию следует считать не целью уголовного наказания, а только одной из целей уголовного законодательства [12, с. 55]. По мнению других, – общее предупреждение основывается исключительно на устрашении граждан. Так, А.И. Марцев пишет: «В основе общего предупреждения лежит устрашение с целью удержания граждан от совершения общественно опасных деяний. Ничего другого в общем предупреждении нет и быть не может» [8, с. 31].

Нам представляется, что в действительности общая превенция наказания означает формирование в сознании граждан России и других лиц образа должного поведения и убежденности в недопущении совершения преступлений. Суть ее состоит в необходимости, во-первых, сформировать в сознании граждан модель правопослушного поведения и, во-вторых, примером наказания удержать данных лиц от совершения преступлений. Голое же устрашение, устрашение без союзников по влиянию на нравственность и психику неопределенного круга лиц предназначается для тех из них, у которых образ должного поведения и убежденность в недопустимости совершения преступлений еще не сформировались. В этих случаях наказание, чтобы действовать в общепревентивном плане, наверное, действительно должно быть устрашающим.

Частная превенция наказания предполагает применение принудительного воздействия к лицу, совершившему преступление, с тем, чтобы оно не смогло совершить новое преступление.

При этом назначение уголовного наказания не имеет и не может иметь в цивилизованном государстве цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства. Цели, конечно, нет. Кто с этим в России спорить станет? А вот что касается содержания наказания, то тут нужно подумать над содержанием термина «физические страдания». Тем более, что для современного человека физическое и нравственное страдание подчас затруднительно разграничить.

Достижение разноуровневых целей уголовного процесса обеспечивает вынесение справедливого приговора лицу, совершившему общественно опасное деяние, в том числе назначение справедливого наказания или иных предусмотренных законом мер воздействия, а также изменение в необходимых случаях качественных или количественных характеристик данных мер для того, чтобы достичь цели уголовного наказания всех уровней. Непосредственность и крепость такой связи между уголовно-процессуальным целепо-

лаганием и достижением целей уголовного наказания, несомненно, способны привести к последовательной политике государства в области противостояния преступности.

Думается, что в действительности общая превенция наказания означает нечто большее. Устрашение, конечно, наличествует. Оно формируется: 1) формулированием в законе и восприятием гражданами уголовных санкций; 2) назначением судом и восприятием судебной аудиторией наказания; 3) адекватностью представлений и переживаний общества относительно характера отбывания осужденным различных видов наказания.

Назначение общей превенции, таким образом, заключается: во-первых, в создании в сознании неопределенного круга лиц, оказавшегося в сфере досягаемости, модели необходимого правопослушного поведения и, во-вторых, в удержании данных лиц от совершения преступления примером назначенного им наказания.

Таким образом, достижение цели уголовного процесса, венчаемое пониманием целей уголовного наказания, обеспечивает вынесение справедливого приговора лицу, совершившему общественно опасное деяние, в том числе назначение справедливого наказания или иных предусмотренных законом мер воздействия, а также изменение в необходимых случаях качественных и/или количественных характеристик данных мер для того, чтобы достичь цели уголовного наказания всех уровней.

Важным дополнением этой работы можно считать принятие правоприменителями на других, кроме судебного разбирательства, этапах следственно-судебного производства решений о наложении на лиц, совершивших предусмотренные уголовным законом противоправные деяния, иных мер воздействия, а также об изменении параметров (количественной и качественной определенности) отбываемого осужденным наказания с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законодательством.

Цель уголовного процесса, таким образом, как желаемый результат деятельности участников уголовного процесса, концентрируются в избличении лиц, виновных в совершении общественно опасных деяний (на следственном и оперативно-розыском уровнях), определении степени вины этих лиц в содеянном и применении к ним справедливых наказаний или иных предусмотренных законом мер воздействия (на следственно-судебном уровне), а также во внесении изменений в качественные и количественные характеристики принудительных

■ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА» И «ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ»

мер воздействия (на судебном уровне) с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законодательством [11, с. 70].

Наверное, здесь надобно подчеркнуть, что достижение по конкретному уголовному делу результата, программируемого целью уголовного процесса, реализуется во взаимодействии работ различных групп участников уголовного судопроизводства как направленностью (векторами) деятельности каждой из этих групп, так и плодами их взаимодействия друг с другом.

Прежде всего, достижение цели уголовного процесса по конкретному уголовному делу определяется работой участников уголовного судопроизводства, чье появление в нем обусловлено служебным положением, или служебным приказом,

или тем и другим в совокупности (иными словами, работой участников уголовного процесса, действующими по должности). Они исполняют при производстве по уголовному делу, свои, предусмотренные не только судопроизводственным, но и судостроительным законодательством функции-задачи. Однако результат деятельности по уголовному делу будет зависеть в очень значительной мере и от поведения тех участников уголовного процесса, которым судопроизводственный закон предоставил процессуальные возможности для защиты в уголовном судопроизводстве своих (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданские истец и ответчик) и представляемых (защитник, представители потерпевшего, гражданских истца и ответчиков) законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Н.А. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
2. Закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».
3. Злобин Г.А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. – М., 1979.
4. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1961.
5. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1973.
6. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. – Л., 1970.
7. Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск: Красноярский ун-т. 1990.
8. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: Монография. Омск: ОИЮ МВД России. 2000.
9. Никонов В.А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания (теоретико-методологическое исследование). Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА. 1994.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. – Тула: Автограф, 2001.
11. Томин В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Правоведение: Известия высших учебных заведений. 1969. № 4.
12. Устинов В.С. Цели наказания и их соотношение с целями уголовного законодательства // Защита личности в уголовном праве: Межвуз. сб. науч. трудов. Екатеринбург: СЮИ, 1992.

Summary

COMPARISON OF THE NOTIONS OF «THE AIMS OF A CRIMINAL PROCESS» AND «THE AIMS OF CRIMINAL PUNISHMENT»

M.P. Kireev, A.P. Popov

Academy of management of Ministry of Internal Affairs in Russia,
Pyatigorsk branch of RSTEU

Abstract. The article is devoted to comparison of criminal-legal substance with criminal-remedial one. As for with criminal- remedial substance the matter is about not only criminal- remedial law but also about criminal-remedial activity.

Key words: criminal process, punishment, retribution, reconstruction of social justice, common and private prevents, about criminal- remedial activity.

УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Лопатёнков А.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена правовому аспекту призыва на военную службу в Российской Федерации и, в частности, проблеме, связанной с привлечением граждан к уголовной ответственности за уклонение от военной службы.

Ключевые слова: военная служба, воинская обязанность, уклонение от призыва.

Основным Законом России провозглашено, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации (п.1 ст. 59 Конституции РФ). В настоящее время правовое регулирование в целях реализации данного конституционного положения осуществляется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Статьей 3 указанного Закона определено, что правовой основой воинской обязанности и военной службы является Конституция Российской Федерации, данный Федеральный закон, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в области обороны, воинской обязанности, военной службы и статуса военнослужащих, международные договоры Российской Федерации. На сегодняшний день можно говорить о наличии в стране правовой регламентации отношений, связанных с воинским учетом, обязательной подготовкой к военной службе, призывом на военную службу, ее прохождением, пребыванием в запасе, призывом на военные сборы и прохождением военных сборов в период пребывания в запасе. Наконец, вопросы борьбы с различными видами уклонения от прохождения военной службы связаны с трудностями в правильной квалификации содеянного и отграничения данного вида преступления от других преступлений.

Хотелось бы остановиться на проблеме, связанной с привлечением граждан к уголовной ответственности за уклонение от военной службы. Это – недостаточно четкое определение признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ (Уголовный Кодекс Российской Федерации). Статья 328 УК озаглавлена «Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы». Федеральный закон от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанно-

сти и военной службе» определяет военную службу как особый вид федеральной государственной службы, которую граждане РФ проходят по призыву или добровольно (по контракту). Объект этого преступления – установленный в государстве порядок управления в сфере исполнения воинской обязанности в форме военной службы.

Часть 1 ст. 328 предусматривает ответственность за «уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы». Под призывом на военную службу понимается ряд подготовительных мероприятий организационного характера, направленных на пополнение вооруженных сил путем отбора граждан и направления их для прохождения федеральной государственной службы. Толковый словарь русского языка применительно к этому случаю расшифровывает слова «призвать», «призыв» как требование явки на военную службу, привлечение граждан к выполнению воинской обязанности [3]. Таким образом, диспозиция рассматриваемой статьи существенно сужает признаки объективной стороны преступления по отношению к обозначенному в наименовании объекту посягательства. Действующие нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы военной службы и призыва на нее, не способствуют четкому толкованию и применению нормы уголовного права.

Части 1 и 2 ст. 26 Закона «О воинской обязанности и военной службе» под призывом на военную службу подразумевают:

призыв на военную службу граждан, не пребывающих в запасе;

призыв на военную службу граждан, зачисленных в запас с присвоением воинского звания офицера.

Первый вид призыва включает четыре мероприятия:

- а) явку на медицинское освидетельствование;
- б) явку на заседание призывной комиссии;
- в) явку в военный комиссариат для отправки к месту прохождения военной службы;
- г) нахождение в военном комиссариате до отправки к месту прохождения военной службы.

Второй вид призыва включает два мероприятия:

- а) явку на медицинское освидетельствование и к военному комиссару для принятия решения о призыве на военную службу;
- б) явку в военный комиссариат и получение предписания для убытия к месту прохождения службы.

Часть 3 ст. 26 упомянутого Закона гласит: «Граждане вызываются повестками военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу». Хотя закон и не раскрывает содержание понятия «мероприятия, связанные с призывом», но логика подсказывает, что призыв на военную службу состоит из мероприятий, связанных с призывом.

Часть 2 ст. 28 требует от призывной комиссии или военного комиссара направлять материалы прокурору «для решения вопроса о привлечении граждан к ответственности в случае уклонения от призыва на военную службу». А в ч. 4 ст. 31 записано: «В случае неявки без уважительных причин гражданина по повестке военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, указанный гражданин считается уклоняющимся от военной службы и привлекается к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Заметим: гражданин в ст. 28 рассматривается как уклоняющийся от призыва на военную службу, а в ст. 31 – уклоняющийся от военной службы, хотя понятия эти явно не равнозначны. При этом действующее уголовное и административное законодательство не предусматривает ответственности за «уклонение от военной службы». Следовательно, отсылка ч. 4 ст. 31 – не влекущая никаких последствий декларация.

Таким образом, если воспринимать закон буквально, то ответственность по действующей ч. 1 ст. 328 УК РФ может наступить только после неявки без уважительных причин по повестке на перечисленные выше призывные мероприятия и только в период времени, установленный для призыва. Однако известно, что решение о призыве принимается призывной комиссией только после медицинского освидетельствования, проведения других мероприятий и предшествует вручению повестки. Правомерна ли постановка

вопроса об уклонении призывника от призыва на военную службу, если в отношении него еще не принято решение о призыве и не известно, подлежит ли он призыву, обязан ли проходить военную службу? До вручения повестки на призыв можно говорить только об уклонении от исполнения определенных законом обязанностей, связанных с подготовкой к непосредственному направлению в вооруженные силы. И только вручение повестки на отправку можно рассматривать как призыв в полном смысле этого слова. Изучение многочисленных уголовных дел и материалов, поступающих из военного комиссариата на граждан, уклоняющихся от исполнения своей воинской обязанности, свидетельствует, что способы уклонения избираются самые разнообразные. Причем это не только неявки на мероприятия, связанные с призывом. Часто призывники под видом перемены места жительства скрываются от получения повесток и от сотрудников милиции, а родственники делают вид, что не знают о месте их жительства и не могут передать повестки. Некоторые, явившись на медицинскую комиссию, отказываются проходить осмотр и обследование у отдельных врачей из-за боязни постановки на учет либо не соглашаются с решением комиссии. Бывают случаи, когда призывники добросовестно являются, получают отсрочку или освобождение от службы, но в последующем выясняется, что они представили подложные документы. Перечисление способов, пользуясь которыми граждане избегают военной службы, может занять не одну страницу. Прокурорская и следственная практика свидетельствует, что умысел у подавляющего большинства нарушителей закона направлен не на уклонение от мероприятий, связанных с призывом. Все они стремятся уклониться от военной службы, выбирая для этого самые разные способы, один из которых – неявка на призывные мероприятия. В то же время очерченный законом круг обязанностей граждан по подготовке к службе гораздо шире, чем только участие в мероприятиях по призыву. Это обязанности, вытекающие из мероприятий по организации воинского учета, по обязательной подготовке гражданина к военной службе и др. Да и мероприятия, связанные с призывом, не ограничиваются лишь формальной явкой на них. Поэтому у каждого подлинного «уклониста» имеют место не единичные случаи неисполнения обязанностей, а длительные, систематические нарушения, объединенные единым умыслом.

В заключение хотелось бы отметить, что данные правонарушения посягают на установлен-

ный в государстве порядок управления. С точки зрения государства не имеет принципиального значения способ уклонения от службы, поскольку любые действия по уклонению влекут одинаковые последствия – некомплект в вооруженных силах и снижение обороноспособности страны. Поэтому кажется странным, что уголовный закон, провозгласив в качестве объекта преступления установленный порядок прохождения военной службы по призыву, одновременно предусматривает возможность привлечения к ответственности лишь за узкий круг действий, связанных с уклонением от призывных мероприятий.

На наш взгляд, действующая редакция ч. 1 ст. 328 УК РФ нуждается в значительной доработке в

части изменения признаков объективной стороны состава преступления. Более правильной, отвечающей требованиям правоприменения и интересам государства была бы, по нашему мнению, следующая ее редакция: уклонение гражданина РФ, достигшего восемнадцатилетнего возраста, от военной службы по призыву путем умышленного неисполнения обязанностей, предусмотренных законодательством о воинской обязанности и военной службе.

Подобная конструкция закона позволила бы исключить «пробуксовывание» прокурорской и следственной практики, перекрыла бы многочисленные лазейки и обходные пути, используемые нарушителями закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. – Спб.: Питер, 2011.
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»//Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 1998 г., № 20.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт “Советская энциклопедия”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Summary

DEVIATION FROM MILITARY SERVICE

A.A. Lopatenkov

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to the right aspect of appeal to military service in Russian Federation and to the problem concerning people attraction to criminal responsibility because of deviation from military service.

Key words: military service, deviation from military service.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ЭМБРИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Полянина А.К.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается юридический аспект проблемы защиты права на жизнь в период эмбрионального развития человека, даётся экскурс в историю вопроса и указывается на несовершенство современного законодательства в отношении данной проблемы.

Ключевые слова: право на жизнь, эмбрион, беременность, убийство.

Жизнь – основа всего сущего. Живое противоположно мёртвому. Живые реализуют право на жизнь безусловно. Право на жизнь охраняется законом. Никто не наделяется правом на жизнь, но все живущие имеют это право изначально. Однако что является началом возникновения этого самого главного права? Где и когда происходит начало рождения жизни человека? Что считать рождением? Это важнейшие вопросы, ответы на которые могут не только направить научную юридическую мысль, не только обосновать государственно-правовую защиту права человека на жизнь, но и определить социальную идеологию и социальное поведение.

Споры о правоспособности эмбриона вообще и его праве на жизнь, а, следовательно, и об охране со стороны закона этого права приобретают в науке всёвозрастающую интенсивность. Представляется, что ключевым моментом в исследованиях является определение момента рождения. Это отправная точка реализации прав, не только пребывающего в утробе матери, но и самой матери.

Исследователи этой проблемы придерживаются различных научных позиций. Некоторыми авторами выделяются три подхода к определению момента начала охраны человеческой жизни в законодательном порядке: абсолютистский, умеренный и либеральный¹. Придание оплодотворенной яйцеклетке (эмбриону) статуса человеческого существа – главный постулат сторонников абсолютистской позиции. Из этого вытекает и обязанность государства заботиться о состоянии эмбриона, то есть охранять его жизнь на любой

стадии развития. Фундаментальные посылы их теории таковы: «Тот, кто будет человеком, уже человек»², «Жизнь человека начинается с момента слияния ядер мужских и женских половых клеток и образования единого ядра, содержащего неповторимый генетический материал»³.

Либеральный взгляд на проблему связывает возникновение права на жизнь с возможностью обладания самосознанием субъекта права. Поскольку эмбрион приверженцами этой позиции лишается характеристик личности, постольку его существование имеет незначительную ценность и не должно быть охраняемо законом и государством. При этом возможность продолжения развития эмбриона многими авторами связывается с субъективным правом матери на прерывание беременности, как некоторой манипуляции со своим собственным телом. Так, Г.Б. Романовский считает, что «прерывание беременности, является непосредственно волевым действием матери, направленным на изгнание плода из своего тела механическим или иным путем», женщина может при этом причинить вред своему здоровью, но за это не должна нести ответственность⁴. Искусственное прекращение существования эмбриона отождествляется при этом с особенностями образа жизни матери, вредными привычками, способными нанести ущерб здоровью, но никак с покушением на жизнь или убийством. Н.В.Кальченко отмечает: «Народившийся плод, связанный с материнским организмом... вернее рассматривать как состав-

² Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthodox.org.ru/sd> 12r.htm

³ Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002. С. 456.

⁴ Романовский, Г. Б. Право на искусственное прерывание беременности :Значение вопроса /Г. Б. Романовский.//Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 41 – 45.

¹ Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона //Социальное и пенсионное право.-2006.-№1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocor.net/medicine/bz-sw/med-rmdav.htm>

ную часть организма женщины», которая имеет полное право определить его судьбу¹.

Так называемая умеренная позиция для возможности эмбриона иметь правоспособность предполагает выделение стадий развития эмбриона. Достигнув определённой жизнеспособности, конкретного срока развития, или обладая сформированной нервной системой эмбрион с точки зрения сторонников этой позиции «вправе рассчитывать» на защиту своего существования со стороны закона.

Несмотря на то, что ряд учёных всё же полагают начало жизни человека с моментом оплодотворения яйцеклетки, придают жизни эмбриона значимость, «...которая дает основание для ее защиты...»², другие авторы связывают возникновение права на жизнь у эмбриона, с «фактом рождения». Однако сам «факт рождения» последними авторами никак научно не определяется. В. Панкратов заключает следующее: «В настоящее время члены нашего общества достигли такого уровня самосознания, при котором они отдают себе отчет в том, что в первую очередь именно они вправе решать все вопросы, связанные с их здоровьем. В контексте рассматриваемого вопроса именно женщина, ожидающая ребенка, а не кто-нибудь иной способна решать, что ей делать с беременностью: рожать или прервать ее. И если женщина по каким-либо причинам решит прервать свою беременность, то только она обладает правом выбора – к кому обратиться за помощью»³. При этом Панкратовым проблема права на жизнь человека в период его внутриутробного развития сведена до уровня «вопросов здоровья». Беременность рассматривается им всего лишь как состояние организма женщины, а средства манипуляции с такими, которые сходны методами лечения болезни. Другими словами: «Если женщина захочет лечить свою такую «болезнь» – это её право, и если не захочет – это тоже её право». Принудить женщину к тем или другим действиям в отношении её организма, с точки зрения этого автора, никто не вправе. К сожалению, такое мнение находит подтверждение в законе. Статья 36 «Искусственное прерывание

беременности» (Основы законодательства об охране здоровья граждан) гласит: «Каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве».

Официально искусственное прерывание беременности в нашей стране легализовано 18 ноября 1920 года постановлением Наркомздрава и Наркомюста, согласно которому: «Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ей максимальная безвредность...». Однако уже 27 июня 1936 года «в целях повышения роста численности населения СССР» Центральный исполнительный комитет СССР и Совет народных комиссаров СССР принимают Постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». В 1955 году 23 ноября этот запрет снова был отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов»⁴. Как видно попытка сделать производство прекращения жизни эмбриона незаконным имело основанием лишь цель повышение роста численности населения, а никак не защиту жизни еще не рожденного человека.

Однако Декларация прав ребенка, принятая Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. говорит о том, что: «... Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»⁵. П. 2 ст. 17 Конституции РФ гласит: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Современное российское законодательство в некоторой степени касается вопроса определения момента рождения. Согласно Инструкции об определении критериев живорождения... от 4 декабря 1992 г. под рождением человека понимается полное изгнание или извлечение из организма матери плода, который появился на свет после 28 недель беременности, весит более 1000 г, дышит и проявляет другие признаки жизни. При этом

¹ Кальченко Н.В. Право человека на жизнь и его гарантии в РФ: дисс... канд. юр. наук: 12.00.02. Волгоград, 1995. С. 58.

² Крылова Н.Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2002. № 6. С. 44.

³ Панкратов В. Проблемы установления уголовной ответственности за незаконное производство аборта // Уголовное право. 2001. №3. С.41.

⁴ Романовский, Г. Б. Право на искусственное прерывание беременности :Значение вопроса / Г. Б. Романовский. // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 41 – 45.

⁵ Права ребенка: Основные международные документы. М.: Дом, 1992. С. 9.

умалчивается о «проявлениях признаков жизни» и до «извлечения плода из организма матери», тогда как эти факты (проявления признаков жизни) подтверждены медицинской наукой.

В уголовном законе РФ, по мнению некоторых исследователей, присутствуют некоторые предпосылки для установления уголовно-правовой защиты эмбриона¹, которые проявляются в выделении законодателем такого квалифицирующего признака преступлений, как их совершение в отношении беременной женщины². «Убийство, – пишет С.В. Бородин, – отнесено к числу совершенных при отягчающих обстоятельствах в связи с тем, что виновный, причиняя смерть беременной женщине, посягает фактически на две жизни – на жизнь потерпевшей и на жизнь будущего человека»³.

Современная цивилистика более того уже формально закрепляет некоторые права за ещё не родившимся человеком. Так, ст. 1116 Гражданского кодекса РФ гласит: «...К наследованию могут призываться граждане... зачатые при жизни наследодателя»⁴. Налоговое законодательство предоставляет налоговые вычеты (льготы) в отношении лиц, которые в момент аварии 1957 г. (и эвакуации в 1986 г. из зоны Чернобыльской АЭС находились в состоянии внутриутробного развития⁵. Право детей, зачатых при жизни по-

терпевшего, на обеспечение по страхованию признаётся и Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»⁶.

Таким образом, вопреки формулировке основного закона страны отдельные правовые нормы признают за человеком, находящимся на стадии внутриутробного развития способность иметь права. Существующее противоречие требует незамедлительного разрешения. Научные изыскания по вопросу определения момента рождения как юридического факта, с которым закон связывает возникновения права на жизнь обоснованы неисчислимым на сегодняшний день количеством актов по прекращению не просто беременности, а жизни ребёнка. Следовательно, более корректно называть такие акты не «искусственным прерыванием беременности», а «искусственным прекращением существования плода». При этом прерывается не только само состояние женщины – беременность, но и существование индивида, то есть происходит умышленное причинение смерти другому человеку, а именно – убийство.

Движение России по пути гуманного общества определяет защиту со стороны государства неотъемлемых прав личности её граждан. А право на жизнь – есть главнейшее из них. И лишение этого права только на основании недостаточно формальной определённости момента рождения несправедливо. Жизнь представителей следующих поколений россиян может в некоторой степени быть решена трудами современных исследователей.

¹ Крылова Н.В. Ответственность за незаконное производство аборт и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2002. N 6. С. 51-52.

² Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: дисс... канд. юр. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2002. С. 73.

³ Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2003. С. 103.

⁴ Гражданский кодекс РФ. Часть третья // Собрание законодательства РФ. 2001. N 49. Ст. 4552.

⁵ Налоговый кодекс РФ. Часть вторая // Собрание законодательства РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.

⁶ Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. 1998. N 31. Ст. 3803.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс РФ. Часть третья // Собрание законодательства РФ. 2001. N 49. Ст. 4552.
2. Налоговый кодекс РФ. Часть вторая // Собрание законодательства РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. 1998. N 31. Ст. 3803
4. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2003. С. 103.
5. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона // Социальное и пенсионное право. 2006. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocor.net/medicine/bz-sw/med-rmdav.htm>
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthodox.org.ru/sd/12r.htm>
7. Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002. С. 456.
8. Романовский, Г. Б. Право на искусственное прерывание беременности :Значение вопроса /Г. Б. Романовский.//

- Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 41 – 45
9. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь и его гарантии в РФ: дисс... канд. юр. наук: 12.00.02. Волгоград, 1995. С. 58.
10. Крылова Н.Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2002. N 6. С. 44.
11. Панкратов В. Проблемы установления уголовной ответственности за незаконное производство аборта // Уголовное право. 2001. №3. С.41.
12. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: дисс... канд. юр. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2002. С. 73.

Summary

**THE RIGHT TO LIVE IN A PERIOD
OF EMBRYONIC DEVELOPMENT OF A HUMAN**

A.K. Polyagina

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. Juridical aspect of the problem, concerning the right to live in a period of embryonic development of a human is examined in the article, the excursus to the history of a question is also given there and the author points out imperfections of modern law as for this problem.

Key words: the right to live, embryo, pregnancy, murder.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САМОЦЕННОСТИ ТАЙНЫ СВЯЗИ

Рязанов Н.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье освещаются вопросы, связанные с правовым обеспечением тайны связи – переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, указываются различные подходы к данной проблеме и существующие в современном законодательстве пути её решения.

Ключевые слова: тайна связи, частная жизнь, общественная безопасность.

Материалы и методы. В ходе написания статьи был использован диалектический метод познания, а также частно-научные методы: логический, сравнительно-правовой, технико-юридический. Материалом для данной работы послужили в первую очередь научные разработки уголовного права, принципы философии, работы таких ученых, как Мазуров Валерий Анатольевич, Бушков Денис Васильевич, Федотова Наталья Владимировна, Паршин Сергей Викторович. Нормативную базу составили: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, е подзаконные нормативные акты. Также были использованы постановления Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Самоценность тайны связи. По данному вопросу в науке существуют два мнения, первое – что тайна связи – это частный случай тайны личной жизни, второе – что тайна связи обладает самоценностью. По мнению Д.В. Бушкова, нарушение тайны личной корреспонденции является специальным случаем вторжения в частную жизнь (в виде незаконного собирания сведений, составляющих личную или семейную тайну) [4]. В науке также встречается мысль, что право на тайну связи производно от права на тайну личной жизни. Согласно мнению В.А. Мазурова статьей 137 УК РФ закреплен общий состав нарушения тайны частной жизни, а в статьях 138 и 155 УК – специальные составы [7]. Исследуя санкции, этот автор приходит к выводу, что специальные составы (ст.ст. 138 и 155 УК РФ) выделены для смягчения ответственности, что вызывает недоумение... [7], однако такое недоумение имеет место, если принять на веру постулат о том, что тайна связи – частный случай личной тайны. В тоже время И.Б. Григорьев приходит к выводу, что термин «право на тайну» является более широким по

своему содержанию, чем термин «право на неприкосновенность (тайну) частной жизни», так как наряду с тайной частной жизни включает и другие тайны (коммерческую, государственную) [5].

В диспозиции 138 статьи УК РФ не говорится о тайне личной жизни вообще. Эта статья охраняет опосредованное общение и не более того. Согласно нашему мнению статья 138 УК РФ имеет такое же отношение к личной тайне, как и к государственной и коммерческой тайне. Почему она находится в 19 Главе Уголовного кодекса «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»? Да потому что приоритетом для уголовно-правовой защиты является защита в первую очередь человека и гражданина, во вторую – общества и в третью – государства. Поэтому, данное преступление размещается в 19 главе. В этом свете можно поставить другие вопросы, например, почему нет уголовной ответственности за утрату документов, содержащих личную или коммерческую тайну?

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений конституционно отделено от права на тайну личной жизни. Эти права даны в основном законе Российской Федерации в разных пунктах. И это относится не только к нашей стране. В тоже время эти права конституционно объединены в 23 статье. Таким образом, с точки зрения законодателя, права на тайну личной жизни и тайну переписки отличны, но неразрывно связаны между собой. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений обслуживает в большинстве случаев именно человека и гражданина, но это не значит, что этим правом не пользуются различные организации и государство.

1.2 Тайна связи организаций. Вопрос не менее спорный и тесно связанный с проблемой самоценности тайны связи. Авторы, не признающие

самостоятельности права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений, скептически настроены и по поводу тайны связи юридических лиц. Например, по мнению Н.В. Федотовой, сведения, составляющие тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, должны носить частный (личный) характер... следовательно, не может считаться охраняемой тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений информация, содержащаяся в переписке, телефонных переговорах и иных сообщениях юридических лиц, государственных органов [9]. Нельзя не отметить здесь один нюанс, который касается слова «личный». Если заглянуть в толковый словарь, то можно просмотреть несколько значений данного термина: 1) осуществляемый самим, непосредственно данным лицом, данной личностью; 2) касающийся непосредственно какого-нибудь лица, лиц, принадлежащий какому-нибудь лицу; 3) лично, в значении частицы, обычно в сочетании с «я» (реже — с «ты», «вы», «он», «она»): что касается собственно меня (тебя, вас, его, её) (разг.) [10]. Таким образом, исходя из первых двух значений этого понятия, слово «личный» может относиться не только к физическим лицам, но и к юридическим. Что же касается третьего, так оно является разговорным и не может быть приемлемо к данной ситуации. Эта небольшая деталь иллюстрирует, что организация как и всякое лицо, пусть даже и юридическое, в буквальном смысле имеет отношение к личному. Однако, согласно мнению Т.В. Федотовой, отсутствует рассматриваемая тайна в переписке между людьми как частными лицами, с одной стороны, и юридическими лицами, государственными органами — с другой [9]. По мнению А.Н. Красикова, такие сведения теряют личностный характер и не могут составлять охраняемую тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как личного, неотчуждаемого права человека [6]. В то же время С.М. Паршин замечает, что поскольку применение уголовного закона по аналогии запрещается, корреспонденция юридических лиц остается лишённой защиты. На взгляд автора, это противоречит общественному принципу справедливости [8].

Действительно, если 138 статья УК РФ защищает именно личную тайну, почему в названии это не подчёркнуто? Оно сформулировано следующим образом: «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений». Здесь нет ни слова о том, что речь идет только о личной тайне. Что же каса-

ется диспозиции данной нормы, то С.В. Паршин справедливо отмечает, что, следуя буквально предписаниям ст. 138 УК, можно прийти к выводу, что тайна сообщений иностранных граждан или лиц без гражданства не должна защищаться российским уголовным законом. Однако подобный подход не соответствует ни Конституции, ни положениям международных нормативных актов в области прав человека [8].

УК РФ защищает помимо личной, еще коммерческую и государственную тайну (183 и 283 статьи соответственно). Возможно, здесь и произошла путаница: когда речь идет об организациях, создается иллюзия, что тайна их переписки и телефонных переговоров будет носить только коммерческий характер. Однако есть и некоммерческие организации. Ведь бывает коммерческая тайна в общении двух людей — индивидуальных предпринимателей, так почему не может быть наоборот? А как же часть 3 статьи 138? Она явно относится не только к личной тайне, и Конституционный Суд РФ об этом прямо заявил, указав, что в целях исключения нелегального оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и тем самым — нанесения ущерба безопасности государства, а также для предупреждения их использования на территории Российской Федерации органами и лицами, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, часть девятая статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что разработка, производство, реализация и приобретение в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, подлежат лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации. Аналогичное предписание содержится в статье 17 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3]. Тот факт, что Конституционный Суд РФ указал, что нелегальное распространение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, угрожает безопасности государства, говорит о многом. В частности и о том, что часть 3, а следовательно, и вся статья 138 УК РФ охраняет не только личную тайну. Однако этот аргумент в пользу самоценности тайны связи наиболее уязвим: недопустимо размещение в одной статье нескольких составов преступления, если только они не соотносятся как простой и квалифи-

цированный [8].

Предложения по поводу части 3 статьи 138 уже не новы. Например, С.В. Паршину представляется, что часть 3 статьи 138 УК РФ должна быть выделена в самостоятельную статью и размещена в главе о преступлениях против общественной безопасности [8]. Подобные предложения звучат уже довольно-таки долго, но они остаются без внимания законодателя, и на это есть свои причины. Как может быть выделено в совершенно другую главу преступление, напрямую затрагивающее права и свободы человека и гражданина? Сегодня мы говорим о новой редакции УК, о том, что согласно приоритету прав и свобод человека и гражданина, не должно быть дополнительных составов, касающихся прав и свобод человека в преступлениях против общества и государства. И на фоне такой проблематики, подобные предложения о выде-

лении и перенесении статей УК в частности из раздела VII «Преступления против личности» в IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» могут выглядеть архаично, как ненужный возврат к старому.

Выводы. Таким образом, можно сказать, что тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений не сводится только лишь к тайне частной жизни. Эти понятия взаимопроникают друг в друга, однако и у первого, и у второго остаются некоторые совершенно самостоятельные области. Таковыми для права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений являются, охраняемые этим правом, государственная и коммерческая тайна. Данное право охраняет тайну, содержащуюся в сообщениях, переписке, телефонных переговорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, N 4, ст. 445.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954, (ред. от 21.07.2011)
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 N 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других». «Собрание законодательства РФ», 11.04.2011, N 15, ст. 2191.
4. Бушков Д.В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве. – 12.00.08. Ставрополь, 2003.
5. Григорьев Д.Б. Конституционное право на тайну сообщений как элемент института неприкосновенности частной жизни в Российской Федерации. – 12.00.02. М., 2006.
6. Красиков А.Н. Преступление против личности. – Саратов, 1999.
7. Мазуров В.А. Уголовно-правовая защита тайны. – 12.00.08. – Барнаул, 2001.
8. Паршин С.В. Тайна в уголовном законодательстве: Теоретико-прикладное исследование. 12.00.08. – Н. Новгород, 2006.
9. Федотова Н.В. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. 12.00.08. – М., 2009.
10. Толковый Словарь Русского Языка электронный ресурс <http://www.vedu.ru/ExpDic/14440>

Summary

SOME QUESTIONS OF SELF-VALUE OF SECRET LINK

N.J. Ryazanov

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The questions concerning legal securing of secret link, as for correspondence, telephone calls, post, telegraph or other messages, are examined in the article; different approaches to this problem and the ways of its solving are also examined there.

Key words: secret link, private life, public security.

РАЗДЕЛ 4. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 2-264

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ КАК МОДЕЛЬ КОСМОСА В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Булавкин К.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена изучению космологических представлений восточных славян на основе интерпретации самого известного артефакта, связанного с языческой культурой Древней руси – Збручского идола. По мнению большинства учёных, каменный идол, найденный в середине 19 века в реке Збруч, является языческой моделью мироздания и может служить своеобразной энциклопедией образов восточнославянской мифологии.

Ключевые слова: восточные славяне, Древняя Русь, язычество, мифология, религия, монотеизм, мировоззрение.

Термин «язычество» восходит к старославянскому «языцы» – народы, имеющие свой собственный язык, культуру, мировоззрение, письменность. То есть, язычество – это, буквально, «религия народов» или «народная религия». При множестве значений термина в христианской культуре этим словом обычно обозначают народные верования, предшествующие христианству. К сожалению, проблема изучения славянской языческой культуры осложнена рядом культурно-исторических факторов в первую очередь крайне негативным отношением христианской церкви к языческому наследию: на протяжении многих веков идеологического господства церкви в сфере духовной культуры все материальные свидетельства народной религии были подвергнуты сознательному уничтожению, чтобы вытравить из памяти народа древние традиции и обычаи, объявленные церковью «бесовскими» и «звериными». Многовековая борьба русской православной церкви с пережитками язычества привела к почти полной утрате наследия древней народной культуры, которую современным учёным приходится восстанавливать по крупицам.

Учёные реконструируют славянскую мифологию по различным источникам. Во-первых, это письменные источники. Тексты византийских авто-

ров VI–X веков: Прокопий Кесарийский, Феофилакт Симокатта, Константин Багрянородный, Лев Диакон и др. Западноевропейские авторы IX–XIII веков: Баварский Географ, Титмар Мерзебургский, Гельмольд, Саксон Грамматик и др. Арабские авторы IX–XIII веков: аль-Масуди, Ибн Фадлан, Ибн Русте и другие. В скандинавских сагах XIII века, в Старшей и Младшей Эдда также имеются сведения, которые могут быть использованы для реконструкции славянского язычества. Используются также древнерусские, западнославянские (Козьма Пращский) и южнославянские источники XI–XV веков: летописи, поучения и наставления против язычников (Кирилл Туровский, Кирик Новгородец и другие) и вставки в переводную литературу, в том числе в апокрифы. Особое место среди литературных текстов занимает «Слово о полку Игореве», в котором отразился значительный пласт языческих представлений.

Во-вторых, надёжным подспорьем в изучении язычества служат письменные источники XV–XVII веков и фольклорные источники XVIII–XX веков, которые менее приближены к изначальному язычеству, но содержат в себе ряд сведений более ранних, не дошедших до нас, источников, а также развернутые записи легенд,

сказок, былин, заговоров, быличек и бывальщин, пословиц и поговорок, по которым возможно реконструировать древнюю мифологию. В России XVI–XVII веков некоторые сведения записали западные дипломаты, военные и путешественники (Сигизмунд Герберштейн, Олеарий и другие). Среди фольклорных сюжетов к язычеству обычно относят былины о Святогоре, Потыке, Вольге (Волхе), Микуле; сказки о Кашее Бессмертном, Змее Горыныче, Бабе Яге, Алёнушке и Иванушке. Среди авторитетных исследователей фольклора ведущая роль принадлежит таким учёным, как И.П. Сахаров, А.Н. Афанасьев, Д.К. Зеленин, В.Я. Пропп и другие.

Не менее важными оказываются сведения языкознания, сравнительного религиоведения и изучения мифологических сюжетов у других народов. Помимо всемирного авторитета в этой области Дж. Дж. Фрэзера, можно назвать С.А. Токарева, В.Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова. Большой интерес представляют также материалы этнографического характера, связанные с изучением пережитков язычества в народной культуре.

Более достоверны, но менее информативны археологические источники: сведения раскопок культовых мест, находки идолов, ритуальных предметов, украшений, языческих символов, надписей с упоминанием о языческих богах или язычниках, остатки жертвоприношений и ритуальных действий. Именно к этой категории памятников относится и Збручский идол, избранный нами в качестве объекта исследования. Значительный вклад в изучение языческих древностей внесли Л. Нидерле, А.Н. Лявданский, И. Херманн, Е. Кяссовская, Е. Гяссовский, В. Лосинский, А. Лапинский, В.Й. Мансика, В.В. Седов, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, И.С. Винокур, П.П. Толочко, Д.Н. Козак, Я.Е. Боровский, Б.А. Тимошук, И.П. Русанова, Н.И. Толстой, Л.С. Клейн и другие. В своей работе мы опираемся прежде всего на трактовку изображений и символики Збручского идола, предложенную знаменитым русским археологом и историком, академиком РАН Б.А. Рыбаковым в его монографии «Язычество древних славян» (М., 1981).

Цель данной работы – реконструировать мифологическую картину мира восточных славян на примере одного из немногих дошедших до нас памятников древней языческой культуры – Збручского идола.

Задачи исследования:

Описать изображения и символы, нанесённые на поверхности Збручского идола, и представить их интерпретацию в свете наших знаний о верованиях и

космологических представлениях восточных славян.

На основе символики Збручского идола реконструировать языческую модель космоса и религиозно-мифологические представления наших предков.

Путём сравнительного анализа Збручского идола с аналогичными памятниками других индоевропейских культур показать универсальность языческой картины мира восточных славян и её близость космологическим представлениям других народов арийского корня.

Методы исследования:

Системно-структурный – предусматривает изучение Збручского идола как знаковой системы, состоящей из отдельных смысловых элементов, образующих целостную структуру.

Сравнительно-исторический – предполагает сравнение изучаемого памятника славянской языческой культуры с аналогичными явлениями в других мифологических традициях.

Актуальность и научная новизна работы обусловлены недостаточной освещённостью в системе современного образования проблемы древнерусского языческого наследия. Материалы данного исследования могут быть использованы на уроках отечественной истории, мировой художественной культуры, обществознания.

Збручский идол и Збручское святилище

Збручский идол (рис. 1) был найден у села Гусятин в реке Збруч (приток Днестра) в 1848 году. Идол представляет собой четырёхгранный столб высотой 2,67 м, высеченный из серого известняка. Столб разделен на три яруса, на каждом из которых высечены различные изображения. Идол венчает круглая шапка. Дата создания идола – приблизительно X век. Хронологически дата создания идола совпадает с периодом существования Збручского культового центра, расположенного на горе Бохит. В настоящее время Збручский идол хранится в Краковском археологическом музее. В Москве, Киеве, Гродно, Варшаве, Вильнюсе и Тернополе имеются копии идола в натуральную величину.

Этот единственный в своем роде памятник вызвал огромный интерес в научном мире, было высказано много противоречивых мнений относительно его назначения, датировки, этнической принадлежности. Между тем успешное решение данных вопросов было возможно лишь при условии, если Збручский идол окажется связан с определенным культурным слоем. Такую задачу поставила перед собой Прикарпатская экспедиция Института археологии АН СССР, которая с 1984 года начала сплошное археологическое об-

следование местности, где был обнаружен идол. Раскопки позволили представить общую картину Збручского святилища¹.

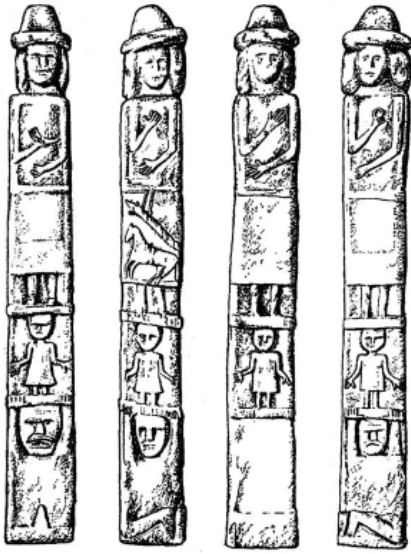

Рис. 1. Збручский идол.

К северу от г. Гусятин, между р. Збруч и впадающей в нее р. Гнилая, расположена холмистая возвышенность Медоборы, покрытая лесом. Здесь, в 5 км от с. Городница Гусятинского р-на, на самом высоком холме, называемом местными жителями горой Богит (её высота над уровнем моря 428 м), и вокруг этого холма выявлен комплекс восточнославянских памятников X–XIII вв. Вершину горы занимает городище, на котором открыты культовые сооружения; у ее подножия расположены могильник и пять селищ. Сооружения на городище, его валы и рвы очень хорошей сохранности и лишь в незначительной мере повреждены окопами первой мировой войны.

Самая высокая точка на городище находится на его западной площадке, отделенной первым поперечным валом. Эта площадка имеет почти треугольную форму и размеры 70 на 50 м. В ее центре на самом высоком месте открыто сооружение из камней (диаметр его 17 м). Оно поднималось над уровнем окружающей почвы на 50–60 см. При расчистке в центральной части выявлен круг диаметром около 9 м, поверхность которого выложена булыжником и кое-где выступающими более крупными камнями. К центральной площадке со всех сторон симметрично примыкают восемь корытообразных и овальных в плане углублений диаметрами 3–5 и глубиной до 1 м от поверхности круга и 40–60 см от уровня окружающей

почвы. В северной части сооружения между углублениями и среди каменной вымостки оставлен проход к центру круга шириной 1 м. Вход вел к центральной столбовой яме, имеющей квадратную в плане форму со сторонами и глубиной 50 см. Ее стенки выложены крупными камнями.

Все это довольно сложное в плане сооружение, по-видимому, следует рассматривать как пьедестал для идола, который мог стоять в центральной яме: величина квадратного основания идола со стороной около 30 см соответствует размерам этой ямы. Возможно, еще один идол стоял в углублении 3 к югу от центрального идола, напротив входа. В этом углублении среди камней находилась такая же столбовая яма. Круглые пьедесталы для идолов характерны для восточнославянских святилищ. Например, круглые площадки обнаружены на святилище в Перыни под Новгородом и на Красногорском святилище.

Западная часть городища, где находились описанные выше культовые сооружения, была со всех сторон окружена валами, на вершинах которых были устроены специальные площадки для ритуальных огней. Наличие площадок и характер находок на них позволяют утверждать, что на культовых валах во время языческих богослужений и общественных жертвоприношений «огонь неугасающий из дубового древня непрестанно паляху»². Западная часть площадки городища имела чисто культовое значение и являлась капищем, никаких жилых построек на ней пока не обнаружено.

Збручское святилище находилось в окружении синхронных ему селищ, обнаруженных в трех местах на склонах горы Богит. Судя по материалам раскопок, окрестности Збручского святилища были густо заселены. Таким образом, сложная структура комплекса, его величина и внушительность, уникальность фигуры идола заставляют рассматривать Збручское святилище как центр, к которому тяготело население большой округи.

В жизни Збручского святилища выделяются два основных периода: 1) X–XI вв. — время нормального функционирования святилища, когда были сооружены и активно действовали все его объекты; 2) XII – первая половина XIII в. — этап постепенного угасания святилища. В последний период были оставлены жилища слугителей культа на городище, стала постепенно замирать жизнь на окружающих поселениях. Все же до середины XIII в. язычники посещали святилище и

¹ Подробнее см.: Русанова И.П., Тимошук Б.А. Збручское святилище (предварительное сообщение). // Советская археология, 1986, № 4, с. 90–99.

² Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 2. с. 207.

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ КАК МОДЕЛЬ КОСМОСА В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

совершали здесь культовые обряды, продолжали функционировать и длинные общественные дома на городище.

Почитание святилища и жертвоприношения на капище в углублениях каменного пьедестала и жертвенника могли продолжаться лишь в том случае, если главное почитаемое изображение божества еще стояло на месте. Его сняли с капища в середине XIII века в связи с какой-то опасностью, угрожавшей изваянию, и спрятали в реке Збруч возле горы Соколиха, в 2 км от святилища. Идола транспортировали по сильно пересеченной местности, но сумели сохранить изваяние неповрежденным.

Языческие культы, отправлявшиеся на городище, были достаточно развиты и сложны. Здесь находились специальные места для жертвоприношений, горели ритуальные огни, в больших длинных домах совершались пиршества, производились захоронения умерших, какие-то обряды были связаны и с колодцами, выбитыми в скалах. Языческий культ требовал специальных служителей, они могли жить на городище в особых постройках. Сложному языческому культу вполне отвечало Збручское изваяние, которое, по выражению Б.А. Рыбакова, представляет собой целый «философский трактат, написанный резцом и кистью на серых гранях известнякового камня»¹. О чём же повествуют нам изображения на Збручском идоле?

Интерпретация образов збручского идола в контексте индоевропейской мифологической картины мира

На фоне того, что нам известно о славянских идолах как по реальным находкам, так и по древним описаниям, совершенно исключительным оказывается Збручский идол, представляющий собою не изображение какого-либо отдельного божества, а дающий целую космогоническую систему, чётко сложившуюся к IX веку.

Верхняя часть идола оформлена в виде округлой шапки с меховой опушкой, под шапкой расположены четыре лица. Идол разделен на три горизонтальных яруса. Высота верхнего яруса – 160 см, среднего – 40 см, нижнего – 67 см. Таким образом, на идоле имеется 12 отдельных секций. Одна из секций нижнего яруса пуста, остальные же 11 содержат по одному изображению.

На грани нижнего яруса, противопоставленной пустой, изображён усатый мужчина, стоящий

на коленях и поддерживающий обеими руками средний ярус. На двух прилегающих гранях нижнего яруса эта же фигура показана сбоку, и обращена коленями к пустой грани. Таким образом, представляется возможным определить лицевую сторону всего идола.

Верхний ярус содержит крупные изображения двух женщин и двух мужчин в длинной подпоясанной одежде. Одна женщина изображена с рогом, вторая – с кольцом. Мужчины соответственно изображены один – с конём и мечом, второй – с солярным знаком на одежде – кругом с шестью лучами внутри него.

Средний ярус схож с верхним, однако его фигуры значительно мельче. Фигуры также разделяются по полу – под женскими фигурами верхнего ряда также изображены женские, под мужскими – мужские. Одежды людей также длинные, но без пояса. Фигуры изображены с расставленными руками, как бы образуя хоровод.

Рассмотрим верхний ярус. На главной лицевой грани изваяна женская фигура с рогом изобилия в правой руке. Женская фигурка этой грани в среднем ярусе сопровождается маленьким плоско-рельефным изображением ребенка. Завершается внизу эта грань, как уже говорилось, фигурой мужчины, поддерживающего весь средний ярус. Разномасштабность фигур верхнего и среднего яруса говорит в пользу того что наверху изображены боги и богини, а под ними – простые люди. Боги в три с половиной раза крупнее людей. Стоящий на коленях персонаж нижнего яруса должен быть причислен к богам, так как, если распрямить его согнутую фигуру, то она будет точно соответствовать божествам верхнего яруса. Рядом с центральной богиней с рогом изобилия, по её правую руку находится еще одно женское божество с кольцом или браслетом в правой руке. По левую руку центральной богини изображена мужская фигура с саблей (точнее – с палашом) и конем без седла. На задней грани идола помещено мужское божество с солярным знаком на одежде. Такова схема распределения 11 изображений.

Судя по сохранившимся описаниям, ближайшим аналогом Збручского изваяния является идол бога Святовита (Свентовита), который располагался в святилище полабских славян в городе Аркона на острове Рюген. Этот не сохранившийся идол так описан датским хронистом 12 века Саксоном Грамматиком: «В здании огромное изваяние, во всем подобное человеческому телу, но величиной превосходившее, удивляло четырьмя головами и столькими же шеями, из которых две видны были со стороны груди, две — со спи-

¹ Рыбаков Б.А. Искусство древних славян. – В кн.: История русского искусства. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

ны. И спереди, и сзади одна голова вправо, другая влево смотрела. Косматые бороды, подстриженные волосы показывали, что искусство художника подражало обычаю рюан в уходе за головой. В правой руке [бог] держал рог, изготовленный из разного рода металлов, который жрец этого святилища обычно каждый год наполнял вином, чтобы предсказать по уровню жидкости урожай будущего года. Левая рука наподобие лука упиралась в бок. Рубаха ниспадала до голеней, которые, из разного рода дерева сделанные, так скрыто в коленях соединялись, что место скрепления нельзя было заметить иначе как при тщательном рассмотрении. Ноги касались земли, а их основы скрывались в грунте. Невдалеке были видны узда и седло бога и многие знаки его божественности. Из них вызывал удивление заметной величины меч, ножны и рукоять которого, помимо превосходного резного декора, украшали серебряные детали»¹ (Саксон Грамматик, «Деяния данов», XIV).

А.С. Фаминцын и М. Вейгель справедливо усматривали в збручской композиции отражение идеи трёх миров: весь верхний ярус – небесный бог, четвероликий Святovit, подобный арконскому. Средний ярус – земля; нижний – преисподняя, Чернобог. При этом получалась некоторая несообразность: один Святovit оказывался созданным из двух женщин и двух мужчин, что не имело никакой опоры в описаниях идола Святovита и функций самого божества католическими миссионерами. Гипотеза Фаминцына была забыта, а между тем в ней содержалось единственно верное решение, находящее опору в средневековых источниках. В Щетине у балтийских славян был идол Триглава. Возможно, что такое примитивно-описательное наименование связано лишь с табу на подлинное сакральное имя, но жрецы объясняли его трехголовость так: «Они (три главы) означают, что наш бог управляет тремя царствами: небесным, земным и преисподнею»².

Именно это мы видим на Збручском идоле:

Верхний ярус – божества, находящиеся на небе. С ним соотносится славянское представление о небесном рае – Ирии.

Средний ярус – люди земли. В скандинавской мифологии этот уровень мироздания называется Мидгард – «средний мир», мир людей.

Нижний ярус – божество, поддерживающее землю с людьми. отождествляется с нижним миром, миром умерших.

Все три царства налицо. Подобная трёхчаст-

ная структура мироздания характерна почти для всех индоевропейских народов и для традиционной культуры в целом. В мифологической традиции она также соотносится с образом Мирового Древа, поделённого на три зоны: крона – небо, ствол – земля, видимый мир, корни – подземный мир. Таким образом, трёхчастное деление Збручского идола явно указывает на его космологический характер.

Для расшифровки религиозного содержания збручского идола и для определения его места в славянской мифологии нам необходимо, во-первых, разгадать каждую из пяти фигур божеств, а, во-вторых, определить общий смысл всего одиннадцатифигурного комплекса. Главной фигурой на лицевой грани является богиня с рогом изобилия (рис. 2); вторая, соседняя с ней, находится в подчиненном положении. По мнению Б.А. Рыбакова, который приводит достаточно веские аргументы в пользу данной трактовки³, богиня с рогом изобилия – это Макошь (Мокошь), богиня плодородия, «Мать урожая», а богиня с кольцом – Лада, богиня весны, весенней пахоты и сева, покровительница брака и любви. Образы этих славянских богинь исторически восходят к древней мифологеме Великой Богини-Матери, культ которой известен со времён верхнего палеолита у многих народов Евразии. Такой атрибут, как рог («рог изобилия»), мы встречаем и у знаменитой *Венеры Лоссельской* (около 25 000 лет назад, обнаружена в 1911 г. на раскопках у пос. Лоссель (Laussel), департамент Дордонь, Франция, рис. 3), и у скифских каменных изваяний (рис. 4), и у древнеримской богини плодородия и судьбы Фортуны (рис. 5).

Рис. 2. Мокошь на Збручском идоле

Рис.3. Венера Лоссельская

¹ Цит. по: http://rujan.jino-net.ru/article.php?id=1_1

² Гильфердинг А. История балтийских славян. СПб., 1874, с. 167.

³ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян, с. 379-392 (Макошь); с. 393-416 (Лада).

Рис. 4.

Не представляет трудности определение мужской фигуры с оружием. Конь и сабля-палаш (датируемая археологически IX в.) позволяют назвать только Перуна, бога грозы и войны, покровителя князя и дружины, воина-громовержца, именем которого русские бояре клялись, положив обнаженные мечи.

Задняя грань с мужской фигурой наверху и с пустой нижней секцией представляет особый интерес, так как на одежде бога слабым рельефом изображен крупный (но малозаметный) знак солнца – круг с шестью лучами внутри него. Божество со знаком солнца может быть или Хорсом, божеством самого светила, или же Дажьбогом, богом солнечного «белого света», подателем благ, названным в летописи мифическим царем, сыном небесного Сварога, «именем Солнце, его же наричают Дажьбог». Солнце и «белый свет» четко различались древнерусскими людьми; солнце-светило рассматривалось лишь как субъект света, а сам свет вселенной оценивался как «неосягаемой», т. е. без видимого источника. Здесь, в збручских рельефах, безусловно следует предполагать именно Дажьбога, славянского солнечного Аполлона, для которого солнечный символ был не сущностью, как для Хорса, а лишь опознавательным знаком, помещенным поэтому не в руках, как атрибуты у обеих богинь, а лишь на его одежде. Не исключена и такая трактовка, согласно которой Хорс и Дажьбог могут рассматриваться как две ипостаси (или два имени) одного – солярного – божества восточных славян.

Мужское божество, держащее на своих плечах всю землю, а следовательно, находящееся под землей, может быть сопоставлено, следуя указаниям лингвистов, с Велесом-Волосом, одна ипостась которого связана с подземным миром умерших¹ Велес, хотя и был связан с подземным

¹ См.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. – ИОРЯС, XV, 1889, т. 46, № 6, с. 296–297.

Рис. 5. Фортуна.
Древнеримский динарий,
3 век н.э.

миром, но отнюдь не являлся враждебным божеством, а наоборот, был «скотским богом», т. е. богом богатства, обилия. Его имя тоже звучало в Константинополе при торжественном заключении договоров Византии с Русью. Несовместимые на первый взгляд понятия «мертвый» и «богатство» сближались в языческом миропонимании через посредство такого звена, как «предки», «деды», «чурь» – они умерли, прах их закопан в земле, но они помогают оставшимся в живых, к ним, заложившим фундамент хозяйственного благополучия потомков (расчистили пашню, построили дом, обжили уголья), постоянно обращаются с просьбами, к ним на кладбище приносят дары.

Славянский скульптор IX века очень остроумно изобразил этого бога, бережно поддерживающим землю с хороводом людей на ней. Благодаря тому, что к одной фигуре этого бога, показанной на трех гранях, художник прибавил по одному лицу на каждой боковой грани, этот бог получил «триглавом».

В итоге Збручский идол дал нам целый пантеон славянских божеств IX–X вв.

Не менее важным, чем выяснение отдельных персонажей идола-комплекса, является установление той общей идеи, которая связывает отдельные сюжеты в единое целое. Эта идея уже намечена тем, что изваяние наглядно изображает картину вселенной средневекового славянина с её тремя мирами – верхним небесным божественным, средним – земным, человеческим, и нижним миром предков и земных глубин. Следовательно, речь идет еще об одном божестве, которым объединены все ярусы Вселенной и все основные виды покровителей человеческой жизни. Незримые силы объединены по вертикали трех миров и по важнейшим для человека функциям: свет, изобилие, плодovitость, безопасность и покровительство предков.

Если учесть четырехгранность и четырехликость всей композиции, то придется добавить, что скульптором или жрецами, которые им руководили, учитывалась и наземная, географическая повсеместность, стремление распространить эманацию своей силы «на все четыре стороны». Четыре стороны света – полдень и полночь, восход и закат – были известны еще с глубокой древности. В славянском язычестве мы знаем четырехликих идолов с первых веков нашей эры. В русском средневековом искусстве очень част символический узор из четырех ростков (символ жизни и роста), обращенных «во все четыре

стороны»¹. В то же время круглая сферическая шапка, венчающая идол, выступает универсальным, встречающимся во многих культурах мира символом небесного свода; таким образом, квадратное основание и круглое завершение идола указывают на его посредническую функцию сакрального объекта, соединяющего Небо и Землю. Те же сакральные геометрические символы впоследствии будут использованы в православной архитектуре: квадратное в плане здание крестово-купольного храма обязательно завершается круглым барабаном со сферическим куполом.

Последнее, что следует сказать о Збручском идоле, который, как явствует из всего изложенного, является всеобъемлющим божеством Вселенной, – это его общий облик. Общий облик его – фаллический. Его отношение к культуре «срамных уд», которые «в образ створены» и которым приносят жертвы и поклоняются, подчеркнута окраской всего истукана в *красный* цвет. Следы белой покраски до сих пор сохранились в разных местах изваяния и могут быть обследованы в том специальном зале, который отведен збручскому идолу в Краковском Археологическом музее.

По мнению Б.А. Рыбакова, взятые в совокупности все признаки этого замечательного создания древнеславянской теологии позволяют назвать восточнославянское имя всеобъемлющего и вездесущего бога. Это – Род, сопоставлявшийся русскими писателями XII века с вавилонским Ваалом, египетским Озирисом и Саваофом, Род, находящийся на небе и вдувающий жизнь во все живое и имеющий вид лингама, фалла.

С именем Рода связан широчайший круг понятий и слов, в которых корнем является «род»: Род (семья, племя, династия), природа, народ, родить, рожать, Родина, урожай, родник – водный источник, родрый (древнерусск.) – красный, «рдяный» (сравн. со словом «руда» – букв. «красная», имеющее соответствия во многих индоевропейских языках, напр, англ. *red*, франц. *rouge*, датск. *rød*, исл. *raudur*).

Эти слова образуют один семантический комплекс, связанный с понятием рождения, плодovitости. С этим кругом связано то, что в полемике с язычниками, почитателями Рода, русский церковник вынужден был сказать «всем бо есть творец бог, а не Род», уравнивая в этом отрицании двух претендентов на звание творца мира: Рода и библейского бога. Таким образом, древнего славянского бога Рода мы должны расценивать именно

как божество Вселенной.

Все изображения, вся система рельефов на теле основного идола (символа продолжения жизни) – Рода – гармонически сливается в обобщенный образ Вселенной. Здесь очень четко и ясно изображены в языческих символах все три мира: небесный, земной и подземный. Люди, создатели и поклонники этой системы управления мирами, со всех сторон окружены богами-покровителями: сверху божествами небесной сферы, снизу – подземного мира. Кроме того, четырехликий, но единый в своих ипостасях бог смотрит своими ликами (под одной общей шапкой) «на все четыре стороны».

Как видим, славяне в эпоху формирования Киевской Руси знали не только поклонение тому или иному отдельному божеству, но и создали систему языческого понимания макрокосма при посредстве синтеза отдельных его миров и найденной для этого скульптурной формой синтеза в виде символа жизни – Рода.

Идея монотеизма в его патриархальной, мужской форме возникла до христианства, совершенно независимо от него и, по всей вероятности, задолго до него. Углубить представления о Роде на три столетия от збручского изваяния позволяет текст Прокопия Кесарийского о религии древних славян (сер. VI в. н. э.): «Они (анты и славяны) считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают...»². В научной литературе укоренилось толкование этого «единого бога», как Перуна, который стоял во главе пантеона Владимира. К сожалению, сторонники Перуна забыли, во-первых, обоснованный тезис Е.В. Аничкова о том, что Перун – княжеский, военнo-дружинный бог, поздно выдвинувшийся на первое место³, а, во-вторых, то, что сомнения в том, что Прокопий подразумевал Перуна, были высказаны еще в 1874 А. Гильфердингом, писавшим: «Прокопий, кажется, здесь смешал в изображении верховного славянского бога, властителя молний и мира, два лица: бог молнии, которого называли Перуном, был действительно у славян верховным богом природы и располагал жизнью и смертью людей; но над ним они признавали бога неба, который был выше его, но ему (Перуну) предоставил мир земной. Это высшее божество называли просто Богом и, вероятно, также Сварогом»⁴.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 297.

³ См.: Гаврилов Д.А. Ермаков С.Э. Древние боги славян. М., 2011. С. 45–52.

⁴ Гильфердинг А. История балтийских славян.

¹ См.: Рыбаков Б. А. Прикладное искусство. – В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л., 1951.

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ КАК МОДЕЛЬ КОСМОСА В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Поэтому слова Прокопия о едином верховном божестве, «творце молний», вполне могут быть отнесены к Роду или к Святовиту, или к Стрибогу, повелевающему ветрами, «стрибожьими внуками», т. е. к разным наименованиям одного и того же верховного божества, бога неба (в том числе и грозových явлений) и всей Вселенной с её тройственной стратиграфией.

Имена *Сварог* («Небесный», «Творец», сравн. с санскр. «Сварга» – небо, с русск. «сварганить» – создать, сотворить), *Стрибог* (по одной версии, этимология этого имени восходит к понятию «Старый Бог», в значении «Бог-Отец» и здесь уместно сравнение с римским Сатурном, по другой, к глаголу «строить», т.е. бог-строитель¹), *Род* («Рождующий»), *Дый* (варианты: Дий, Див), *Святовит* – это эпитеты одного Бога-Творца, Демиурга, который порождает Вселенную и пронизывает своим оплодотворяющим дыханием все её уровни, воплощаясь в мириадах существ, обитающих в разных мирах.

Такое представление о едином Боге, который может выступать под различными именами и в разных ипостасях, было присуще не только славянской языческой картине мира, но и находит аналогии с более древней религиозно-философской концепцией индуизма, в которой высший бог – Махавишну (Брахман, или Ишвара) предстаёт в трёх ипостасях – Брахма (творец Вселенной), Вишну (хранитель Вселенной) и Шива (разрушитель мира) – и соприсутствует в каждом живом существе в виде неуничтожимой божественной частицы – Атмана.

Подобная аналогия не только уместна, но и вполне обоснована, если вспомнить, что у индийской и славянской культур общие корни, что все мифологические представления индоевропейцев-ариев имеют общее происхождение, обусловленное древним языковым и кровным родством большинства народов Евразии. Заметим также, что священные столбы фаллической формы – лингамы, напоминающие Збручский идол – до сих пор остаются объектами почитания во многих регионах Индии, а один из главных богов индуизма, входящий в божественную триаду – Тримурти, – бог-творец Брахма (рис. 6, 7) изображается четырёхликим, подобно славянскому Сварогу-Роду-Святовиту.

Рис. 6 – 7. Изображения Брахмы. Камбоджа.

Всё сказанное позволяет нам сделать целый ряд существенных выводов.

Во-первых, сравнительный анализ изображений и символики Збручского идола указывает на глубокое родство образов славянской мифологии с космологическими представлениями других индоевропейских народов, что лишний раз подтверждает идею их древнего родства и общего происхождения. Данный факт позволяет в корне опровергнуть поддерживаемую некоторыми западными историками и социологами идею исторической «молодости» (а следовательно, культурной отсталости и цивилизационной незрелости) русского и других славянских этносов.

Во-вторых, сложная и упорядоченная космологическая система, которая представлена на гранях Збручского идола, свидетельствует об отнюдь не примитивном уровне развития религиозно-мифологических представлений наших предков, каким нередко пытаются представить славянское язычество идейные его противники. Напротив, эта система верований во многом перекликается с базовыми концепциями индуизма – одной из наиболее развитых в идейно-философском отношении религиозных систем древнего мира.

В-третьих, сама форма Збручского идола и, в частности, одна из его важнейших деталей – венчающая идол круглая шапка, известная на Руси как древний княжеский головной убор – символ верховной власти («шапка Мономаха») – неопровержимо доказывает, что идол изображает по сути *одного Бога*, то есть явно свидетельствует о существовании в контексте позднего славянского язычества самого настоящего монотеизма. Это заставляет нас пересмотреть привычные и столь часто повторяемые в различной литературе суждения о язычестве как многобожии и, следовательно, более примитивном мировоззрении, чем христианство и другие монотеистические религии.

М., 1885, с. 153.

¹ См.: Гаврилов Д.А. Ермаков С.Э. Древние боги славян. М., 2011. С. 45–52.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
2. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
3. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Збручское святилище (предварительное сообщение). // Советская археология, 1986, № 4, с. 90-99.
4. Семёнова М. Быт и верования древних славян. М., 2000.
5. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2004.
6. История культуры древней Руси. М.; Л., 1951.
7. Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону, 1995.
8. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Русь ведическая. М., 2004.
9. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М., 2007.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1991. Гаврилов Д.А. Ермаков С.Э. Древние боги славян.

Summary

ZBRUCHSKIY IDOL AS A MODEL OF SPACE IN PAGAN IDEOLOGY OF EAST SLAVS

K.V. Bulavkin

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to studying of space investigations of east slavs on the basis of the interpretation of the most famous artifact, connected with pagan culture of ancient Russia. In the opinion of many scientists the stone idol, which was founded in the middle of the nineteenth century in a river Sbrouch is a pagan model of the universe and can be an encyclopedia of modes in east Slavonic in mythology.

Key words: east slavs, ancient Russia, pagancy, mythology, religion, monotheism, ideology.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИТЧ ХРИСТОВЫХ В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Трошина А.Е.

МОУ СОШ № 4, г. Павловский Посад

Аннотация. В статье рассматривается методика изучения евангельских притч на уроках литературы в 6 классе, раскрывается значение подобных уроков в процессе нравственного воспитания личности.

Ключевые слова: притча, Евангелие, аллегория, нравственность, традиция, православие.

В программе по литературе (6 класс) в разделе «Для чтения и обсуждения» отведено место знакомству учащихся с Библией, где рекомендовано познакомить учащихся с текстами о Рождестве Иисуса Христа и с притчами о блудном сыне и добром самарянине. Тексты притч в учебнике по литературе для 6-го класса адаптированы, что, по моему, глубоко ошибочно. «Притча не бывает понятна вне контекста. Именно притчи нельзя вырывать из евангельского контекста: они задыхаются, мельчают... Чтобы евангельские притчи, пересаженные в нерелигиозную обстановку, не выцвели совсем, стоит все же напомнить тот контекст, в котором они органично служат замыслу Сказителя» [1, 3]. Вернусь к учебнику литературы. После прочтения притчи о блудном сыне учащимся предлагаются два вопроса: 1) Как вы думаете, почему отец простил младшего сына? 2) Как понять слова «был как бы мертв и ожил»? После текста о добром самарянине следуют вопросы: 1) Почему приведенный рассказ можно назвать притчей? 2) Кто не следовал словам Иисуса Христа «люби ближнего своего, как самого себя»? Как видим, приведенные вопросы требуют рассуждений на житейские темы, затрагивая некоторые нравственные понятия, что абсолютно недостаточно для осмысления прочитанного.

В связи с вышеизложенным, на уроках православной культуры притчи читаю с учащимися по текстам Евангелия. При знакомстве с притчами исхожу из мысли о том, что это своего рода откровения, которые сделал Спаситель. Своим ученикам он отвечал на вопрос: можно ли обойтись без притч? так: «...вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах» (Мк.4.11). Значит притчи нужны для «внешних» – для тех людей, кто сделал только первые шаги к Царствию Добра и Истины, а значит, для меня и моих учеников. Мы должны помнить, что притча – это язык, с помощью которого знакомые вещи открывают тайны неведомого мира.

Притча – это аллегория, в которой слушатель должен узнать себя. Евангельские притчи – это не просто житейские иллюстрации некоторых нравственных истин, а обращение к совести человека: понимаешь ли ты, что происходит с тобой? Персонажи притч не наделяются каким-то определенным характером. Они не описываются, и сказитель притчи не дает их психологических портретов. Персонаж притчи – это чистейший субъект нравственно-религиозного выбора [1].

Андрей Кураев говорит об одном из основных принципов построения библейского текста: он взывает к самоопределению человека, к выбору. Я же, как учитель, постараюсь подвести своих учеников к определенному выбору. Перед изучением притч считаю уместным познакомить детей с темой «Что такое грех» и с заповедями Божиими, с рассказом о Царстве Божием на Земле.

На уроке знакомства с притчей о блудном сыне начинаю с определения притчи, говорю о том, что Иисус Христос своими притчами рассказал о распространении Царства Божия на Земле и указал пути спасения или примеры того, как падший человек может сделаться наследником Царствия Божия. И прежде всего Он показал, какая радость бывает на Небе о едином кающемся грешнике, внушая мысль, что грешник может ожидать и надеяться на содействие Бога своему спасению, на помилование и милосердие, а не на суд и гнев.

Мы можем с учащимися 6 класса не говорить, что под Старшим сыном подразумеваются фарисеи, не желающие, чтобы Отец их миловал. Но делаем акцент на то, что они были братья. Обратим внимание детей на то, что Старший не хочет разделить радости Отца о спасении погибшего сына и не входит в дом. Мы будем говорить о гордыне, о нравственности и безнравственности, о том, что в семье и радость, и беда общие. А старший брат не хочет знать ни о радости Отца, который болел сердцем о заблудшем сыне, ни о величии брата,

который имел силу духа вернуться, раскаяться. Вернуться не просто в дом к отцу, а вернуться на правый путь, осознав, что доставит отцу больше радости, нежели развратная жизнь на стороне и нераскаянность.

Эта притча отвечает на вопрос, который волнует детей: может ли Бог прощать и очищать человека. Мы говорим о том, что эта притча о потерявшихся и найденных любовью. Она сказана в защиту тех, кто иногда забывает про Бога, кто питается «рожками» («рождовое дерево» растет в Палестине и имеет сладкий вкус), кого кажущаяся сладость греха не может насытить. Человеческая душа не может насытиться вне Бога.

Обратим внимание детей еще на одну деталь. Младший сын «пришел в себя» и сказал себе: «Сколько наемников у отца моего ... встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я (...) недостоин наемников твоих, хотя бы прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15,17–19) Отец не слушает извинений, сразу вводит сына в дом. Так Божественная любовь опережает наше покаяние. А покаяние дарует радость. Есть еще один момент, который не должен выпасть из поля зрения учителя и о котором рассуждает в упомянутой книге Андрей Кураев: «В притче сын отличает своего земного отца от Отца Небесного: «Отче! Я согрешил против неба и пред тобою». Каяться надо не только перед Богом, но и перед людьми. Напоминаем детям, что в православной традиции покаяние может принимать священнослужитель. Говорим об исповеди и об умении просить прощения у своих близких.

О том кто есть близкий нам (ближний), мы можем узнать, познакомившись с притчей о добром самарянине, которая связана с заповедью о любви к Богу и заповедью о любви к ближнему своему. «Ни Ветхий Завет, ни Иисус Христос не показывают оснований, почему должны любить наших близких. Но когда Писание говорит, что должно любить близкого, как самого себя, то ясно показывает эти основания в единстве природы и происхождения от Бога» [2]. Эта притча достаточно сложна для учащихся, поэтому мы опустим вопросы, связанные с Ветхим и Новым Заветами, не будем касаться вопроса, почему странник шел в Иерихон, хотя эти вопросы принципиально важные. Мы вместе с шестиклассниками постараемся разобраться, кого надо считать своим ближним. В ходе беседы с учащимися необходимо подвести их к мысли, что любой человек должен любить каждого, всякого должен видеть в другом себя, подобного себе. Мы будем вспоминать, что любой человек – создание

Божие, и придем к выводу: как Бог близок ко всем нам, как Отец, так и все люди, как дети его, должны быть как братья.

Кроме того, в этой притче мы видим и прекрасный образ любви Сына Божия к падшему человеку, так как «...святые отцы Церкви связывали воедино имя Иисуса Христа и Самарянина» [2]. Он оказал милость и помощь страждущему человеку, возлив на его раны елей милости и вино благодати, под которыми разумеются кровь страданий Христовых и елей помазания Святого Духа.

И наконец, если позволяет подготовленность класса, мы скажем, что под гостиницей надо подразумевать Церковь, а два динария – это два Завета.

Притча о мытаре и фарисее также доступна для восприятия учащимися. Эта притча обличает гордящихся своей праведностью и поощряет истинно кающихся. Мы видим двух совершенно противоположных людей по внутренним свойствам. Перед прочтением притчи считаю уместным поговорить о гордыне и скромности, о том, что гордец упивается своими добродетелями, хвастается ими и может обидеть другого человека. После прочтения обращаем внимание ребят на то, что один человек (фарисей) в своей гордыне не столько благодарит Бога за добрые дела, сколько требует похвалы за них. Он обвиняет других людей, видя в них грабителей, обидчиков, прелюбодеев, и только себя видит праведником.

Поговорим с детьми и о противоположном человеке – мытаре. Делаем вывод, что этот человек ничем не хвалится, что он и в храм боится войти. Предполагаем, что он туда вошел впервые и встает около порога (ему неловко открыто смотреть в глаза Божии). Этот человек знает только свои грехи, обратим внимание, что и молиться-то он не умеет, а только бьет себя в грешное сердце и просит помиловать его. Мы вновь приходим к мысли о необходимости осмысления своих грехов, о покаянии. Мы будем говорить о том, что «сокрушенное и смиренное сердце Бог не уничтожит» и что раскаявшийся человек будет примирен со своим сердцем.

Таким образом, мы можем в школьной практике вместе с учащимися осмысливать тайный, скрытый смысл притч Христовых, которые можно сравнить с сетью, только с сетью Божественной, не губящей, а освобождающей. Захватывая того, кто над ней задумывается, она не связывает, наоборот, незаметно подсказывая разгадку тайны, одаряет радостью и свободой выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверенцев С.С. Притча //Литературная энциклопедия. – М., 1987.
2. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета /А. В. Иванов. – СПб., 2002.
3. Кураев А.. Школьное богословие. – М.: Благовест, 1997.

Summary

THE STUDYING OF CHRIST`S PARABLES IN A SCHOOL PRACTICE

A.E. Troshina

School № 4, Pavlovskiy-Posad

Abstract. The methodology of the Gospel parable studying on literature lessons in the sixth form is examined in the article; the meaning of such lessons in a process of moral upbringing of a person is also given there.

Key words: a parable, the Gospel, allegory, morality, a tradition, Orthodoxy.

ПИСЬМЕННОСТЬ И НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Чудинов В.А.

Государственный университет управления

Аннотация. В статье описываются новые подходы к изучению таких исторических источников, как литоглифы, петроглифы, геоглифы, миниатюры и др., позволяющие переосмыслить традиционную историографию.

Ключевые слова: письменность, археология, эпиграфика, литоглиф, петроглиф, геоглиф.

Каждая наука опирается на некую первичную реальность, на основе которой она строит все свои выводы. Для естественных наук ею является природа, правда, не такая, какая она есть, а такая, какой она выглядит в показаниях приборов. Для гуманитарных наук ею оказывается деятельность человека, но в том виде, в каком ее могут воспринимать другие люди. Для историографии ею считается история общества, однако, опять-таки, не такая, какой она была, а такой, какой ее зафиксировали исторические источники. Получается, что имеется теснейшая связь между видом исторического источника и той картиной прошлого, которая из него образуется путём исторического исследования. Поэтому открытие нового вида исторического источника всегда тревожно: не принесет ли его исследование к изменению уже сложившейся картины истории?

Традиционные исторические источники.

Любой исторический источник самым непосредственным образом связан с письменностью. Весьма уважительно историки относятся к сочинениям древних писателей, написанных на латинском и древнегреческом языках. Другой вид этих источников – это летописи или хроники, то есть регулярные, часто по годам, записи происшедших событий. Главным образом на этих двух типах письменных сообщений и основана вся нынешняя историография. К сожалению, историки к этим источникам настолько привыкли, что редко замечают их ограниченность.

Достоинством летописей или хроник является то, что они привязаны к хронологии. Иногда она выдерживается приблизительно, иногда точно. Иногда между разными летописями возникают некоторые различия в датировке одного и того же события. В большинстве случаев это – допустимая погрешность изменения. Однако у летописей имеется несколько недостатков. Первый из них – это выборочный характер события, упоминае-

мых в летописи. Как правило, летопись изготавливалась при дворе какого-либо князя и отражала его политическую заинтересованность. Поэтому многие очень важные исторические события, которые не интересовали князя, или были свидетельствами его позора, из описания исключались. И напротив, второстепенные события могли быть переданы в хронике как самые важные. Другим недостатком является только упоминание о событии, но не его полноценное описание. И, наконец, в летописях нет указаний на обыденные события, на повседневный быт людей той эпохи.

В этом смысле сочинения древних писателей до определенной степени восполняют эти пробелы. Из них можно узнать много больше сведений о важных исторических событиях, мнения о них их современников, интересные подробности, а также упоминания о местностях и народах. Однако и тут имеются определенные проблемы. Так, древние писатели, расспрашивая обычных людей из той или иной местности о неких событиях, получают не подлинные сведения, а некие легенды. Это – народный взгляд на историю, разновидность фольклора, но такая разновидность, которая нынешними фольклористами не изучается. Точно так же приводятся те названия больших групп людей, которые бытовали в той или иной местности. Например, можно встретить такое название, как «черезпеняне». Для современного русского человека понятно, что если река называется «Пена», то люди, живущие по ту сторону реки – это «черезпеняне», точно так же как за Москвой рекой начинается Замоскворечье, а его жители – «замоскворечане». Это не этнос и не диаспора других народов, это название людей по местности. Однако, поскольку древние писатели не делали различия между этнонимами и названиями людей по месту, то есть топонимами, у историков сложилось впечатление о том, что в древности существовало огромное количество

народов и народностей. Наконец, каждый народ искажает названия имен собственных другого народа, подстраивая их под свою фонетику. Скажем, финское название горы, Суома, в русской передаче звучит как Судома, а столица Дании, «Торговая гавань», которая по-датски звучит как Кёбнхавен, по-русски передаётся как Копенгаген. Это – так называемая «народная этимология», презируемая лингвистами. Ее не только не изучают, ее приводят как образец негодных реконструкций истории слов. Но то, что вызывает возмущение у современных лингвистов, считается надёжными историческими данными древних писателей у историков. Конечно, источниковедение как наука пытается заниматься критикой сведений из источников, однако тут успехи не слишком заметны.

Археология и памятники материальной культуры. Википедия характеризует ее так: «Археоло́гия (др.-греч. ἀρχαῖος – древний и λόγος – слово, учение) – историческая дисциплина, изучающая по вещественным источникам историческое прошлое человечества. Вещественные источники – это орудия производства и созданные с их помощью материальные блага: постройки, оружие, украшения, посуда, произведения искусства – всё, что является результатом трудовой деятельности человека. Вещественные источники, в отличие от письменных, не содержат прямого рассказа об исторических событиях, и основанные на них исторические выводы являются результатом научной реконструкции. Значительное своеобразие вещественных источников вызвало необходимость изучения их специалистами-археологами, которые производят раскопки археологических памятников, исследуют и публикуют находки и результаты раскопок, восстанавливают по этим данным историческое прошлое человечества. Особое значение археология имеет для изучения эпох, когда не существовало ещё письменности вообще, или истории тех народов, у которых письменности не было и в позднее историческое время».

Как видим, археология подошла к истории с другой стороны, со стороны самих предметов. Она как раз смогла восполнить дефицит представлений о повседневном быте людей, предоставив на обозрение общественности именно предметы бытовой культуры той эпохи. И вполне можно согласиться с такими важными преимуществами археологии, которые далее перечисляет Википедия: «Археология необычайно расширила пространственный и временной горизонт истории. Письменность существует около

5000 лет, и весь предшествующий период истории человечества (равный, по новейшим данным, почти 2 млн лет) стал известен только благодаря развитию археологии. Да и письменные источники за первые 2 тысячи лет их существования (египетские иероглифы, линейное греческое письмо, вавилонская клинопись) были открыты для науки археологами. Археология имеет значение и для эпох, когда существовала письменность, для изучения древней и средневековой истории, так как сведения, почерпнутые из исследования вещественных источников, существенно дополняют данные письменных источников».

Появление археологии как науки в XVIII–XIX веках было с восторгом встречено историками, поскольку отвечало их глубоким чаяниям «поглядеть хотя бы одним глазком» на предметы древних эпох. Иными словами, археология явилась наукой, которая ДОПОЛНЯЛА уже полученные знания, никоим образом не вмешиваясь ни в хронологию, ни в оценку исторических событий, ни в общую философию истории. Вместе с тем, у неё также имелись недостатки. Первый из них остался незаметным для самих археологов. Дело в том, что среди всех исторических дисциплин археология – наиболее затратная. Приходится не только выезжать на местность, но и перемещать большие массы грунта, ставить опоры и подпорки, в некоторых местах укреплять грунт. Сами находки следует фиксировать на месте, составлять на них паспорт, промывать, собирать в одно целое из фрагментов, в отдельных частях реставрировать, перемещать на большие расстояния, готовить к экспозиции в музеях, описывать в отчётах и научных публикациях. К сожалению, вся эта отчётность о потраченных денежных средствах и описание материальной составляющей находок (которые после обнаружения представляют собой достаточно дорогие объекты) повлияло на мышление археологов. Теперь в научных статьях представителей этой науки речь больше идёт о паспортном номере образца, месте и ориентации его залегания и датировке, чем об атрибуции, а также принадлежности к определенной археологической культуре и далее – к культуре определенного этноса.

Другой недостаток – вещи оказываются по большей части «немыми», не несущими письменных текстов. В действительности чаще всего это не так, письменные тексты на предметах имеются, но они – неявные. Надписи могут быть крупными, но выцветшими, если речь идёт о краске, или забитыми пылью, если речь идёт о прорезях, или

покрытыми маскирующими их пятнами, если речь идёт о рельефах, наконец, они могут выглядеть светлыми на тёмном фоне, что людьми воспринимается как потёртость, случайная царапина или блик. Она также может выглядеть написанными не в линию, кривыми или даже перевернутыми буквами разных размеров, что нарушает цельность восприятия слова. Наконец, надписи могут быть мелкими по сравнению с самими предметами. Но археология не занимается надписями. Это – предмет другой науки – эпиграфики.

Третий недостаток – это сложившаяся картина человеческой истории по археологическим данным. Археологи вначале копали там, где было дешевле и доступнее. Позже их предпочтения стали изощрённее, они стали копать там, где научный выход от раскопок будет обильнее и не вызовет споров. Иными словами, выбор места раскопок – это наиболее субъективная сторона археологии. И если одни местности кажутся очень богатыми человеческими поселениями в древности, а другие бедными, то не всегда это соответствует действительности – многие места, в частности, в России, сознательно не раскапываются учёными. Так, на просьбу Валерия Никитича Дёмина провести раскопки на Кольском полуострове, археолог В.В. Седов ответил, что в настоящий момент это нецелесообразно, ибо Кольский полуостров резервирован для будущих поколений археологов.

Эпиграфика. Одной из вспомогательных исторических дисциплин является эпиграфика, которая читает надписи не на бумаге и не на пергамене, а на любых других материалах – керамике, дереве, коре, металлу, кости и роге, стекле, камне. Надписи на этих материалах обычно немногословны, однако они выполнены определённой письменностью, что позволяет дать этническую атрибуцию найденных артефактов. Если же удаётся не только определить тип письма, но прочесть и перевести надпись, то появляется дополнительная информация, обычно весьма небольшая. Поэтому эпиграфические источники до сих пор считались слабыми конкурентами сочинениям древних писателей и хроникам.

Литоглифы. Археологам иногда попадаются надписи на камнях, но крайне редко, а надписи на них дают очень скромную информацию. Между тем, из русского эпоса и сказок известно, что богатыри именно на камнях читали информацию о дальнейшем пути. То есть, существовали камни-указатели. И действительно, нам удалось найти камни такого типа, на которых много веков назад было указано, в каком направлении двигаться к городу Тверь, а в каком – к храму Яра. Однако

гораздо больше существовало указателей другого рода, которые показывали не направление на храм, а близость храма. Такие указатели назывались МАЯКИ, и часто выполнялись в виде или точных, или приблизительных зооморфных скульптур. На самих маяках можно было прочесть подробности: название божества, которому посвящён храм, иногда название мастерской, изготовившей данную скульптуру, а также некоторые другие сведения. Существовали также СЕЙДЫ, которые выглядели как небольшая пирамидка из камней, где внизу помещались крупные камни, а сверху – мелкие. Название происходит от предложения: СЕ ИДИ, то есть, ВОТ ИДИ. Кроме того, в непосредственной близости от храма располагались небольшие камни с надписью ВОЙДИ. Тем же словом обозначался и вход храма. В самом храме камни замещали божество, являясь его МАСКАМИ (иконами). Наконец, существовали камни или скульптуры самого божества, его ЛИКИ. Так что литоглифы дают очень интересную информацию о древних ведических храмах. Отдельным видом литоглифов являются надписи на очень мелких камнях, микролитах. К настоящему времени стало понятно, что литоглифы являются основным историческим источником по исследованию русского ведизма. Однако существование развитой славянской веры в течение многих тысячелетий не вписывается в современную археологическую парадигму, поэтому археология не только не изучает литоглифы, но старается даже вообще вывести исследование культовых камней за пределы своей науки. Это натолкнуло нас на конституирование новой науки о духовной составляющей древних надписей и символов – *археоники*.

Петроглифы. Этот тип исторических источников известен современной науке. Вот определение из Википедии: *«Петроглифы (писаницы или наскальные изображения) – высеченные изображения на каменной основе (от др.-греч. πέτρος – камень и γλυφή – резьба). Могут иметь самую разную тематику – ритуальную, мемориальную, знаковую со всеми возможными взаимопересечениями. Ср. геоглифы. Традиционно петроглифами называют все изображения на камне с древнейших времён (палеолита) вплоть до средневековья, за исключением тех, в которых достоверно присутствует хорошо разработанная система знаков. Абсолютно однозначного определения не существует. Петроглифами называют как первобытные пещерные наскальные тёсанные рисунки, так и более поздние, например, на специально установленных камнях, мегалитах или «диких» скалах.*

Подобные памятники не сконцентрированы где-нибудь в одном месте, а широко разбросаны по лицу нашей планеты. Их находили в Казахстане (Тамгалы), в Карелии, в Испании (пещера Альтамира), во Франции (пещеры Фонде-Гом, Монтеспан и др.), в Сибири, на Дону (Костёнки), в Италии, Англии, Германии, в Алжире, где недавно были открыты и произвели сенсацию во всём мире гигантские многоцветные росписи горного плато Тассилин-Аджер в Сахаре, среди песков пустыни. В основном, это изображения животных – олени, бизоны, кабаны, дикие кони; среди них и такие, которые ныне на земле уже не водятся – длинношерстные мамонты, саблезубые тигры. Лишь изредка попадаются абрисы человеческих фигур и голов, вернее, ритуальных масок. Только позднее, в эпоху неолита, стали изображать сцены из жизни первобытного племени – охоты, сражения, пляски и какие-то малопонятные обряды. Такие композиции приблизительно датируются VI—IV тысячелетиями до н. э.. А самые ранние изображения, где преобладают «портреты» зверей, относятся к верхнему палеолиту, то есть были созданы сорок – двадцать тысяч лет тому назад».

Петроглифы отличаются от литоглифов более крупными размерами и более разнообразными надписями. Новизна их как исторических источников заключается в том, что отдельные фрагменты рисунков могут быть надписями, выполненными рунами Макоши или Рода. Петроглифы дают уникальную возможность проникнуть в духовный мир людей каменного века и определить не только промысловое значение тех или иных животных, но и понять их роль в господствовавшей тогда мифологии.

Геоглифы также известны науке. Википедия пишет о них так: «**Геоглиф** – нанесённый на землю геометрический или фигурный узор, как правило, длиной свыше 4 метров. Существуют два способа создания геоглифов – путём снятия верхнего слоя почвы по периметру узора либо, наоборот, насыпания щебня там, где должна пройти линия узора. Многие геоглифы настолько велики, что их можно рассмотреть только с воздуха (наиболее известный пример – геоглифы Наски). К использованию геоглифов в художественных целях прибегают и скульпторы наших дней».

К сожалению, пока наука всерьёз геоглифами не занимается. Между тем, в Англии, где им в последнее время уделяется значительное внимание (но только английским изображениям в виде

меловых рисунков на холмах), показано, что они были изготовлены в эпоху бронзы. В наших исследованиях найдены геоглифы гораздо более древнего возраста, в том числе и горные, и подводные. Они нам дают сведения о местоположении древнейших городов, храмов и космодромов. По соотношению размеров крупных и мелких изображений, служащих земными маяками древних космических кораблей, можно рассчитать глиссаду приземления летательных аппаратов прошлого.

Планетоглифы. На фотографиях Луны и Марса высокого разрешения можно видеть надписи, свидетельствующие о древнейшем пребывании людей на этих космических телах. К сожалению, пока наука этим видом исторических источников не занимается, а наши попытки их исследования в ряде случаев наталкиваются на возражения.

Изобразительные миниатюры. Их тоже вряд ли можно назвать новым историческим источником в том смысле, что их изобразительная сторона давно известна науке. Большой академический словарь интернета пишет: «**МИНИАТЮРА** (франц. *miniature* – от лат. *minium* – киноварь, сурик), художественное произведение (обычно живописное) малых размеров, отличающееся особо тонкой манерой наложения красок. Первоначально миниатюрами назывались выполненные гуашью, акварелью и др. красками иллюстрации, инициалы, заставки и т. п. в рукописных книгах. Искусство книжной миниатюры достигло высокой степени совершенства в средневековой европейской, ближневосточной, среднеазиатской, иранской и индийской культуре. Название «миниатюра» перешло и на живопись (главным образом портретную) малого формата, исполняемую на кости, пергаменте, картоне, бумаге, металле, фарфоре, нередко на бытовых предметах – табакерках, часах, перстнях. О миниатюрах на лаковых изделиях см. Лаки художественные».

Как видим, миниатюры рукописных сочинений, а затем и выросшие из них иллюстрации печатных книг рассматриваются обычно только как произведения изобразительного искусства. Мне было удивительно понять, что вплоть до середины XIX века многие художники, в том числе и в Западной Европе, нанимали специальных помощников для «правки» в книжных иллюстрациях, то есть, для вписывания в них текста. Специально слегка изменяли штрихи волос, складок ткани, шнуровки обуви, чтобы вписать отдельные буквы, которые иногда превращались в несколько предложений. Затем выяснилось, что то же самое можно на-

блюдать и на больших церковных иконах, и на крошечных глиняных иконках. А потом оказалось, что традиция вписывания текста в изображение тянется с каменного века.

Самыми удивительными в этом отношении явились этрусские бронзовые зеркала, на обратной стороне которых изображались сценки с участием различных персонажей, мужчин и женщин. Классическая этрусология полагала, что данные персонажи являются участниками неких мифологических сценок на древнегреческие сюжеты, а немногие слова этрусков на ободке являются именами участников. Однако в наших исследованиях выяснилось, что явные надписи не являются именами собственными, а описывают лишь общую ситуацию, тогда как все пояснения, а также имена персонажей приводятся в виде неявных текстов. Более того, имена являются не наименованиями персонажей, а обозначениями стран той эпохи, а сами сценки служат политическими аллегориями на злобу дня. В таком случае, информацию несут не только позы персонажей, но также их мимика, одежда, причёски, аксессуары. На сегодня этот тип информации ясен только в общих чертах. Однако более подробное исследование, как я надеюсь, поможет понять историю политических отношений Этрурии не только с Римом, но и с Русью с центром в Москве, а также с Русью с центром в Арконе.

Замечу, что данный исторический источник не только наиболее информативен, но и наиболее труден для интерпретации. Но зато он даёт сведения не только по древним религиям, что не слишком затрагивает сложившуюся историографическую парадигму, но и соотношения между разными этносами и странами, то есть, политическую историю античности. И выясняется, что эта история была во многом не такой, какую мы привыкли видеть в существующей историографии. Так, центральным государством того времени была Ярова Русь со столицей в Москве, и именно Москва считалась столицей всего мира. Вторым по значимости была Ярова Русь со столицей в Арконе. Эллада имела официальное название Яра Рода Русь Яра, как и многие другие части мира Яра, и считалась далёкой провинцией с провинциальными порядками. А Рим был основан по обоюдному желанию Москвы и Арконы как

мировой духовный центр, и Русь его возвращала и вооружала. Однако Рим наводнился выходцами из других стран, в частности, арабами, и когда инородцы получили численное преимущество за счёт более высокого прироста своего населения, они взяли власть в свои руки и подчинили себе страну, которая их приютила. А затем началась экспансия в другие страны, и армия Рима стала вести войны ради захвата чужих земель, чужого богатства и чужого населения, то есть, превратилось в государство-паразит. Этрусские зеркала позволяют рассмотреть данный процесс в деталях, из века в век.

Неудивительно, что именно моя монография «Вернём этрусков Руси» вызвала наибольшее неудовольствие историков. Появился новый исторический источник, который возвращает как раз те сведения, которые в течение многих веков прятали Рим и Константинополь. И сразу после публикации моей монографии появились сайты с проплаченными сотрудниками, которые, не рассматривая проблемы по существу, стали обливать меня грязью, выворачивая все аргументы наизнанку. Для меня это было признанием угрозы для сложившейся историографической парадигмы от нового исторического источника.

Однако дело, разумеется, не во мне, а в открывающейся благодаря новым источникам новой информации о прошлом. Естественно, что постепенно этой методикой извлечения исторической информации овладеет масса моих последователей, и со временем историография непременно их признает.

Заключение. Появление новых исторических источников показывает, что наши предки были во многих отношениях выше нас. Они умели соединять воедино изобразительную и письменную информацию так, что получалась весьма ёмкая картина их материальной и духовной жизни. И мы находимся только в начале постижения их интереснейших посланий, которые мы не замечали только в силу своей заносчивости. Нам казалось, что их изображения часто созданы пересекающимися или прерывистыми линиями только потому, что они не умели рисовать. На самом деле они вписывали в рисунки целые послания, которые именно мы в силу нашего невежества, не видели в упор.

Summary

WRITTEN LANGUAGE AND NEW HISTORICAL SEARCHES

B.A. Chudinov

State University of management

Abstract. New approaches to studying historical searches such as lithoglyphs, petroglyphs, glyphs, miniatures and others allow to rethink traditional historiography.

Key words: written language, archeology, epigraphy, a lithographer, a petroglyph, a glyph.

ИЗ ИСТОРИИ БУКВАРИСТИКИ

Шпунтова Т.Т.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье описаны основные этапы тысячелетней истории обучения грамоте на Руси – от первых берестяных грамот 12–14 веков, азбуки И.Федорова (16 век), букваря К.Истомина (17 век) до современных средств обучения. Большое место в статье занимает характеристика «Новой азбуки» Л.Н.Толстого и методической системы К.Д.Ушинского, основоположника звукового аналитико-синтетического метода обучения грамоте. Ознакомление с историей букваристики позволяет осмыслить характер применявшихся в прошлом дидактических систем и помогает решать актуальные методические задачи.

Ключевые слова: грамота, азбука, букварь, буквослагательный метод обучения грамоте, звуковой аналитико-синтетический метод обучения грамоте.

Методика грамоты – древняя отрасль знания. Однако не следует думать, что в ней все принципиальные вопросы давно решены и остаётся лишь совершенствовать детали. Многие годы учёные изучают пособия прошлого, сопоставляют их между собой, с аналогичными современными материалами и оценивают с точки зрения их эффективности в обучении.

Как известно, школьное обучение грамоте на Руси началось около тысячи лет назад. После «устроения» Кириллом и Мефодием славянской азбуки она, в виде кириллицы, постепенно распространилась в Болгарии, а затем на Руси. Развитие экономики, культуры, принятие Киевом в 998 г. христианства – всё это создавало большую потребность в грамотных людях: стали создаваться «училища». Летописи сообщают, что в 1030 г. Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост и поповых детей 300 учить книгам»[15, 45].

Читать тогда учили по церковным книгам – рукописным, на старославянском языке (бумаги ещё не было, писали на пергаменте – специально выделанных телячьих кожах). Писать учили на деревянных азбуках: в верхней части дощечки вырезались письмена – писалом. Бывали азбуки и из двух дощечек: одна – для букв-образцов, другая – для письма по воску.

Одна из древнейших азбук – Новгородская азбука, имеющая широкое распространение на Руси XII – XIV вв. Это древнейшее средство обучения.

Уже к началу XIII в. грамотность на Руси распространилась широко. Этому способствовало использование дешёвого писчего материала

– берёсты. Так, при раскопках в Новгороде найдено много берестяных грамот того времени, написанных самыми разными людьми. Среди них – 17 грамот и рисунков мальчика Онфима, датированных 1224–1238 гг. [2, 17–32]. Это древнейшие из известных нам на Руси ученических работ – «прописей». Обратим внимание, что, многократно прописывая буквы и слоги, Онфим оживляет эту работу рисованием. Характерна тематика рисунков: дети, лошади, воины – пешие и конные; героика. В них отразилась эпоха: с запада на Руси давили «псы-рыцари», с востока и юга – татаро-монголы.

Главным событием XVI века было издание азбуки Ивана Федорова, московского первопечатника. Он в 1574 г. издал во Львове первую у восточных славян печатную азбуку – «ради скорого младенческого научения». Это выдающийся памятник нашей культуры. По ней учились многие поколения украинцев, белорусов, русских.

Сначала учили алфавит – от аза до ижицы: аз, буки, веди, глаголь, добро и т.д. Затем – обратно: от ижицы к азу, 45 букв (их вид, название, место в алфавите). Потом учили слоги: двухбуквенные (ба-ва-га-да-...) и трёхбуквенные (бра-вра-градра-...; бре-вре-гре-...). И так – более 400 слогов!

Освоив слоги, начали читать слова – «по складам»: «твёрдо-рцы-аз-тра; веди-аз-ва; тра и ва-трава». Лишь на 2-3 году обучения читали их «по верхам» – без названия букв и слогов. Слова брали из богослужебных текстов, часто непонятые детям. Многие слова писались сокращённо – члк. (человек).

Примечательно, что в «Азбуке» И.Федотова не было иллюстраций.

Во второе издание «Азбуки» И.Федорова (1578 г.) включён большой исторический текст «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, созданного на рубеже IX – X вв. В нём рассказывается, как в 863 г., Кирилл составил азбуку для славян и как в старину обучали грамоте.

Вот начало «Сказания Храбра»: «Прежде ведь славяне ещё были погаными язычниками, не имели букв, но чертами и резами считали и гадали. Крестившись же, при необходимости писали славянскую речь римскими и греческими буквами без устранения... И так было много лет. Потом же человеколюбец бог... послал им святого Константина Философа, именуемого в монашестве Кириллом... Тот и сотворил им 30 и 8 букв, которые по образцу греческих, а которые – по славянской речи... От начала же по-гречески: у них «альфа», здесь же – «аз»...».

И далее – о способах обучения: «детищу, вводимому учиться, говорят: «Учи, это алеф» (альфа, аз)... Да скажем детищу в обучении: «Место ищи! Альфу, говоря греческим языком, её ищи!» [1, 45–49].

Как видим, обучение начинали с показа букв, давали им полные наименования (порой греческие), твёрдо заучивали место букв в алфавите. Эта методика восходит к древним дидактическим традициям греков и финикийцев. Она широко применялась в России до конца XIX века.

«Сказание» трудновато для детей. Но ввод этого содержательного, реалистического по сути текста в «Азбуку» тогда, при господстве в школе церкви, – новаторский шаг И. Федорова. И далее, в XVII–XVIII вв. шло постепенное усиление в российских азбуках и букварях текстов и иллюстраций на житейские, бытовые темы и сокращение материалов по религиозной тематике. При этом обычными становятся учебные иллюстрации, в т. ч. цветные. Вот какой, например, назидательной картиной открывался «Букварь языка славенска» Василия Бурцова, изданный в Москве в 1637 г.: под дворцовыми сводами за столом ученики с книгами, на переднем плане – наказание нерадивого ученика розгами. [11, 25].

В 1624 г. был издан богато иллюстрированный букварь Кариона Истомина – педагога, поэта, переводчика. В нём каждой букве посвящена отдельная страница. Буквы даны в разных начертаниях – печатном и рукописном, полууставом и славянской вязью; приведены их греческие, латинские и польские соответствия. Буквы были изображены в «лицах» – фигурами людей. На каждой странице много предметных рисунков к словам с изучаемой буквой.

XIX век отличается тем, что выходит много букварей и азбук. Их было много, десятки: шли интенсивные поиски новой методики обучения, поскольку старая, буквослагательная не удовлетворяла из-за её механистичности. Назовём некоторые из них:

– Русская азбука, составленная по легчайшей методике. – Спб., 1863 г.

– Худяков И.А. Самоучитель для начинающих обучаться грамоте. – Спб., 1865 г. (Сразу же был запрещён за революционность текстов).

– Гребеник М. Русская азбука или руководство для обучения детей сразу читать и писать, начиная с 6-летнего возраста. – М., 1867 г.

– Бунаков Н. Азбука и урок чтения и письма в 3-х книжках. – Спб., 1873 г.

В XIX веке обучение грамоте шло не только буквослагательным методом, но и методом целых слов, который называли и методом Золотова – по фамилии автора популярных тогда учебников, в том числе и «Русской азбуки» 1860 г. Он был основным и в первые полтора десятилетия советской школы. Это звуковой аналитический метод: обучение начиналось с письма-рисования слов, без ознакомления с буквами. Буквы учили через месяц-два, после усвоения нескольких десятков слов. Такая методика пришла к нам из англоязычной школы, и соответствовала природе английского языка – большая степень аналитизма языка, большое количество коротких слов и незначительное количество слов, имеющих расхождение в произношении и написании [10, 40–41].

В XIX в. наиболее эффективными оказались поиски нового метода выдающимися русскими педагогами К.Д. Ушинским и Л.Н. Толстым.

Вклад Толстого в развитии русского общества огромен. В плане развития великим писателем методики обучения грамоте отметим, прежде всего, следующее:

– в 1859 г. он устроил в родном селе Ясная Поляна школу для крестьянских детей и затем три года в ней преподавал;

– в 1862 г. издаёт журнал «Ясная поляна», в котором отстаивает принципы русской народной школы;

– в 1868–1872 гг. создаёт «Азбуку» – учебник по чтению, письму, грамматике и арифметике;

– в 1874–1876 гг. на её основе создаёт «Новую Азбуку», «Книги для чтения», «Арифметику».

Заметим, что в 1863–1868 гг. Лев Николаевич работает над романом «Война и мир». Но, и завершив это гениальное произведение, он своим главным трудом считает «Азбуку».

«Гордые мечты мои об этой азбуке, вот какие:
По этой азбуке только будут учиться
Два поколения русских всех детей от царских
до мужицких

первые впечатления поэтические получают из
неё,

И что, написав эту Азбуку,

Мне можно спокойно умереть...

...Я памятник воздвиг этой Азбукой». [12, 19].

И действительно – «Новая азбука» выдержала 30 изданий, общий тираж которых – 2 миллиона экземпляров. По ней учились дети ещё и в первые годы Советской власти.

Чтобы по достоинству оценить труд Толстого, надо иметь в виду, что в распоряжении русской школы до него почти не было хороших учебных текстов. Содержательных и в то же время простых, понятных ребёнку, высокохудожественных, чтобы увлечь его. Это остро почувствовал Лев Николаевич, работая в школе. И он создал для детей более 600 произведений-рассказов, сказок, былин, описаний и др. Среди них такие любимые нами, как: «Три медведя», «Лев и собачка», «Акула», «Прыжок», «Филиппок», «Кавказский пленник».

Заслуживает внимания и разработанный Толстым «слуховой» метод, приёмы обучения по этому методу. Рассмотрим, например, методические указания Льва Николаевича к первому уроку по «Новой азбуке»:

– Показать все простые изображения букв А, Б, В, Г, Д и т.д.

– Написать такие же на стене (на доске).

– Называя буквы, заставлять учеников повторять: а, бе, ве, ге...

– Не дожидаясь, пока ученики выучат буквы, начинать на слух складывать и раскладывать слоги: БЕ и А будет БА, БЕ и У – БУ.

– Повторив так слогов 20, учитель говорит только БЕ – А, ученики же отвечают – БА.

– Когда учитель видит, что большинство учеников складывают на слух верно, начинается чтение слов из книги: ТУЧА, ТУЛА...

– если ученики не помнят букв, из которых состоит слово, учитель подсказывает их, пользуясь словами, начинающимися с этих букв – телега, утка, червяк, арбуз и т. п.

– Дети списывают прочитанные слова [12, 269-270].

Обращает внимание то, что в «Новой азбуке» не было ни одной иллюстрации. И не было работы по картинкам – всё внимание буквам, словам, тексту. Работали напряжённо, вдумчиво и с интересом. Полезно запомнить совет великого педагога:

«Для того, чтобы ученик учился хорошо, нужно, чтобы он учился охотно.

Для того, чтобы он учился охотно, нужно:

1) Чтобы то, чему учат ученика, было понятно и занимательно, и

2) Чтобы душевные силы его были в самых выгодных условиях...».

А потому: «Избегайте грамматических... определений и подразделений...».

Главное – больше читать... и больше писать из головы» [12, 175-180].

Он был с детьми прост и ласков. Шутил, играл с ними. Не наказывал. И они радостно шли от букв к словам, от слов – к текстам, от них – к своим сочинениям, высоко ценимым Толстым.

Толстой начинал учить с букв, но употреблял только их краткие наименования. Уделяя большое внимание восприятию слов, речи на слух и тем способствовал переходу русской школы на звуковой аналитико-синтетический метод обучения грамоте.

Основоположником нового, прогрессивного метода обучения грамоте стал К.Д. Ушинский. Это метод звуковой, аналитико-синтетический (сам он называл свою систему обучения методом письма-чтения, так как письмо изучаемых букв шло у него сразу за их устным разбором и предваряло чтение). Из работ Ушинского для нас главные:

1) «Родное слово» – азбука и первая после азбуки книга для чтения (1864 г). Издавалась около 140 раз;

2) «Детский мир» – хрестоматия для внеклассного чтения (1863 г).

Ведущие черты метода Ушинского:

1) Опора на устную, живую речь учащихся.

2) Повышенное внимание к развитию мысли, душевных сил ребёнка.

Отсюда – постоянные упражнения в анализе и синтезе речи. Отсюда и особые требования к наглядности в обучении: «Изустная речь основана на мышлении... Но чем вы возбудите мысль ребёнка и вызовете из него самостоятельное слово, как ни показав ему какой-либо предмет или изображение предмета... Детская природа ясно требует наглядности. Учите ребёнка каким-нибудь пяти неизвестным ему словам, и он будет долго и напрасно мучиться над ними; но свяжите с картинками 20 таких слов и – ребёнок усвоит их на лету... Показывание картинок и рассказы по ним – лучшее средство для сближения наставника с детьми... Если вы входите в класс, от которого трудно добиться слова, начните показывать картинки, и класс заговорит, а главное, заговорит свободно, непринуждённо» [13, 290–291].

Наглядность Ушинский понимал и в широком плане предметного, чувственного восприятия действительности, и в узком – предельно чёткого ознакомления с окружающим учащихся, с «материей языка» – звуками речи – и с буквами, способами письма.

Ушинский использовал разнообразную наглядность – предметную, изобразительную: «Предметы, о которых говорится в «Детском мире», большей частью могут быть показаны детям в натуре. Ничего не стоит приобрести для этой цели кусок гранита, стебель конопли, отрубок сосны, кусок негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку...

Нетрудно также приобрести изображение лошади, овцы, слона и десятка два других... Некоторые необходимые изображения приложены в конце книги; но во время чтений они должны быть нарисованы учителем или одним из учеников на классной доске в большом виде». [13, 248].

В целом же учебники Ушинского иллюстрированы скупо: не было средств. Власти не одобрили демократизм Ушинского. С горечью он отмечал: «Издание сколько-нибудь порядочных картин для наглядного обучения обходится так дорого, а самая потребность этих картин осознана нашим обществом и нашими школами так мало, что едва ли кто-нибудь решится затратить на это дело значительный капитал» [12, 291].

Следует отметить, что рекомендации К.Д. Ушинского во многом актуальны и сегодня.

Современная методика обучения грамоте базируется на многовековых традициях, впитала в себя всё лучшее, что было у И. Федорова, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского и многих-многих других. Вместе с тем ясно, что она реализуется в качественно новых условиях: в массовой демократической школе, при всемерной поддержке государства, а также в частных школах, что открывает небывалые возможности для развития методической мысли.

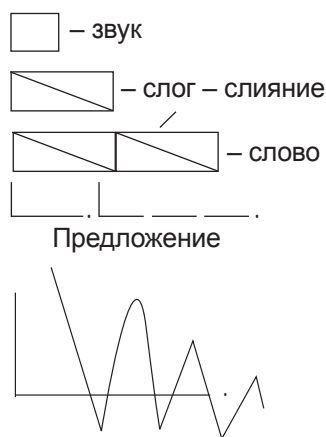
Назовём некоторые черты современной методики обучения грамоте:

- опора на живую, звучащую речь ребёнка (звуковой метод);
- постоянная забота об обогащении знаний ребёнка, развитии его мышления и нравственных сил (здесь – анализ и синтез речи);
- стремление обеспечить оптимальный режим работы – с учётом возрастных и индивидуальных особенностей детей: доступность изложения, положительный эмоциональный фон учения, учёт разноуровневой подготовки детей и т.д.

Реализации современных идей обучения грамоте служит комплекс учебных средств. И здесь надо со всей определённой подчеркнуть: никогда прежде процесс обучения грамоте не был так основательно оснащён.

Перечислим основные средства обучения грамоте:

1. Буквари и азбуки. Красочные, богато иллюстрированные. В них обилие картинок, иллюстраций к произведениям для развития речи, линейные схемы предложений и схемы-модели звукового состава слова, как зрительные опоры при анализе и синтезе речи;

– лента букв для фиксации выученных букв, системного восприятия алфавита, систематизации знаний об изученных звуках и буквах;

– различные шрифты – печатанный и рукописный, крупный и мелкий;

– таблицы – слоговые и словарные;

– тексты – собственно учебные и художественные, научно-популярные, фольклорные и из литературной классики – А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, В.В.Маяковского, С.В.Михалкова и др;

– изображение любимых персонажей детских книг – Буратино, Мурзилки, Незнайки, Карандаша, помогающих детям отвечать на вопросы, разгадывать ребусы, составлять рассказы и т.п.;

– ребусы, кроссворды и др.

Следует оценить как положительный опыт выведения учителем некоторых из этих материалов за пределы азбуки: ленты букв, схем-моделей, ребусов, игровых персонажей. Они выполняются в более крупном размере, яркими, динамичными – для гибкого использования вне прямой связи с буквой.

2. Книжка «Читаем сами», варьирующая букварные материалы.

3. Кассы букв и слогов – общеклассные и индивидуальные.

4. Таблицы по обучению грамоте.
5. Таблицы по каллиграфии – для обучения письму авторучкой.
6. Прописи (и учебник «Письмо»).
7. Плакат «Сиди правильно при письме».
8. Грамзаписи учебных текстов и музыкальных произведений.
9. Интерактивная доска.

Кроме отмеченных средств обучения большую роль играет предметная и ситуативная наглядность: комплекты игрушек, муляжей, минералов, окружающая детей обстановка – в классе, в школе, на улице, всё, что они видят на экскурсиях, в быту и т. д.

И всё же следует помнить об определяющей роли учителя в обучении грамоте. Речь учителя, устная и письменная, является образцом для детей. Учитель должен говорить содержательно, чётко, выразительно и писать правильно, красиво – образцово. В этом плане каждому педагогу нуж-

но критически осмысливать свою речь.

В связи с обучением грамоте в русском языке образовалось много мудрых крылатых выражений. Так старая поговорка гласит: «Корень учения горек» (иногда добавляли: «Но плод его сладок»). Что издавна считалась корнем учения, почему он был горек, а каков он сейчас? Думается, ответы на эти вопросы очень поучительны.

Перечислим ещё несколько выражений: начинать с азов, расставить точки над И, стоять фертом, сделать что-либо на ять, прописать ижицу, филькина грамота [7, т.1-2].

Итак, тысячелетняя история обучения грамоте на Руси сложна, интересна и поучительна. Ознакомление с ней не только позволяет осмыслить характер применявшихся в прошлом дидактических систем, не только наполняет наши сердца гордостью за достижения предков, но и помогает нам сегодня решать актуальные методические задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука И.Федорова. 1578. – М.: Книга, 1983.
2. Арциховский А.В., Борковский В.Н., Новгородские грамоты на берёсте. – М., 1963.
3. Афанасьев П.А. Хрестоматия по истории методов преподавания русского языка в нач. школе. – М., 1941.
4. Бугрименко Е.А. Обучение чтению по системе Д.Б. Эльконина. – М., 2003.
5. Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф., Берестов В.Д. Русская азбука: Учебник для учащихся 1 кл. – М.: Просвещение, 2010.
6. Горецкий В.Г. О методике обучения чтению //НШ, №5, С.6., 2005.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1984.
8. Ефросинина Л.А. Первое обучение грамоте //НШ, 1983, №7.
9. Истрина В.А. 1100 лет славянской азбуки. – М., 1983.
10. Львов М.Р., Рамзаева Т.Г., Светловская Н.Н. Методика обучения русскому языку в начальных классах. – М., 1987.
11. От азбуки И. Федорова до современного букваря. – М., 1974.
12. Толстой Л.Н. Азбука. Новая азбука. – М., 1987.
13. К.Д.Ушинский. Предисловие к первому изданию «Детского мира». «О первоначальном преподавании русского языка». «Родное слово»: Книга для учащихся. избр. пед. соч. Т.2. – М., 1974.
14. К.Д. Ушинский Родное слово/ Сбор. Соч. в 6 т. – М. – Л., 1949, т. 6.
15. В.Л. Янин. Я послал тебе берёсту. – М., 1975.

Summary

FROM THE HISTORY OF ABC BOOKS

T.T. Shpuntova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The main periods of millennial history of training a charter in Russia are described in the article, these periods are from the first elm charters of the twelfth - fourteenth centuries, the alphabet of I. Federov (the sixteenth century), a charter of K. Istomin (the seventeenth century) till modern training methods. More attention

in this article is devoted to characteristics of «New alphabet» by L.N. Tolstoy and to the methodological system by K.D. Ushinkiy who was the founder of analytical-synthetical method of training a charter. Familiarization with the history of a charter let to conceive the character of didactical systems in the past and helps to do actual methodological sums.

Key words: a charter, an alphabet, letter-building method of training a charter, sound analytical-synthetical method of training a charter.

НАШИ АВТОРЫ

Аксенова Л.Н. – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Булавкин К.В. – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Введенский А.Д. – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Джохадзе Д.В. – доктор философских наук, профессор Института философии РАН.

Киреев М.П. – доктор юридических наук, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации.

Комарова М.Ю. – аспирантка Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Кондратьев Д.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук МГОГИ.

Лопатёнков А.А. – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Петрушенко А.Д. – кандидат экономических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Полянина А.К. – кандидат соц. наук, ст. преподаватель Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Попов А.П. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Пятигорского филиала РГТЭУ.

Рябцев А.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Рязанов Н.Ю. – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Ткаченко А.С. – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Трошина А.Е. – учитель литературы МОУ СОШ № 4, г. Павловский Посад.

Чудинов В.А. – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Государственного университета управления, директор института Древнеславянской и Древнеевразийской цивилизации, академик РАЕН.

Шпунтова Т.Т. – старший преподаватель Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Югай Г.А. – академик РАЕН, доктор философских наук, профессор, сопредседатель Отделения евразийских исследований РАЕН, директор Научного центра евразийских исследований РАЕН.

Юнусов А.М. – доктор философских наук, профессор кафедры историко-правовых и гуманитарных наук МГОГИ, академик РАЕН.

Янчикова Т.И. – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

Научный журнал

№1 (2012)

Подписано в печать 18.06.2012.

Формат 60x84/8.

Усл. печ. л. 13,72. Тираж 100 экз. Заказ № 225.

Редакционно-издательский отдел

Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.